СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXIV, № 1.

РАЗЫСКАНІЯ
о
ГРЕЧЕСКИХЪ БОГАТЫРСКИХЪ БЫЛИНАХЪ
СРЕДНЕВѢКОВАГО ПЕРІОДА.

ОПЫТЪ ПЕРЕВОДНАГО И ОБЪЯСНИТЕЛЬНАГО СБОРНИКА.

Гавріила Дестуниса.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1883 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой книгѣ мы занимаемся греческими богатырскими былинами, относящимися по своему происхожденію къ эпохѣ византійской. Для облегченія ближайшаго ихъ разсмотрѣнія, мы перевели на русскій языкъ и сопоставили всѣ тѣ изъ нихъ, какія могли мы добыть изъ разныхъ изданій. Знакомые только со сборниками, и то не со всѣми, не имѣя подъ рукою греческихъ журналовъ и газетъ, мы не имѣемъ увѣренности въ томъ, что нашъ сборникъ составленъ съ надлежащею полнотою. Пѣсни эти, сложенныя размѣромъ политическимъ, переведены нами въ прозѣ возможно близко, всѣ съ греческаго, кромѣ одной (подъ № 3), которой мы не имѣли въ подлинникѣ и которую были вынуждены перевесть съ французскаго.

Мы стараемся установить, хоть приблизительно, время, къ которому принадлежитъ главный составъ былинъ, указывая при этомъ и на нѣкоторыя ихъ черты, относящіяся ко времени гораздо болѣе раннему, и на другія, прилѣпившіяся къ упомянутому составу позже того времени, когда онъ образовался.

Вполнѣ признавая за нашими предшественниками по вопросамъ о сопоставленіи и распредѣленіи греческихъ средневѣковыхъ пѣсенъ ихъ заслуги, мы стараемся на удобномъ мѣстѣ

воздавать каждому свое. Но имѣя по означеннымъ вопросамъ и собственныя наблюденія, мы пытаемся распредѣлить греческія богатырскія средневѣковыя былины на основаніи этихъ наблюденій слѣдующимъ образомъ. Изъ 23 переведенныхъ и разсмотрѣнныхъ здѣсь пѣсень нѣкоторыя принадлежатъ къ отдѣльнымъ кругамъ или цикламъ, а именно изъ нихъ 13, вертятся около Дигена (= Акриты) и 2 около сына Андроникова: эти два круга мы не считаемъ себя въ правѣ смѣшивать между собою впредь до новыхъ данныхъ. Мы занимаемся ими въ двухъ главахъ отдѣла 1-го. Далѣе, замѣтивъ, что въ 4 народныхъ стихотвореніяхъ сохранился одинъ и тотъ же сюжетъ только въ разныхъ пересказахъ, мы отнесли эти стихотворенія къ особому отдѣлу 2-му. Наконецъ былины, стоящія покамѣстъ особнякомъ, мы помѣстили въ отдѣлѣ 3-мъ.

При этомъ мы занимались объясненіемъ сюжетовъ, эпическихъ оборотовъ, личныхъ прозвищъ и отчасти обычаевъ.

Гавріилъ Дестунисъ.

10-го Января 1883 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

БЫЛИНЫ О ДИГЕНѢ.

Многія изъ этихъ былинъ были и прежде насъ сопоставляемы извѣстными учеными: А. Н. Веселовскимъ, Г. Саѳою, Г. Леграномъ и другими, какъ будетъ показано на своемъ мѣстѣ. Представляя здѣсь переводъ и толкованіе 13 былинъ, относящихся къ одному кругу, мы отлагаемъ общія о нихъ соображенія къ концу этой первой главы.

(Общее прим. Къ каждой былинѣ мы ставимъ то заглавіе, которое ей дано ея издателемъ; но сверхъ того иногда находимъ нужнымъ въ скобкахъ упомянуть о содержаніи былины. Цифры, поставленныя на поляхъ, означаютъ стихи греческаго подлинника.

А. 1. ПѢСНЯ О ДИГЕНѢ [1]).

(Содержаніе: Похищеніе Дигеномъ невѣсты).

Три боярина усѣлись поѣсть и выпить; разговаривать было не́ о чемъ, принялись за разсказы: кто про саблю, кто про копье, а третій самый лучшій, про дворцы: «Много дворцовъ обошолъ я, много дворовъ осмотрѣлъ, а каковъ дворецъ Аліандра, другаго

---

1) Переводимъ изъ Τα Κυπριακα, τομος τριτος. Η εν Κυπρω γλωσσα, υπο Αθανασιου Α. Σακελλαριου Ἁγιοπετρίτου, Καθηγητοῦ τοῦ ἐν Πειραιεῖ Γυμνασίου. Αθηνησι... 1868. Сборникъ этотъ Г. Сакелларіемъ составленъ съ устъ Кипріянъ. См. т. III, с. 1. См. пѣсню подъ № 4 съ заглавіемъ Ἆισμα Διγενῆ. Въ краткомъ русскомъ пере-

подобнаго я не видывалъ: двери-то въ мозаикѣ, стѣны съ рѣзьбой, а въ сводѣ окна висятъ драгоцѣнности; надъ драгоцѣнностями — дѣвица раздражонная [2]). Взяли и обручили ее съ Яни; она Яни не чета, она Діенну чета». — А Діеннъ стоитъ снаружи и слышитъ: пнулъ въ дверь: былъ снаружи, а очутился внутри. Какъ завидѣли его бояре, передъ нимъ встаютъ: «Добро пожаловать, Діеннъ: кушай, пей съ нами». — «Не пришолъ я, Діеннъ, — ѣсть, пить съ вами. Васъ трое бояръ усѣлось — пить, и ѣсть; разговаривать вамъ не о чѐмъ; принялись за разсказы». — «Да, разговаривать намъ нé о чемъ, принялись за разсказы. Кто про саблю (и проч. какъ выше). Она Яни не чета, а только твоей милости чета».

Боднулъ воронаго, къ Хильопаппу ѣдетъ; а тотъ, какъ завидѣлъ Діенна, передъ нимъ встаетъ: «Добро пожаловать, Діеннъ; кушай, пей съ нами». — «Не пришолъ я, Діеннъ, ѣсть, пить съ тобою, а пришолъ я, Діеннъ, за тобою, чтобъ тебѣ сватомъ ѣхать». — «Одежка моя загрязнилась, оружье заржавѣло, а вороной мой охромѣлъ: не ѣду сватомъ». Молвитъ Діеннъ, говоритъ Хильопаппу: «Коли одежа твоя загрязнилась, я дамъ тебѣ свою; коли оружье твое заржавѣло, я дамъ тебѣ свое, коли твой вороной охромѣлъ, своего воронка дамъ тебѣ: во всякомъ случаѣ, Хильопаппъ, поѣзжай сватомъ». Раздѣвается Хильопаппъ,

---

сказѣ приведена таже пѣсня въ «Отрывкахъ Византійскаго эпоса» А. Н. Веселовскимъ. Вѣстникъ Европы 1875, Апрѣль, стр. 754. Начало этой пѣсни: Τρεῖς ἄρχοντες ἐκάτσασιν νὰ φᾶσιν καὶ νὰ πίουσι. Французскій переводъ этой пѣсни помѣщенъ въ Les exploits de Digénis Akritas... par C. Sathas et E: Legrand. Paris... 1875, на стр. LIV—LVI подъ заглавіемъ: Enlèvement d'Eudocie par Digénis. Это заглавіе придуманное: въ эпопеѣ жена Дигена носитъ это имя.

2) Ἀγκρισμένη = раздражонная. — Перевожу на основаніи Кораи̇: «Ἀγγρίζω (Irriter, effaroucher). Ἴσως καὶ τοῦτο ἀγκρίζω». Ἄτακτα Т. 2. стр. 7 и 8. Но быть-можетъ Г. Саѳа и правъ, когда переводитъ: aux yeux noircis de Khol. (см. стр. LIV въ книгѣ Саѳы и пр. Упомянутой въ предъид. прим.) т. е. насурмленная.

надѣваетъ на себя его одежду, опоясывается его оружьемъ, садится верхомъ на прекраснѣйшаго воронка. И боднулъ воронка и къ Аліандру поѣхалъ. Какъ завидѣли его бояре, встаютъ передъ нимъ: «Добро пожаловать, Хильопаппъ, кушай, пей съ нами; скушай зайца отборный кусочекъ, покушай куропаточки жареной, да дикаго лучку, что кушаютъ храбрые [3]); да выпей винца сладкаго за здоровье четы» [4]). — «Не пришолъ я, Хильопаппъ (и проч. какъ выше). Діеннъ присылалъ меня сватомъ». Какъ возговоритъ мать ея, молвитъ таково слово: «Мать его Саракинка, отецъ — Еврей, а самъ онъ бродяга, не хочу его зятемъ». Какъ возговоритъ отецъ его, молвитъ таково слово: «Мать, что ее породила, будетъ рожать и другихъ дочерей, отецъ, что произвелъ ее на свѣтъ, произведетъ и другихъ дочерей: и я Діенна сдѣлаю своимъ зятемъ».

Боднулъ Хильопаппъ воронаго и поѣхалъ къ Діенну. Какъ завидѣлъ его Діеннъ, очень обрадовался: «Добро пожаловать, Хильопаппъ, съ добрыми вѣстями». — «Добро пожаловалъ Хильопаппъ, а съ худыми вѣстями: какъ завидѣли меня бояре, встали передо мною. Добро пожаловать, Хильопаппъ» (и проч. какъ выше). Тутъ Діеннъ обозлился, разсвирѣпѣлъ: «Спѣшься, говоритъ, Хильопаппъ, съ воронаго на землю. Только одежу мою загрязнилъ, да оружье мое заржавилъ, да воронаго охромилъ, .. И что теперь мнѣ дѣлать». Раздѣвается, надѣваетъ на себя свою одежу, подпоясываетъ свое оружье, идетъ, садится верхомъ (и проч. какъ выше). «Погоди, Діеннъ, что я тебѣ посовѣтую: поѣзжай по этой дорогѣ, по этой тропочкѣ; тропочка-то вывезетъ туда на горбыль: тамъ славныя сосны: отруби сосну, сядь и выруби изъ нея добрую скрыпицу. Играй на ней тихошенько, да попѣвай тихошенько, и всѣ птицы небесныя пойдутъ

---

3) Объ этомъ см. ниже на стр. 13 и 14.

4) σὲ ’γείαν τοῦ ἀντρούνου, (это послѣднее по-Кипрски значитъ тоже, что, въ общегреч. ἀνδρογύνου) то есть: за здоровье четы: по моему молодыхъ, Яни и дочери хозяина, а не хозяина и хозяйки.

за тобою. И прельстится дѣвица и подойдетъ къ окошку; а ты, коли ловокъ да смѣлъ, ухитишь ее и умчишь. Какъ тотъ ему сказалъ, какъ посовѣтовалъ, такъ онъ и сдѣлалъ. И ѣдетъ по всей той дорогѣ (и проч. какъ выше). И былъ онъ ловокъ: ухитилъ ее и умчалъ. Одни схватились за ножи, другіе за колья [5]). А тотъ набрелъ на огромные камни, остановился и спѣшился. Стои̓тъ и раздумываетъ самъ про себя: «Не возьму ее саблей; то мнѣ во стыдъ будетъ». Стои̓тъ и раздумываетъ самъ про себя: нѣтъ ли подъ камнемъ дракона: выйдетъ и съѣстъ дѣвицу. Хватилъ по камню кулакомъ, и выходитъ драконъ. Діеннъ далъ ему въ челюсть, своротилъ челюсть на сторону. «Смотри, драконъ, стереги, говоритъ, свою госпожу». Боднулъ воронаго (и проч. какъ выше). При поворотѣ коня встрѣчаетъ свою тещу: «Подожди, зятюшка, возьми свое приданое». — «Безъ приданаго я желалъ ее имѣть и безъ приданаго беру. Мать моя [6]) (и проч. какъ выше). Ударилъ ее саблей, голову отсѣкъ. На поворотѣ коня своего встрѣчаетъ своего тестя... (и проч. какъ выше) (Здѣсь недостаетъ нѣсколько стиховъ) [7]).

Объясненіе былины № 1.

Эта былина впервые приведена была въ связь съ однимъ эпизодомъ поэмы о Дигенѣ Академикомъ А. Н. Веселов-

5) Иначе: «даже и чорные побѣжали съ дрянными чумичками». *Варіантъ у Сакелларія.*

6) Предполагаю такое дополненіе: «мать моя Сарацинка, отецъ мой Еврей»; о дальнѣйшемъ см. объясненіе. —

7) Эти послѣднія слова, равно какъ и всѣ слова, поставленныя въ скобкахъ, принадлежатъ первому издателю пѣсни, Сакелларію. Я воспроизвелъ все, буквально по издателю пѣсни, опасаясь, въ случаѣ дополненія того, что не вошло въ Греческій текстъ, не впасть въ произвольный переводъ. Послѣ перевода текста позволяю себѣ толковать о немъ по своему усмотрѣнію. — Стихи, которыхъ цифры приписаны на поляхъ принадлежатъ изданію Сакелларія и назначены для облегченія сличенія перевода съ текстомъ.

скимъ [8]), еще въ то время, когда означенная поэма вовсе не была издана въ свѣтъ, а была извѣстна только лишь въ самомъ краткомъ изложеніи, сдѣланномъ учителемъ Трапезундской греческой гимназіи Г. Саввою Іоаннидомъ [9]). Вскорѣ послѣ сближенія, сдѣланнаго А. Н. Веселовскимъ, поэма о Дигенѣ была впервые издана учеными Константиномъ Саѳою и Эмилемъ Леграномъ [10]), и ея текстомъ подтвердилась вѣрность предположенной нашимъ ученымъ связи.

Прежде нежели мы сравнимъ эту былину съ соотвѣтствующимъ ей въ поэмѣ эпизодомъ, намъ необходимо установить спорное значеніе нѣсколькихъ мѣстъ первой. По толкованію А. Н. Веселовскаго «хозяинъ говоритъ, что онъ надѣется еще прижить другихъ дочерей, и одну изъ нихъ готовъ просватать за Дигениса» [11]). Во Введеніи же къ поэмѣ, гдѣ помѣщенъ упомянутый нами французскій переводъ этой самой былины, это мѣсто переведено слѣдующимъ образомъ: «Et le père de la jouvencelle a ainsi répondu: La mère qui a donné le jour à ma fille en mettra d'autres au monde; le père qui l'a engendré en engendrera d'autres; moi, je veux bien Digénis pour mon gendre» [12]). Изъ французскаго перевода не совсѣмъ ясно, кому отецъ невѣсты прочитъ Дигена въ мужья, — настоящей ли дочери своей или одной изъ имѣющихъ у него родиться. Я понимаю это мѣсто согласно съ А. Н. Веселовскимъ и привожу свои доводы здѣсь въ примѣчаніи [13]).

---

8) Въ «Отрывкахъ»... Вѣстн. Евр. 1875, Апрѣль, см. стр. 750—751. См. здѣсь наше прим. 1.

9) Ιςορια και στατιστικη Τραπεζουντος και της περι ταυτην χωρας ως και τα περι της ενταυθα ελληνικης γλωσσης. Ὑπὸ Σαβ. Ιωαννιδου διδασκάλου τοῦ ἐν Τραπεζοῦντι Φροντιστηρίου. Εν Κωνσταντινουπόλει, 1870. См. стран. 35—39.

10) Les exploits de Digénis . . . См. въ нашемъ прим. 1.

11) Веселовскій въ «Отрывкахъ» . . . стр. 754.

12) Les exploits de Digénis. . . въ Introduction p. LV.

13) Вотъ мои основанія. Спорный стихъ 50-й звучитъ слѣдующимъ образомъ:

Неодинаково толкуется и участь, постигшая отца невѣсты. А. Н. Веселовскій понимаетъ это мѣсто такъ, что Дигенъ «убиваетъ мать *и отца* своей милой въ отместку за тотъ презрительный отзывъ о немъ, который передалъ ему Хильопапъ» [14]). Въ указанномъ французскомъ переводѣ ничего объ этомъ убіеніи не сказано [15]). И въ этомъ случаѣ я опять примыкаю къ толкованію нашего ученаго.

καὶ πάλ' ἐγιὼ τὸν Διεννῆν γαμπρὸν ἐνὰ τὸν κάμω (Σακελλαρίου Τὰ Κυπριακά, Ἆισμα 4) то есть на обще-греческомъ καὶ πάλαι ἐγὼ τὸν Διγενῆ γαμπρὸν θὲ νὰ τὸν κάμω. Отецъ не говоритъ, что онъ *теперь же дѣлаетъ* Дигена своимъ зятемъ, но что онъ его *сдѣлаетъ* своимъ зятемъ, стало быть когда-нибудь *въ будущемъ*. Отецъ невѣсты собственно согласенъ со своею женой въ томъ, что Дигену надо отказать, но онъ облекаетъ свой отказъ не въ ругательную форму какъ его жена. По одному изъ значеній πάλαι можно бы передать приведенный стихъ такимъ образомъ: «И опять я Діенна зятемъ своимъ сдѣлаю». Но я не считалъ бы этотъ переводъ вѣрнымъ, потому что при такомъ переводѣ предполагалось бы, что отецъ невѣсты когда-то уже нарекъ Дигена своимъ зятемъ; между тѣмъ какъ этого никогда не было. По другому смыслу слова πάλαι возможенъ и такой переводъ: «А я Діенна *таки* сдѣлаю своимъ зятемъ». Но это означало бы, что Дигенъ такъ поступитъ вопреки только что высказанному желанію своей жены: а это тоже не вязалось бы съ цѣлымъ. Но иногда πάλαι означаетъ не повтореніе чего либо *въ томъ же самомъ видѣ*, какъ оно совершилось въ первый разъ, а возобновленіе чего нибудь *подобнаго* первому. И въ этомъ послѣднемъ предположеніи отецъ хочетъ сказать: «Когда *опять* буду выдавать за мужъ дочь мою, другую, тогда выдамъ ее за Дигена». Къ такому пониманію ведетъ упоминаніе отцомъ о будущихъ его дочеряхъ, о которыхъ не́ зачѣмъ было бы ему и упоминать, если бы въ его отвѣтѣ выражалось согласіе на выдачу за Дигена той дочери, которая на лицо. Такъ вѣдь понялъ отца и старикъ Хильопапъ, когда объявилъ Дигену, что «везетъ худыя вѣсти». По этому надо думать, что за отказъ отца, и онъ подвергся одной участи съ матерью.

14) Веселовскій тамъ же.

15) Les exploits de Digénis... см. Introduction LVI къ концу. Спрашивается, какимъ образомъ, имѣя передъ глазами одинъ и тотъ же текстъ былины, Сакелларіевскій, комментаторы могли такъ разойтись?

Въ примѣчаніяхъ 13 и 15 мы, надѣемся, доказали, что, по смыслу Кипрской былины, оба родителя невѣсты за сдѣланный Дигену позорный отказъ были имъ убиты. По этой развязкѣ былина и соотвѣтствующій ей эпизодъ въ поэмѣ представляютъ между собою существенное различіе, ибо въ эпизодѣ поэмы послѣ стычки между Дигеномъ и братьями невѣсты, и послѣ побѣды перваго, происходятъ примиреніе и свадьба.

Но вотъ еще важное различіе между былиной и эпизодомъ поэмы.

Поводомъ къ отказу въ былинѣ выдвинуты племенная и религіозная рознь и бродяжничество: но какъ укоръ въ иновѣріи и инородствѣ, такъ и укоръ въ продяжничествѣ, судя по общему смыслу всей былины, основанъ на ложномъ слухѣ, послужившемъ родителямъ предлогомъ къ отказу. Вѣдь если бы племенное и религіозное различіе между витяземъ и дѣвицей было фактомъ, признаваемымъ былиной за дѣйствительный, то это выразилось бы во взглядахъ прочихъ лицъ былины. Выходитъ обратное. Лучшій изъ троихъ, толкующихъ между собою, бояръ, отдаетъ Дигену предпочтеніе надъ тѣмъ женихомъ, за котораго выдаютъ свою

Причина этого заключается въ томъ, что Сакелларій, какъ мы уже намекнули въ прим. 6, не пропечаталъ въ цѣлости эпическихъ повтореній, встрѣчающихся въ пѣснѣ, а только при каждомъ повтореніи написалъ: «и проч., какъ выше». Г. Веселовскій, принимающій, какъ мы видѣли, слова отца за отказъ его Дигену, пополняетъ пропущенные Сакелларіемъ стихи, по видимому такъ, что включаетъ въ нихъ и стихъ прежде сказанный о матери: «и ударилъ его (вм. ее) саблей по головѣ, голову отсѣкъ». Французскій же переводчикъ, прописывающій черезъ всю былину всѣ повторенія, встрѣчающіяся въ пѣснѣ, несмотря на то, что они пропущены были издателемъ греческаго текста, въ этомъ единственно мѣстѣ, гдѣ Дигенъ повторяетъ слова отца невѣсты, не дополняетъ пропуска тѣми же словами, которыя онъ (франц. переводчикъ) прописалъ по поводу матери (т. е. et Digénis lui donne un coup d'épée et lui tranche la tête). Понимая отвѣтъ отца какъ согласіе на выдачу дочери за Дигена, онъ избавилъ отца отъ кары.

дочь родители. «Не Яни она чета, она Діенну чета», говоритъ лучшій изъ гостей [16]). И старика Хильопаппа видимъ на сторонѣ героя: послѣ безнадежныхъ усилій по сватовству онъ все же приходитъ къ нему на помощь совѣтомъ привлечь невѣсту музыкой и пѣніемъ. Наконецъ изъ того, что дѣвица дала себя умчать, видно, что богатырь былъ ей любъ. Итакъ въ глазахъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, кромѣ родителей, Дигенъ былъ не какой нибудь поганый и не бродяга, а богатырь, передъ которымъ все разступается. А что Дигенъ передъ убіеніемъ тещи говоритъ о себѣ: «моя мать Саракинка, мой отецъ — Еврей», то это только саркастическое передразниваніе имъ словъ тещи. Совсѣмъ иные поводы къ отказу находимъ въ поэмѣ. Тутъ отказъ Дигену объясняется самодурствомъ отца невѣсты, позорно спроваживавшаго со двора всѣхъ жениховъ безъ исключенія. Здѣсь ничѣмъ не корятъ жениха; а только отецъ невѣсты, подъ видомъ одного изъ многочисленныхъ домочадцевъ, разговорившись съ Дигеномъ, какъ будто съ лицомъ неизвѣстнымъ, пропускаетъ угрозу, что никто де еще не попытался свататься за дочерью боярина — безнаказанно.

Преданіе по видимому раздвоилось: находимое въ Кипрской былинѣ имѣетъ развязку трагическую, а лежащее въ основаніи поэмы завершается взаимнымъ примиреніемъ. По первому преданію, насильственною смертью прекращались всякія сношенія между старымъ и новымъ поколѣніемъ: найдя удовлетвореніе въ самой мести героя, симпатизирующая ему былина закруглилась. По второму преданію связи продолжались между родителями и молодою четою: это дало возможность поэмѣ поддержать

16) Въ тѣхъ приступахъ Новогреческихъ пѣсенъ, гдѣ представлены три дѣйствующія существа, будь онп люди или птицы, все равно, въ томъ изъ нихъ, которое названо самымъ лучшимъ, или вообще хорошимъ, обыкновенно и сказывается взглядъ пѣснопѣвца. См. №№ I, XXXVIII, LXXV, LXXX, XC и т. д. у Passow, Popul. Carmina Graeciae recentioris. Lips. 1860.

честь прославляемаго ею знатнаго героическаго рода, удовлетворенія же искать въ болѣе человѣчной развязкѣ, какъ увидимъ ниже.

Жестокость развязки въ былинѣ указываетъ на болѣе древнее преданіе, чѣмъ то, которымъ воспользовалась поэма. Чрезвычайная древность сюжета былины видна, помимо трагической развязки о убіеніи героемъ тестя и тещи, еще и въ другихъ остаткахъ: наприм. во внезапномъ обращеніи дракона, въ слѣдствіе одного удара, полученнаго имъ отъ богатыря, — изъ людоѣда и врага въ стража похищенной дѣвицы [17]); въ той силѣ, которая приписана пѣнію и музыкѣ. «Играй тихошенько, говоритъ старикъ герою, да попѣвай тихошенько, и всѣ птицы небесныя пойдутъ за тобою» [18]). Не такое ли дѣйствіе пѣнія и музыки на всю природу замѣчаемъ мы въ народныхъ воззрѣніяхъ на Орфея, Вейнемейнена и т. д. Но былина эта, принадлежа по темѣ къ такой стародавней эпохѣ, когда мышечная расправа и личная месть стояли на первомъ планѣ, обставлена однако подробностями, взятыми изъ быта болѣе новой эпохи. Таковъ обычай избѣгать браковъ между Христіанами и Саракинами.

При разсказѣ объ устройствѣ инструмента смѣшались самыя отдаленныя одно отъ другаго времена. Дигенъ былинный вырубаетъ себѣ изъ сосны скрыпицу — βιολίν: это инструментъ новый, для котораго понадобилось и слово новое — Итальянское violino, violin. Это очень поздняя приставка, — замѣна какого-то другаго инструмента, названнаго былиной иначе, когда она была въ первоначальномъ своемъ видѣ. Утративъ древнее названіе инструмента, былина сохранила однакожъ память о его

---

17) О драконахъ см. главу Полита въ Μελέτη ἐπὶ τοῦ βίου τῶν νεωτέρων Ἑλλήνων I, 1. 154—172.

18) Въ подлинникѣ:

καὶ παῖζε το καὶ γαληνά, καὶ γαληνὰ τραούδα, καὶ τὰ πουλία τοῦ οὐρανοῦ 'πᾶσι μητά σου οὖλα. См. стихи 68 и 69 въ пѣснѣ 4-й у Сакелларія.

самодѣльности. Пѣвецъ-творецъ, какъ бы позабывъ о великолѣпіи того чисто византійскаго дворца, въ которомъ жила невѣста героя, удержалъ традиціонную простоту, съ какою устроенъ инструментъ, простоту болѣе сочувственную и пѣвцу и народу, среди котораго онъ жилъ. Издатели поэмы сблизили это мѣсто Кипрской былины съ подобнымъ ему мѣстомъ въ поэмѣ [19]). Передъ своимъ отъѣздомъ на свиданіе съ любимой дѣвицей Дигенъ, говоря словами поэмы: «беретъ киѳару и передѣлываетъ ее по своему желанію: вѣдь онъ превосходно былъ обученъ инструментальной музыкѣ: скрутивъ овечьи кишки, сдѣлалъ онъ струны» [20]). Ученый авторъ поэмы тоже на минуту какъ бы забылъ, что знатный барченокъ византійской поры, обученный игрѣ на инструментахъ, не станетъ самъ для нихъ крутить овечьи кишки. Не таковъ Девгеній т. е. сохранившійся въ русской письменности Дигенъ: «Онъ ѣдетъ къ славной красавицѣ Стратиговнѣ, играетъ подъ окнами ея на серебряныхъ гусляхъ съ золотыми струнами...» [21]). Не ближе ли выдержана въ русскомъ изводѣ Дигена вѣрность въ изображеніи роскошнаго быта знатныхъ Византійцевъ? пусть судятъ знатоки. Что касается до извода греческаго, мы объясняемъ себѣ вышеприведенное мѣсто изъ него тѣми образами, которые носились передъ авторомъ, начитавшимся классиковъ, напримѣръ образомъ древняго

---

19) См. Introduction къ изданію Саѳы и Леграна Les Exploits de Digénis... p. LIII.

20) Сличи поэмы стихи 1241 и слѣд. по изд. Саѳы и Леграна (заглавіе въ прим. 1) и стихъ 1830 и слѣд. по изданію Миліаракія Βασίλειος Διγενὴς Ἀκρίτας Ἐποποιΐα βυζαντινὴ τῆς 10της ἑκατονταετηρίδος κατὰ τὸ ἐν Ἄνδρῳ ἀνευρεθὲν χειρόγραφον ὑπὸ Ἀντ. Μηλιαράκη. ἐν Ἀθ. 1881. «Οἴων κλώσας ἔντερα ἐποίησε τὰς χόρδας» (одинаково въ обоихъ изданіяхъ).

21) А. Пыпина, Очеркъ Литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ, см. стр. 85—86, гдѣ воспроизведена выписка Карамзина изъ Мусинъ-Пушкинскаго списка Дѣянія Девгеніева, со ссылками на Карам. II, пр. 333, III, пр. 272.

Ермія, который выработавъ свою формингу изъ черепахи «натянулъ (на нее) семь созвучныхъ *овечьихъ струнъ*»[22]). Не недостойнымъ главнаго дѣйствующаго лица показалось автору средневѣковой поэмы, участвовать въ построеніи своего инструмента, когда древніе поэты приписали это самое Ермію.

Займемся теперь одною частностью. Бояре предлагаютъ Хильопаппу, кромѣ зайца и куропатки, еще: *дикаго лучку*, что̀ кушаютъ храбрые» и «винца сладкаго за здоровье четы». Въ текстѣ стихъ 40: «νὰ φᾷς ἀρχοχεράμυον ποῦ τρῶν ἀντρειχωμένοι..

Въ словарѣ Новогреч. Кипрскихъ словъ, приложенномъ къ концу 3 тома Κυπριακά, подъ ἀρχοχεράμυον объяснено: «ἀγριοχρόμμυον, ὁ ἀσφόδελος ἀρχ. σπερδοῦκλι ἡμετ». Онъ гов. что оно встрѣчается только въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ. Вспомнимъ, что лукомъ подкрѣпляли себя и герои Омировскіе. Когда старецъ Несторъ вывезъ съ поля битвы раненаго врача Махаона и привезъ его къ своей ставкѣ; то они оба прежде «на хитонахъ ихъ потъ прохлаждали горячій, ставъ противъ вѣтра на берегѣ моря» (Гнѣд.), а потомъ когда сѣли за столъ, то̀ имъ принесла служанка κρόμυον, ποτῷ ὄψον, ἠδὲ μέλι χλωρόν, παρὰ δ'ἀλφίτου ἱεροῦ ἀκτήν (Иліад. XI, 630—631). Здѣсь «лукъ» названъ «закуской къ питью», что̀ нужно было, очевидно, въ подкрѣпленіе и старцу глубокому и раненому врачу. У Аристофана лукъ и чеснокъ поставлены тоже рядомъ съ кубкомъ (при отправленіи за море (Ἱππῆς, 519). Эти два мѣста сведены Бухгольцомъ (Buchholz, Die Homerischen Realien I, 2, стр. 215). Онъ обращаетъ особенное вниманіе на слова Плутарха: τὸ μὲν γὰρ Ὁμηρικὸν ἐκεῖνο, κρόμυον ποτοῦ ὄψον, ναύταις καὶ κοπηλάταις μᾶλλον ἢ βασιλεῦσιν ἐπιτήδειον ἦν. (Plutarch., Quaest. Symp. IV,

---

22) «Ἑπτὰ δὲ συμφώνους οἴων ἐτανύσσατο χορδάς», изъ Ὕμνος εἰς Ἑρμῆν стихъ 51. — Просимъ сличить этотъ стихъ со стихомъ поэмы, приведеннымъ въ прим. 20.

4, 3). Прибавимъ къ этимъ словамъ писателя временъ избалованныхъ, сходныя съ ними по взгляду выраженія Аѳинея: «Παρετίθετο δὲ τοῖς ἥρωσι δειπνοῦσι καὶ λάχανα. . . . . ἀλλὰ μὴν καὶ τοῖς κακοχυμοτάτοις κρομύοις ἐχρῶντο» (Athenaeus, I, 45, Ed. Meineke, 1858, Lips.). Лукъ въ изнѣженныя времена ужъ находили матросскою пищей; онъ мылъ худосоченъ для героевъ. Но возродившаяся въ народѣ былина опять внесла его, какъ необходимую закуску при винѣ, позабывъ, что рѣчь идетъ о пышныхъ палатахъ. Чеснокомъ кормили въ древности и боевыхъ пѣтуховъ: это называлось σκοροδίζειν (отъ σκόροδος). Мы не различали ἀσφόδελος, κρόμμυον, σκόροδον, потому что насъ здѣсь занимаетъ не языкъ древней ботаники — а сходство обычаевъ и взглядовъ.

Б. 2. [23]) О ДИГЕНѢ.

(Содержаніе: Похищеніе Дигеномъ невѣсты).

Сербы и Саракины и Мавры устроили свадьбу: весь свѣтъ созвали, весь свѣтъ собрали, а Дигена не зовутъ за его худыя шутки, за то, что убиваетъ жениховъ и беретъ невѣстъ. А у Дигена есть друзья: они пойди да ему про это и скажи: «Ну-те Саракины поганые, ну-те Сербы поганые, какого это я жениха убилъ, какую невѣсту отнялъ?» . . . .

---

23) Подлинникъ помѣщенъ подъ № 83 Ὁ Διγενῆς въ Сборникѣ: Ἄσματα Κρητικὰ μετὰ διστίχων καὶ παροιμιῶν. Kretas Volkslieder nebst Distichen und Sprüchwörtern. In der Ursprache mit Glossar herausgegeben von Anton Jeannaraki. Leipz. Brockhaus 1876. Яннараки записалъ одну часть Критскихъ пѣсенъ, имъ изданныхъ, помня ихъ съ молода; другую же позже, съ устъ Критскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Начало пѣсни: Οἱ Σέρβοι κ'οἱ Σαρακηνοὶ κ'οἱ Μῶροι γάμο κάνουν.

Объясненіе былины № 2.

Она основана на преданіи о похищеніи дѣвицы Дигеномъ, но въ пересказѣ нѣсколько отличномъ отъ предъидущаго: убиты не родители дѣвицы, а чей-то женихъ. Въ этомъ Критскомъ пересказѣ пѣсенка много утратила сравнительно съ Кипрскимъ. Къ Саракинамъ произвольно прилѣплены Мавры и Сербы. Конца очевидно здѣсь нѣтъ.

А. 3. [24])

(Содержаніе: Возвращеніе Акритою похищенной у него жены).

Акрита пахалъ на берегу рѣки; ходитъ себѣ взадъ и впередъ, соху толкаетъ, — отпахалъ пять бороздъ. Ходитъ себѣ взадъ и впередъ, — посѣялъ девять мѣрокъ зерна. Какъ сѣла птица на край сохи, а послѣ слетѣла, на середку сохи усѣлась. «Прочь, птица, прочь, не клюй ты моего бодца». Тогда птица пропѣла человѣчьимъ голосомъ: «Акрита! чего здѣсь застрялъ? чего еще дожидаешься? Домъ твой разорили, красавицу твою увезли.

---

24) Переведена мною съ французскаго за неимѣніемъ подлиннаго текста, изданнаго Тріандафилидомъ въ Предисловіи къ его драмѣ Ὁι Φυγάδες, изданной въ Аѳинахъ въ 1870 г. — Французскій переводъ помѣщенъ въ Introduction къ Les exploits de Digénis.... на стр. LVII—LIX подъ заглавіемъ: Enlèvement d'Eudocie par les Apelates. Намъ неизвѣстно заглавіе, находящееся у Тріандафилида, а почему пѣсня такъ озаглавлена французскимъ переводчикомъ см. въ прим. 1. На стр. LIX въ примѣч. сказано: «Le texte original de cette chanson (dialecte de Trébizonde) se trouve dans les Prolégomènes du drame les Fugitifs de Triantaphyllidis aux pages. 412—413». (Въ Bibl. Graeca medii aevi I. II. μβ′—μγ′ приведено 7 стиховъ изъ той же былины, сс. тоже на Φυγάδες Тріандафилида, но на стр. 172 — Содержаніе сокращенно разсказано А. Н. Веселовскимъ въ Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos. 560—561.

Осѣдлали твоего лучшаго коня и поѣхали на немъ; а прочіе кони, что похуже, здѣсь ржутъ». Акрита втыкаетъ бодецъ, останавливаетъ воловъ. Онъ пугаетъ птицъ и горныхъ звѣрей; пугаетъ волковъ, чтобъ не поѣли воловъ; пугаетъ воровъ, чтобъ не покрали того, что онъ здѣсь оставляетъ; пугаетъ птицъ, чтобъ зерна не клевали.

Акрита эти мѣста оставляетъ, храбрый Акрита пускается въ путь. Находитъ онъ двери растворенными, окна безъ ключей; идетъ онъ въ конюшню, слышитъ, кони ржутъ. «Ради Бога вы скажите, лошадушки мои, которая изъ васъ бѣжитъ проворно»? Ни одна, ни одна не заговорила, ни одна таки не отвѣтила. А старый конь говоритъ — отвѣчаетъ: Пускай мнѣ зададутъ отборнаго корму, поѣду поскачу проворно»! Акрита вспрыгнулъ ему на хребетъ, поѣхалъ, вотъ ѣдетъ. Стегаетъ своего воронка, чтобъ доѣхалъ, чтобъ скорѣй доѣхалъ. Но прежде, чѣмъ Акрита доѣхалъ, дѣвица пріѣхала и снова уѣхала [25]). На перекресткѣ повстрѣчался онъ съ Узами [26]): «Ей вы, Узы, ради Бога скажите мнѣ, откуда проѣхала свадьба»? — «Что ни часъ, свадьба проѣзжаетъ; что ни день, проѣзжаетъ свадебный поѣздъ; но такого свадебнаго поѣзда, какой здѣсь проѣхалъ, такого никогда еще не проѣзжало: что ни вѣтка, то кони, что ни камень, то кровь».

Онъ коня стеганулъ, чтобы поѣздъ нагнать, скорѣе нагнать; не добрался однако жъ Акрита до молодой своей жонушки: проѣхала, уѣхала. Поскакалъ и сталъ у Девскаго моста [27]): а тамъ

25) «La jouvencelle était venue et repartie» переведено по-французски (см. предъид. прим.), что для насъ темно. Быть можетъ смыслъ мѣста таковъ: пока онъ доѣзжалъ до того мѣста, куда пріѣзжала дѣвица, она оттуда уже уѣзжала (конечно по неволѣ).

26) Такъ во франц. переводѣ; въ отрывкѣ-же изъ этой пѣсни, заимствованномъ изъ тѣхъ же Φυγάδες Тріандафилида К. Саѳою, нѣсколько иначе: «Юныхъ Уцовъ повстрѣчалъ онъ на перекресткѣ» Ούτζόπουλια ἐπέντεσεν ἀπάν'ς τὸ σταυροδρόμιν. Bibliotheca Graeca Medii aevi Nunc primum edidit Constant. Sathas, Vol. II, p. μβ'.

27) При словахъ τῆς Δέβας τὸ γεφύριν Г. Саѳа объясняетъ Ταῦρος (въ Biblioth. Gr. med. aevi II, μβ'). Что говоритъ по этому случаю самъ

Еллины стоятъ, угрожаютъ ему. «Пропустите меня, Еллины, пропустите черезъ Девскій мостъ. Мой воронко — молодой жеребчикъ, безъ корму не можетъ жить; моя красавица — дѣвица молодая, безъ меня не можетъ жить».

О смерти и думать не думаетъ, а только о своей красавицѣ!

«Коли ударю васъ и убью васъ, назовутъ меня убійцею. Коли ударю васъ и не убью васъ, вы скажете, что я убоялся. Такъ лучше мнѣ васъ не убивать, и пускай говорятъ, что я убоялся!»

Поворачиваетъ коня, заводитъ его въ глубокое болото, и стегаетъ его, чтобъ доѣхать, скоро доѣхать. Не нагналъ своей красавицы, ужъ въѣхала. Поскакалъ и сталъ у воротъ городскихъ. И заржалъ его конь, и городъ потрясся. И узнала его дѣвица молодая и сказала: «Акрита пріѣхалъ!» — «Отворьте привратники, отворьте мнѣ, чтобы въѣхать мнѣ. Мой воронко— молодой жеребчикъ, безъ корму не можетъ жить; моя красавица — дѣвица молодая; безъ меня не можетъ жить».

Отворили привратники и въѣхалъ Акрита. Одни подаютъ ему стулъ, другіе протягиваютъ кубки. Онъ садится на стулъ и кубокъ беретъ.

«Молчи, Акрита, молчи! черезъ мѣру не разговаривай: здѣсь войско великое, загоняютъ тебя». Какъ вытаскивалъ саблю изъ ножонъ золотыхъ, убивалъ ихъ тысячу впереди себя, да десятъ тысячь позади себя, да триста Фаранговъ у Девскаго моста [28]). Беретъ свою красавицу и скачетъ девять дней и девять ночей. И сталъ на берегу рѣки и вынулъ изъ за пазухи всякого яства:

Г. Тріандафилидъ въ своихъ Φυγάδες, намъ за неимѣніемъ этой книги, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

28) При первомъ проѣздѣ Акриты у Девскаго моста стоятъ Еллины, при обратномъ проѣздѣ у того же моста стоятъ Фаранги. Не знаемъ, какъ это объяснить. Замѣтимъ, что во французскомъ переводѣ они Varangues (стр. LVIII Les exploits, а по греч. отрывку Φάραγγοι (Bibl. Gr. II, μγ΄).

«Будемъ ѣсть, говоритъ онъ, дѣвица молодая: ѣшь, дѣвица, стереги дороги». Оперся Акрита, заснулъ. Какъ завидѣла издали дѣвица, что войско выступаетъ, побояласи сказать ему: «Вотъ войско выступаетъ!», и слезы ея пали Акритѣ на грудь. Просыпался Акрита отъ сладкаго сна: «Дѣвица! изъ тѣхъ, что подходятъ, не узнаешь ли кого?» — «Конный, что ѣдетъ впереди, походитъ на родна батюшку; тѣ конные чорные — на братьевъ моихъ; а женщина въ чорномъ — на родну матушку!»

Объясненіе былины № 3.

Съ перваго взгляда можетъ показаться темнымъ: кто увезъ у Акриты жену его? Но въ концѣ былины послѣ того, какъ онъ ее уже воротилъ, мы видимъ, что устроенная за нимъ и за нею погоня состоитъ (не говоря о воинахъ) изъ ея родителей и братьевъ. По этому я предполагаю, что и увезена была жена у Акриты тѣми же лицами или по ихъ приказу. Стало быть и городъ, въ который съ такими усиліями пробрался Акрита, и гдѣ засталъ онъ пирующихъ — былъ мѣстопребываніемъ родителей и братьевъ его жены. Итакъ сюжетъ этой былины обратный сюжету былины № 1.

Въ томъ видѣ, въ которомъ до насъ дошли двѣ только что упомянутыя былины, онѣ не представляютъ между собою связи: убіеніе родителей въ № 1 прекращаетъ ихъ дѣятельность. Но если себѣ представить преданіе объ умычкѣ героемъ дѣвушки у родителей, сходное съ положеннымъ въ основаніе эпопеѣ, при чемъ родители остаются живы; тогда могутъ быть получены два момента изъ похожденій того же героя [29]). Сперва въ слѣдствіе

29) Въ подобныя соображенія мы позволяемъ себѣ вдаваться, допуская предположеніе, основанное и на мѣстныхъ Понтскихъ преданіяхъ и на содержаніи извѣстной эпопеи, что Дигенъ и Акрита одно и тоже лицо. Но дѣйствительно ли въ народѣ эти имена всегда пріурочиваются къ одному лицу — покажетъ будущее.

неудавшагося сватовства и личнаго оскорбленія, герой уводитъ боярскую дочь, и при появленіи погони за ними съ отцомъ и матерью во главѣ, онъ ее все же отбиваетъ, не губя ея ближнихъ. А потомъ родители посылаютъ своихъ людей и увозятъ ее къ себѣ украдкой отъ героя; но несмотря на то, онъ ее все таки возвращаетъ. Въ этой второй былинѣ (№ 3), хотя и не говорится о какой-то прежней умычкѣ дѣвицы героемъ; тѣмъ не менѣе въ основѣ и этой былины лежитъ ея умычка. Ее по тому-то ближніе и считаютъ долгомъ своимъ воротить домой, что она когда-то была похищена. Обратите вниманіе на сдѣланный героемъ Узамъ вопросъ: «Ей вы, Узы, ради Бога скажите мнѣ, откуда проѣхала свадьба?» — На что Узы отвѣчаютъ: «Что ни часъ, свадьба проѣзжаетъ; что ни день, проѣзжаетъ свадебный поѣздъ; но такого свадебнаго поѣзда, какой здѣсь проѣхалъ, такого никогда еще не проѣзжало: что ни вѣтка, то кони, что ни камень, то кровь»[30]). Спрашиваемъ, что это за свадебный поѣздъ, обагренный кровью? это станетъ понятнымъ, если попытаемся возстановить порванную между обѣими былинами древнѣйшую ихъ связь. Родители хотятъ выдать дочь свою за дюжиннаго человѣчка, а она достается храбрѣйшему: послѣдствіемъ этого — кровавыя столкновенія обѣихъ сторонъ (№ 1). Въ послѣдней былинѣ (№ 3) столкновеніе могло произойти между людьми, возвращавшими дочь къ ея родителямъ, и людьми героя, пытавшимися ее отстоять. Такую связь установляемъ мы между былинами №№ 1 и 3 (при допущеніи впрочемъ вышеупомянутой перемѣны, что родители остались въ живыхъ). Согласиться съ авторомъ «Введенія» къ эпопеѣ о Дигенѣ въ томъ сближеніи, которое онъ дѣлаетъ между разбираемою нами былиною (№ 3) и однимъ

30) Подобные обороты сохранились въ клефтскихъ пѣсняхъ: «что ни вершина, то знамя, что ни вѣтка, то клефтъ» .... (= Κάθε κορφὴ καὶ φλάμπουρο, κάθε κλαδὶ καὶ κλέφτης, Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris CXXXI, стихъ 8. Ср. CXXXII, стихъ 13).

изъ эпизодовъ эпопеи мы не можемъ. Онъ усматриваетъ сходство между былиной и стихами 1469—1471 изданнаго имъ и Леграномъ текста эпопеи. Вотъ что содержится въ этихъ стихахъ: «Beaucoup de gens, jaloux de leur bonheur (Дигена и его жены) conçurent le dessein de les séparer. *Leurs tentatives* seront successivement exposées dans ce récit, et vous apprendrez comment, à lui seul, Akritas les vainquit tous»[31]). *Попытки*, о которыхъ упомянуто въ только что приведенныхъ стихахъ, сдѣланы были апелатами, разбойниками, какъ это видно изъ стиховъ 2002 и дал. того же текста[32]). Мы объяснили, что по былинѣ, жена была отбита у Акриты не апелатами, а ближними ея; что увезена она была не въ разбойничьи притоны, а въ городъ, защищенный вооруженною стражей; и что вторично за нею пришли не апелаты, а опять таки ея ближніе.

Въ записанномъ текстѣ этой пѣсни находимъ признакъ, по которому этотъ текстъ нельзя относить въ древность глубже второй половины XI вѣка. Здѣсь изображены Узы[33]) сторожевыми воинами въ предѣлахъ греческаго міра. Такими Узы появляются въ исторіи только со второй половины XI в., когда послѣ погромовъ, наносимыхъ имперіи Узами вмѣстѣ съ Печенѣ-

---

31) Въ Introduction къ Les exploits de Digénis... par C. Sathas et E. Legrand, на стр. LVII, найдете это сближеніе. Стихи здѣсь приведенные въ переводѣ франц. находятся на стр. 123; греческій же текстъ ихъ звучитъ такъ:

ζῆλος δ' ἀνῆψεν εἰς πολλὲς ὥστε αὐτοὺς χωρίσειν·
ὁ λόγος οὖν κατὰ μικρὸν παραδηλώσει τέτες,
καὶ ἔχετε μαθεῖν παντὰς πῶς ὑποτάσσει μόνος, ...

(послѣдній стихъ ошибочный въ спискѣ Трапезун., является въ лучшемъ видѣ въ спис. Андрскомъ: καὶ πάντας ἔχετε μαθεῖν π. ὑ. μ. (2337).

32) Les exploits... стр. 166, стихи 2002 и дал.

33) См. прим. 24.

гами, часть независимаго прежде племени Узовъ поселилась на ея территоріи и стала покорною [34]).

Одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ — что прославленный богатырь самъ пашетъ землю. Итакъ греческій средневѣковой эпосъ не считаетъ землепашество занятіемъ недостойнымъ богатыря; онъ не одну только войну признаетъ за трудъ благородный. Пойдемъ дальше въ этомъ же вопросѣ. Вскорѣ мы увидимъ борьбу витязя съ Харономъ, происходящею на току (мѣдномъ, желѣзномъ или мраморномъ); увидимъ токъ — замѣненный палестрой, спеціальною мѣстностью для единоборства; увидимъ мѣдный токъ, содержащимъ въ себѣ смыслъ зловѣщей мѣстности. Остановимся на этомъ эпическомъ воззрѣніи, что мѣстность, гдѣ часто богатырь является умирающимъ есть токъ, гумно, мѣсто, принадлежащее сельскому хозяйству. Не замѣчательно ли, что богатырь умираетъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое его питало во всю его жизнь? не указываетъ ли это на тѣсную связь между жизнью богатыря и сельскимъ бытомъ?

Христіанскій взглядъ сказывается въ словахъ витязя: «Пусть считаютъ меня трусомъ, только бы не называли убійцей», взглядъ разумѣется не вяжущійся съ остальнымъ его поведеніемъ.

Самыми издавними чертами являются: птица, извѣщающая героя о постигшемъ его несчастіи [35]), говорящій конь, готовый

---

34) При Константинѣ Дукѣ во 2-й пол. XI в., въ слѣдствіе разнородныхъ бѣдствій постигшихъ Узовъ «часть ихъ поступила на службу Византійскаго императора, получивъ въ надѣлъ казенныя земли въ Македоніи; въ греческой арміи являются потомъ отряды Узовъ, при дворѣ и въ высокихъ званіяхъ встрѣчаются имена, принадлежащія этому племени, тамъ и здѣсь часто соединяемыя и смѣшиваемыя съ Печенѣгами подъ однимъ общимъ названіемъ Скиѳовъ» (изъ статьи Проф. В. Г. Васильевскаго: Византія и Печенѣги въ Ж. М. Н. П. 1872 г., Нояб., стр. 140).

35) Новогреческія пѣсни, такъ же, какъ средневѣковой греч. эпосъ, полны разсказовъ о дружбѣ между птицами и народными любимцами.

оказать ему услугу за прибавку корма[36]), число 9 (послѣ посѣянія 9-й мѣрки случилась бѣда)[37]).

Самыми новыми признаками кажутся мнѣ слѣдующіе. Подъѣзжая къ стражѣ Акрита говоритъ: «*Мой воронко жеребчикъ молодой* — не можетъ безъ корму жить; моя красавица — дѣвица молодая не можетъ безъ меня жить». По этому поводу А. Н. Веселовскій пишетъ: «И въ одной трапезунтской пѣснѣ объ Акритѣ конь его — это старый, запущенный героическій конь (Heldenross); интересно замѣтить, что въ дальнѣйшемъ продолженіи пѣсни названъ онъ два раза «молодымъ жеребчикомъ». Оба представленія, двѣ эпическія формулы, были присущи пѣвцу: надо признать, что онъ въ продолженіе произнесенія пѣсни смѣшалъ обѣ. Или пожалуй надобно наименеваніе стараго коня жеребчикомъ принять за ироническое?»[38]) Именно за ироническое скажемъ мы: мы думаемъ, что въ былевой складъ мысли и слова сталъ постепенно вторгаться тотъ ироническій взглядъ Грековъ, котораго яркимъ выраженіемъ служатъ ихъ средневѣковая и новая сатира, ихъ народныя басни, ихъ поговорки, наконецъ ежедневный ихъ разговоръ. Къ позднимъ признакамъ принадлежитъ и тотъ чей-то посторонній голосъ, который раздается внезапно въ слѣдъ за только что приведеннымъ упрашиваніемъ героя: Мы имѣемъ въ виду слѣдующія слова: «О смерти и не думаетъ, а только о своей красавицѣ». Чьи бы это ни были слова, — стражи ли, или разсказщика, ихъ назначеніе явственно — усилить удивленіе слушателей къ герою. Таковы нѣкоторыя выраженія хора въ древней греческой трагедіи. Подобное наблюденіе

36) См. А. Н. Веселовскаго Beiträge стр. 559, гдѣ приведенъ примѣръ изъ русскихъ былинъ: обѣщанія услуги конемъ за хорошее кормленіе. Подобное изъ Dietrichs Flucht указываетъ О. Ѳ. Миллеръ, Илья, стр. 113.

37) См. о числѣ девять, какъ одномъ изъ господствующихъ въ народномъ эпосѣ О. М. Миллера, Илья Муром., стр. 256.

38) Beiträge, стр. 560.

стражи или самого пѣвца, по нашему, есть тоже явленіе позднее, не чисто эпическое.

Уже въ № 1 мы видѣли обычай угощенія каждого пріѣзжаго, застающаго хозяина и гостей его пирующими. Здѣсь прибавлена картина протягиванія кубковъ заѣзжему гостю, при чемъ онъ «садится на стулъ и кубокъ беретъ». Тутъ проглядываетъ дѣйствительный обычай, взятый изъ быта [39]).

Б. 4. [40]) ОБЪ АКРИТѢ.

(Содержаніе: Возвращеніе Акритою похищенной у него жены).

Когда Акрита пахалъ въ большомъ полѣ, ходилъ онъ взадъ и впередъ и выпахивалъ въ день пять бороздъ. Птица прилетѣла и сѣла на край ярма: «Акрита мой, чего ты *здѣсь* [41]) застрялъ, чего дожидаешься? Домъ твой разорили, красавицу твою увезли». — «Прочь, птица, прочь, не клюй бодца!» Вспорхнула и усѣлась себѣ на жердь сохи: «Акрита мой, чего ты здѣсь застрялъ, чего дожидаешься: домъ твой разорили, красавицу твою увезли!» Онъ воткнулъ свой бодецъ, свиснулъ жердью, и птицъ пугалъ, чтобъ не ѣли зерна; и волковъ пугалъ, чтобъ не поѣли его воловъ; и воровъ пугалъ, чтобъ не украли его

---

39) Ср. Илью Муромца О. Θ. Миллера, стр. 310.

40) Переведена мною изъ Passow, Popularia carmina rec. Gr. № 440 гдѣ заглавіе: Ο Ακριτας; этотъ греческій текстъ перепечатанъ изъ Ξανθοπουλου, Φιλολογικὸς συνέκδημος, 1849. 436. Начало: Ἀκρίτας ὄντας ἔλαμνεν στὸ μέγαν τὸ χωράφιν (P.) (ςὴν μακροχωραφέαν, Symbulides).

41) Вмѣсто Ἀκρίταμ' δὴν τὸ κάθεσαι я нашелъ Ἀκρίτα μ' δῶ τὸ κάθεσαι въ сохранившемся у меня началѣ этой пѣсни, писанной рукою покойнаго Г. Д. Симвулида. Отсюда и перевелъ я это полустишье

сошника. А самъ тогда Акрита мой [42]) пошолъ къ дверямъ конюшни: «Ради Бога Іисуса, вороной мой [43]), догонишь ли ты, скоро ли догонишь?» — «Чтобы барынѣ моей услужить, догоню, поскачу!» Не успѣлъ и выѣхать, проскакалъ черезъ горы. Нашолъ своихъ товарищей, сидятъ и считаютъ. «Ради Бога Іисуса, товарищи мои, догоню ли, скоро ли догоню?» — «Коли вороной дюжъ, догонишь, скоро догонишь! а если вороной и не дюжъ, доѣдетъ, когда будетъ кутаться(?)». И пока ѣхалъ [44]) Акрита мой, доѣхалъ, когда куталась(?). Мнетъ яблоко(?) въ рукѣ своей, заигрываетъ съ Акритой. «Бери, дѣвица, свое яблоко, приходи и ты вмѣстѣ со мною». Беретъ дѣвица яблоко свое (кладетъ) Акритѣ въ объятья(?). Взялъ ее и проскакалъ девять дней и ночей. Пошолъ и усѣлся на зеленомъ лугу. Раскрываетъ свой платъ и накрываетъ дѣвицѣ на столъ, вынимаетъ сумку свою, вино и сухарь. «Ѣшь, красавица; ѣшь, красавица: дай-ка я сосну». Пока ѣла, пока пила, поглядывала на дороги; какъ посмотрѣла внизъ по ту сторону, — войско спускается. Стыдится сказать ему: «Встань же, встань, Акрита!» Слеза у нея капнула и проснулся Акрита: «Скажи по Богѣ, скажи, дѣвица, много ли ихъ тысячъ»? «Ни много, ни мало, девять тысячъ». «По Богѣ скажи, по Богѣ скажи, дѣвица, кого нибудь узнаешь?» — «Впереди идутъ зеленые [45]), не братья ли то мои; другіе сзади идутъ — то

---

42) «Акрита мой». Ср. ниже: «Армуръ» стихъ 169-й (здѣсь Арм. № 21). Слагатель народъ называетъ героя «своимъ».

43) Въ текстѣ μαῦροί μου (Passow № 440), я думаю, опечатка.

44) «Κἰ ἂν 'χ' ἒν' ὁ μαῦρος δυνατὸς, ἐμπένε καὶ κουκλοῦνταν».
Κἰ ὀὺς νὰ πηγαίν' Ἀκρίτες μου, ἐσέβαν καὶ κουκλῶταν.
(стихи 21 и 22 въ № 440 у Пассова). Вторыя полустишья въ нихъ темны. Κουκλόνομαι мнѣ извѣстно только въ значеніи «кутаюсь», но здѣсь кажется не то.

45) Οἱ πράσινοι стихъ 38. — Ср. въ Армурѣ: πρασινοσκουταράτοι съ зелеными щитами, стихи 63, 135.

братья мои, двоюродные». Онъ за вершинку схватилъ и съ корнемъ вырвалъ, руку свою протянулъ, пустую дубину смастерилъ: однихъ повѣсилъ высоко, другихъ на низкихъ мѣстахъ, а сзади отецъ ея — въ шею (ударенъ и) поваленъ.

Объясненіе по поводу былины № 4.

Она представляетъ собою вся — варіантъ предъидущей. Сохранила конецъ, который въ предъидущей не сохраненъ: конецъ печальный, очень древній. Память пѣвцу кое-въ-чемъ измѣнила: я говорю не объ именахъ разныхъ народовъ, которые не составляютъ главнаго въ этомъ сюжетѣ; но о тѣхъ намекахъ о прежде бывшей умычкѣ дѣвицы героемъ изъ родительскаго дома, намекахъ, которые въ предъидущей еще имѣются, а въ этой ужъ окончательно исчезли. Отвѣтъ воронаго, что доѣдетъ, нагонитъ, «въ угоду своей барынѣ», по безкорыстью своему указываетъ на поновленіе былины; въ предъидущей конь заговорилъ объ отборномъ кормѣ по эпически. Текстъ для насъ мѣстами теменъ.

---

5. [46]) ЕДИНОБОРСТВО.

(Содержаніе: Единоворство Дигена съ Харономъ).

Впалъ въ агонію Дигенъ, и земля испугалася. Узнали о томъ три друга его, три вѣрные друга. Одинъ приноситъ ему студеной

---

46) Издана впервые Спиридономъ Замбеліемъ въ его Ασματα δημοτικα της Ελλαδος. Ἐκδοθέντα μετα μελετης ιςορικης περι μεσαιωνικου Ελληνισμου υπο Σπυριδωνος Ζαμπελιου Λευκαδιου Κερκυρα, . . . 1852. См. перваго отдѣла № 135 на стр. 700: пѣсня озаглавлена: Μονομαχια ηρωων. Отсюда перепечатана подъ названіемъ

воды [47]), другой свѣжаго мускусу, а третій снадобье, чтобъ удалить агонію [48]). За столомъ, гдѣ они сидѣли и обѣдали, разговора у нихъ не было, а все же нашли разговоръ. «Насъ было трое удальцовъ, всѣ трое истые удальцы; но какого мужа я видѣлъ вчера на лугу Драка!! привѣтъ тому, кто его посѣялъ, и той, что̀ его въ утробѣ носила! Подобны утесу были плечи его, подобна крѣпости голова его, а груди широкія, что стѣна, заросшая травой». Будто какъ услышалъ это мертвый (умирающій), тяжело застоналъ. «Принесите мнѣ сюда вина выпить; принесите хлѣба поѣсть; а ты, писарекъ, сними со стѣны саблю и тяжолое копье, чтобъ воскресло мое сердце». Подперся на свои руки, ободрился, поднялся, одѣвался въ двѣнадцать броней, въ пятьнадцать епанчей, надѣвалъ кольчугу мѣдную и шапку желѣзную, пошолъ и нашолъ его въ полѣ, гдѣ онъ охотился. — «Кто это ты, охотящійся на лугу Драка?» — «Твой хозяинъ и твой господинъ, и господинъ твоего господина!» — «Ударь меня (говоритъ Ди-

---

Η μονομαχία у Passow, Popularia carm. r. G. № 491. Помѣщаемъ здѣсь съ поправками нашъ прежній переводъ, предложенный нами А. Н. Веселовскому для его статьи: Отрывки Византійскаго эпоса, Вѣстникъ Европы, Апрѣль, 1875. См. стр. 764. — Первый стихъ:

Ψυχομαχάει ὁ Διγενὴς κ' ἡ γῆ ἀνατρομάζει.

Гдѣ и отъ кого слышана эта пѣсня, Замбелій не упоминаетъ, равно какъ и о прочихъ пѣсняхъ.

47) Одна изъ пѣсенъ «О чужанинѣ» (τοῦ ξένου) начинается вопросомъ: «Очи мои, кто былъ твоей матерью, кто твоей сестрою, и кто твоей женою у твоего изголовья, когда ты терзался и съ Харономъ возился, и *искалъ студеной воды*, чтобъ (легче) умереть? (κ' ἐγάλευες κρύο νερὸ, γιὰ νὰ ψυχομαχήσῃς) Χασιώτου Συλλογὴ 1866. 184. № 28.

48) Въ подлинн. Ὁ τρίτος τὸ ἀντίψυχο νὰ μὴ ψυχομαχήσῃ. Шмитъ, имѣя въ виду повѣрья, а не этотъ текстъ, увѣряетъ, что ἀντίψυχο значитъ Magerpflaster (Schmidt, Bernh., Das Volksleben der Neugriech. I, 229; онъ ссылается на Πρωτοδίκου Ἰδιωτικὰ τῆς νεωτέρας Ἑλληνικῆς γλώσσης стр. 84). Но то ли оно означаетъ здѣсь? Въ древнемъ ἀντίψυχον значитъ другое.

генъ), чтобъ и я тебя ударилъ, бей меня, чтобъ и я тебя билъ». Словно молонья глазъ его, а голосъ его, что громъ. Разъ его ударилъ, и второй разъ. Ротъ наполнился кровью, и онъ (Харонъ) растянулъ его (Дигена) въ длину. Цѣлый свѣтъ сбѣжался посмотрѣть на раненаго. Привѣтъ (мой) лежачему, полумертвому, привѣтъ и такому врачу, что излѣчиваетъ мертвыхъ (умирающихъ).

Объясненіе № 5.

Какіе стародавніе типы! Витязь умирающій въ открытомъ полѣ по идеалу воинствующихъ народовъ и сословій. Этотъ витязь — воплощенная месть: несмотря на то, что онъ сознаетъ близость своей кончины, у него, по одному только упоминанію о какомъ-то страшномъ мужѣ-обидчикѣ, разгорается ретивое, и онъ идетъ на врага. И Харонъ, въ пѣснѣ не названный по имени, тоже очень древенъ: къ его человѣческому образу присоединяется и образъ существа сверхъестественнаго. Есть въ немъ, правда, и нѣчто воинственное: онъ занимается охотой, онъ наноситъ богатырю смертельный ударъ: но онъ самъ далеко не богатырь. Ему еще не приписана извѣстная богатырская замашка: дѣлать первый вызовъ молодцу на единоборство; онъ не бьется съ витяземъ по трое сутокъ, потому что ему нѣзачѣмъ мѣряться. Ср. Объясненіе къ № 9.

Когда витязь спрашиваетъ Харона: кто это ты и такъ дал., то онъ еще не знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Но данный Харономъ отвѣтъ: «Твой хозяинъ и твой господинъ, и господинъ твоего господина» наводитъ витязя на узнаніе, и тогда онъ самъ вызываетъ Харона, самае смерть, на единоборство. Этотъ отвѣтъ я перевелъ здѣсь по тексту Замбелія, перваго его издателя: «*ἀφέντης σου, καὶ κύρης σου, κι' ἀφέντης τ'ἀφεντός σου*[49]).

---

49) Ζαμπελίε, Ἄσματα... № 135 (1-го отд.), стр. 701, стихъ 21.

Слова «твой господинъ» не требуютъ объясненія; но почему Харонъ говоритъ о себѣ: «господинъ твоего господина»? Этотъ послѣдній господинъ, котораго Харонъ считаетъ господиномъ богатыря, но своимъ подданнымъ, я думаю, есть греческій царь. По чтенію же, измѣненному Пассовомъ, нужно бы перевесть: «себѣ хозяинъ и твой господинъ, и господинъ моего господина» = «ἀφέντης μου καὶ κύρης σου κι' ἀφέντης τ' ἀφεντός μου» [50]). Это темно.

Слагатель, какъ уже замѣчено нами, не называетъ Харона по его имени. Не подчиняется ли онъ общераспространенному повѣрью многихъ народовъ, въ силу котораго избѣгаютъ произносить страшныя слова, чтобъ не накликать бѣды? Одинъ изъ видовъ τῆς εὐφημίας древнихъ Эллиновъ въ томъ и состоялъ, чтобы умалчивать худыя, зловѣщія слова [51]). Въ одномъ средневѣковомъ заговорѣ противъ болѣзни матки три раза поминается діаволъ, хотя по имени онъ и не названъ [52]). Но этотъ страхъ слагателя разбираемой нами былины — назвать Харона Харономъ, не помѣшалъ ему, какъ намъ кажется, поиграть словами,

50) Passow, Pop. Carm. № 491, стр. 371, стихъ 21. Самъ же Пассовъ ссылается только на Замбелія, а измѣняетъ цѣлую строку по своей догадкѣ, даже не отмѣтивъ того. Такъ и было мною переведено въ первый разъ, когда отступленіе Пассова отъ Замбелія еще не было мною замѣчено. См. въ статьѣ А. Н. Веселовскаго (о ней въ прим. 46).

51) Ср. объясненіе къ № 9, въ началѣ.

52) Этотъ заговоръ изображенъ на такъ называемой Черниговской гривнѣ (и нѣкоторыхъ другихъ медальонахъ), какъ мы это доказывали въ своемъ изслѣдованіи: *Разборъ спорной греческой написи, изображенной на осьми памятникахъ.* (Извѣстія Имп. Археол. Общест., Т. X. Вып. 1. См. столб. 10). Иные избѣгаютъ произносить его имя, другіе коверкаютъ это имя, третьи замѣщаютъ ругательнымъ словомъ. Смотри: Voyage dans l. Grèce,... par Pouqueville, Par. 1820, въ т. IV, ст. 407 и прим. 2. — Das Volksleben d. Neugriechen und das hellenische Alterthum, v. B. Schmidt, Leipz. 1871. 1r Th. 175—176. — Πολίτου Μελέτη I, 2. 424—7.

намекающими на это имя: см. въ стихѣ 9-мъ «Χαράς τον, ποῦ τὸν ἔσπειρε, κι' ὁποῦ τὸν'κοιλοπόνα!» (= «привѣтъ мой тому, кто его посѣялъ, и той, что̀ его въ утробѣ носила» и въ послѣднихъ стихахъ: Χαράς τον τὸν κειτάμενον, τὸ μισαπεθαμένο, Χαράς καὶ τέτοιονε ἰατρὸ ποῦ νεκροθεραπεύει. Сравните χαρὰς съ Χάρος.

Всѣ разсмотрѣнныя черты, по нашему, гораздо древнѣе, чѣмъ наприм. одежды и вооруженіе витязя, которыя взяты изъ дѣйствительнаго средневѣковаго быта, — кромѣ употребленія ихъ въ такомъ увеличенномъ количествѣ. Какъ на позднюю прилѣпку къ этой стародавней былинѣ мы смотримъ на упоминаніе о писарькѣ и на самое слово γραμματικόπελος: такихъ секретарей имѣли при себѣ клефтскіе капитаны, что вошло и въ клефтскія пѣсни.

А. 6. [53]) ЗАВОРОЖОННЫЙ ОЛЕНЬ.

(Содержаніе: Встрѣча Дигена съ Харономъ).

Во вторникъ родился Дигенъ и во вторникъ умретъ [54])! Зоветъ къ себѣ своихъ друзей и всѣхъ храбрыхъ: пусть придетъ Минай и Мавралій, пусть придетъ и сынъ Драка, пусть придетъ

---

53) Греческій текстъ, съ котораго я это перевелъ помѣщенъ Пассовымъ подъ № 516 (Popularia carm. 1860) подъ заглавіемъ: Το στοιχειωμενο ελαφι (= Обережонный или заворожонный олень). Заимствованъ имъ изъ Πανδωρα 15 (Βρεθυλος. Ευβοια). Значитъ пѣсня поется на островѣ Еввіи (Эвбеѣ). Первый стихъ:

Τρίτη γεννήθ' ὁ Διγενὴς καὶ τρίτη θὰ πεθάνη.

А. Н. Веселовскій, помѣстившій свой переводъ въ Отрывкахъ Виз. эпоса (Вѣстн. Евр. 1875, Апрѣль, стр. 763) заимствовалъ эту пѣсню изъ Kind, Anthologie neugriech. Volkslieder 1861 ст. 62.

54) Въ текстѣ какъ мы видѣли: Τρίτη γεννήθ' ὁ Διγενὴς καὶ τρίτη θὰ πεθάνη (Pass. Pop. Carm. 516, 1). Ср. въ поэмѣ: ἐν δὲ τῇ τρίτῃ τῇ δεινῇ, τῇ ἄγαν ὀλεθρίᾳ, | Ἡμέρατε, (Les exploits ... стихъ 3148). εἰς τὴν δὲ τρίτην τὴν κακήν, τὴν πολυπικραμένην, по Андр. списку, стихъ 4387, изд. Милліараки.

и Тремандахилъ, отъ котораго дрожатъ земля и весь міръ. Пошли и нашли его распростертымъ на полѣ. — «Что съ тобой, Дигенъ, что собираешься умереть?» — «Ѣшьте и пейте, друзья мои, я стану вамъ разсказывать. Въ горахъ у Аламаны, въ полѣ Арапіи, тамъ, гдѣ пятерымъ не пройти, не пройти и десятерымъ, а прошло ихъ полтораста человѣкъ, да еще вооруженныхъ. И я бѣдный прошолъ пѣшкомъ, вооруженный; триста медвѣдей убилъ я, шестьдесятъ двухъ львовъ; и удалось мнѣ попасть въ обереженнаго оленя, что съ крестомъ на рогахъ, со звѣздой на головѣ, съ Богородицей среди лопатокъ [55]). Этотъ грѣхъ попуталъ меня, и я долженъ умереть. Триста лѣтъ я прожилъ на этомъ свѣтѣ, никакого храбреца не боялся, а теперь увидѣлъ одного разутаго, пѣшаго, вооруженнаго, пестрый какъ рысь, глаза-то какъ молонья. Какъ завидѣли его мои оченьки, такъ въ сердце и колонуло. Этотъ грѣхъ попуталъ меня, и я долженъ умереть.

Б. 7. [56]) Мѣстный духъ и храбрецъ.

Въ горахъ святой Марины, на поляхъ Эривіи, тамъ гдѣ пятерымъ не ступить и десятерымъ не пройти, я одинъ прошолъ

---

55) Въ подл. Passow 516, 15: Κι' ἀνάμεσα στὰ δίπλατα εἶχε τὴν Παναγία. Подчеркнутаго слова я нигдѣ не нашелъ: смыслъ его ясенъ.

56) Г. Хр. Χασιωτου, Συλλογη των κατα την Ηπειρον δημοτικων ασματων, Αθην. 1866. (Въ Επιμετρον № 31), стр. 208, подъ заглавіемъ: Το στοιχειο και ο αντρειωμενος (мѣстный духъ и храбрецъ). Первый стихъ:

Στῆς ἅ(γ)ι Μαρίνας τὰ βουνά, στῆς Ἐριβοιᾶς τοὺς κάμπους,

Г. Хасьотъ составилъ свой сборникъ Эпирскихъ, преимущественно загорскихъ пѣсень, записывая со словъ поющихъ «не налагая на нихъ

пѣшкомъ, вооруженный, съ . . . . [57]) на саблѣ, съ кисточками на ружьѣ. Шестьдесятъ драконовъ убилъ и шестьдесятъ поранилъ. А попалъ я и въ мѣстнаго духа на высокомъ гребнѣ горы; съ крестомъ на рогахъ, съ мѣсяцомъ на заднихъ ногахъ. Онъ содрогается, и содрогаются горы; онъ содрогается, и содрогаются поля; бьется ногами — дерева съ корнемъ вырываетъ; зычнымъ голосомъ завопилъ, воютъ горы и гребни. «Здѣсь-то, говоритъ, гдѣ пятерымъ не ступить и десятерымъ не пройти, чего искалъ ты одинъ, пѣшкомъ, вооруженный»?! . . . .

Объясненіе былинъ А 6 и Б 7.

Послѣдняя пѣсня получаетъ нѣкоторое освѣщеніе отъ сближенія ея съ предъидущею. Первая изъ двухъ послѣднихъ (А 6) произошла, по видимому, изъ сліянія преданія о смерти героя Дигена съ преданіемъ о убіеніи обережоннаго животнаго. Смерть Дигена послужила ему карою за то, что онъ застрѣлилъ заповѣднаго, если можно такъ выразиться, оленя.

Къ преданію о Дигенѣ мы относимъ собравшихся и бесѣдующихъ по поводу его агоніи друзей. Сюда же прилагаемъ и убитыхъ этимъ витяземъ львовъ: они принадлежатъ къ эпической родинѣ Дигена, При-Евфратью, гдѣ и въ дѣйствительности

дерзостной руки, по возможности ничего не искажая» . . . . «Женщины и дѣвушки, говор. онъ, отъ невниманія и запамятованія прикладываютъ иногда къ пѣснѣ конецъ отъ другой пѣсни или смѣшиваютъ двѣ или нѣсколько пѣсень въ одну» . . . «За ними можно записывать пѣсни только въ праздничные дни». См. стр. κζ′ въ Предисловіи Хасьота.

57) μὲ τετριμίδαις (;) στὸ σπαθὶ напечатано въ текстѣ. Самъ издатель не понималъ этого слова, что видно изъ вставленнаго имъ вопросит. знака и изъ невнесенія его въ его Γλωσσάριον, приложенный къ концу книги. Оно звучитъ, какъ греческое; отъ знатока слышали мы, что оно не турецкое слово.

попадаются львы [58]). Здѣсь за душою героя, является Харонъ такъ же какъ и въ № 5: но Дигенъ не дѣлаетъ ему вызова, а сдается безъ всякого единоборства: въ изображеніи этихъ сношеній чувствуется вліяніе Христіанства.

Но другая составная часть былины А 6 обязана, какъ уже мы замѣтили, своимъ происхожденіемъ преданію объ оленѣ, на которомъ находились священные знаки, его оберегавшіе. Витязь не съ лёгкой воли мѣтилъ въ него и убилъ его: въ этомъ его грѣхъ, требующій наказанія.

Не совсѣмъ такъ въ послѣдней пѣснѣ (Б 7), гдѣ олень оказывается демономъ или духомъ той мѣстности, въ которой онъ проживаетъ, что̀ и выражено словомъ: τὸ στοιχειό (στοιχεῖον), по весьма древнему международному новѣрью [59]). Въ этомъ послѣднемъ преданіи, вошедшемъ въ составъ обѣихъ сравниваемыхъ нами былинъ, есть отголосокъ древняго Ахейскаго сказанія о убіеніи Агамемнономъ священной лани Артемидиной, какъ это прежде насъ уже было замѣчено Г. Шмитомъ [60]).

---

58) Сравни: Ἐμεῖς ἔμες ἑφτ' ἀδελφοὶ καὶ οἱ πέντ' ἔμες κουρσάντοι, | ἐμεῖς τρώγαμε λέοντας, σκοτώναμε ἐλάφια и т. д., стихи 9 и 10 въ № 19, стр. 286, у Іоаннида Ἱστορία и т. д. Это очень интересная пѣсня Трапезундская, которой мы не внесли въ нашъ сборникъ, по загадочности (для насъ) ея содержанія. «Насъ семеро братьевъ и пятеро изъ насъ разбойнички, мы питалися львами, убивали оленей» и т. д.

59) Ortsgeister у Шмита, Das Volksleben d. Neugriechen I, 182—199 и главу Στοιχειά въ Μελέτη Г. Полита I, 2, 126—154.

60) Г. Шмитъ, имѣя въ виду обѣ разбираемыя нами теперь былины, пишетъ: In einem Volkslied bei Chasiotis p. 208, n. 31 heisst es von dem στοιχειό eines Felses, es habe σταυρὸ στὰ κέρατα, φεγγάρι στὰ καπούλια. Vgl. dazu Passow's Pop. Carm. n. 516, 13 ss., «welche Verse übrigens.... einigermassen an die hellenische Sage von der Erlegung der heiligen Hirschkuh der Artemis durch Agamemnon anklingen». Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterthum von Bernhard Schmidt. Erster Theil. Leipz. 1871. См. стр. 187 прим. 4.—

Какимъ бы путемъ ни продержалось въ греческомъ народѣ это классическое сказаніе, устнымъ или книжнымъ, все же продержалось. Событіе, разсказанное въ обѣихъ былинахъ, пріурочено, въ одной къ горамъ Аламаны, въ другой — къ Эривіи. Къ Югу отъ рѣчки Аламаны дѣйствительно возвышаются горы съ ущельемъ τὰ Θερμιά (= Өермопильскимъ). Эта мѣстность лежитъ рядомъ съ о. Еввіей (Эвбэей), гдѣ была записана первая изъ двухъ былинъ (А 6). Въ другой былинѣ названо поле Эривіи. Такой городъ былъ между прочимъ и въ Македоніи[61]). Мѣстныя имена, упомянутыя въ обѣихъ пѣсняхъ, указываютъ не на Малую Азію, а на Өессалію и Македонію. Впрочемъ объ Ἀραπιᾶς τὰ μέρη мы недоумѣваемъ: скрывается ли тутъ намекъ на Аравійскія земли, въ которыхъ жили сосѣдствующіе съ имперіей Саракины, или же Ἀραπιά есть только варіантъ къ Ἐριβοιά?

Перехожу къ частностямъ А 6. Имена созванныхъ богатырей взяты какъ будто изъ разныхъ міровъ. Кромѣ Мавралія, котораго не умѣю никуда пріурочить, тутъ есть Христіанское имя Μινᾶς и два миөическія: сынъ Драка и Тремандахилъ. Займемся этимъ послѣднимъ, къ которому намъ придется возвратиться.

О Трамандахилѣ сказано (А 6), что отъ него «дрожитъ земля и весь міръ». Такое сверхъестественное свойство напоминаетъ

Прибавимъ къ этому, что въ былинѣ № 6 не скрыта виновность Дигена. Такъ точно не скрыта, хотя и прикрыта, виновность Агамемнона въ словахъ его дочери у Софокла: Πατήρ ποθ' οὑμός, ὡς ἐγὼ κλύω, θεᾶς | παίζων κατ' ἄλσος ἐξεκίνησεν *) ποδοῖν | στικτὸν κεράστην ἔλαφον, οὗ κατὰ σφαγὰς | ἐκκομπάσας ἔπος τι τυγχάνει βαλών. | κἀκ τοῦδε μηνίσασα Λητῴα κόρη | κατεῖχ' Ἀχαιούς, ὡς πατὴρ ἀντίσταθμον | τοῦ θηρὸς ἐκθύσειε τὴν αὑτοῦ κόρην (vv. 566—572, Sophoclis Electra.... ed. O. Jahn. 1872 ed. alt.).

61) «Stadt der Parthyäer in Macedonien. Ptol. 3, 13, 41». У Pape — Benseler, Wörterbuch der griech. Eigennamen. 3 Aufl.; sub Ἐρίβοια.

---

*) 567 ἐξεδίωξεν [Suidas ἐξεκίνησεν]. sch. ad Soph. El. ed. Jahn. Cp. Hygini fabulae ed. Bunte, Lips. 1856, въ XCVIII (намѣренно убилъ); а въ CCLXI (нечаянно).

Посидона «землетряса» (Ποσειδάων ἐννοσίγαιος, Π. ἐννοσίχθων) древнихъ Еллиновъ. Да и самое имя этого загадочнаго существа заключаетъ въ себѣ намекъ на сходное качество его. При томъ написаніи, котораго держится Пассовъ [62]), который пишетъ Τρεμαντάχειλος черезъ χει, это слово можно представить себѣ сложеннымъ изъ какого-то итальянизированнаго глагола, производнаго отъ τρέμω (tremo, tremando) = дрожу, и существительнаго χεῖλος = губа: выйдетъ «губотрясъ»: очевидно не будетъ связи между этимъ именемъ и свойствомъ, приписаннымъ лицу. Но есть слово ἀχυλιά, означающее въ новогреческомъ языкѣ «горячую золу, горячій пепелъ, жаръ». Оно встрѣчается въ народномъ стихѣ на Великій Пятокъ. Когда цыганъ объявилъ, что онъ куетъ гвозди на одного, котораго будутъ распинать, то получилъ въ отвѣтъ: «Чтобъ тебѣ, цыгану, никогда не обзавестись горячимъ пепломъ, а если имъ и обзаведешься, пусть будетъ вѣтромъ разнесенъ» (Μπρὲ σκύλε, σκύλ' ἀτσίγκανε ποτ' ἀχιλιὰν μὴ κάμῃς, κἂν κάμῃς καὶ τὴν ἀχιλιά, ἄνεμος νὰ τὴν πάρῃ) [63]). По этому позволяемъ себѣ догадку, что Τρεμαντάχυλος значитъ «трясущій золу, пепелъ» и можетъ-быть «потрясающій пепелища, очаги, жилища» (Тряси-домъ, или Трясодомъ). Такое имя имѣло бы связь съ приписаннымъ этому существу свойствомъ: «Тремандахилъ, отъ котораго дрожитъ земля и весь міръ». Слово же Τρεμοτράχηλας въ стихѣ Στέρνει τὸν Τρεμοτράχηλα, τὸν τρέμει ἡ γῆς κὴ ὁ κόσμος, означающее «того, у кого дрожитъ затылокъ», въ связи съ опредѣленіемъ τὸν τρέμει и дал. очевидно неумѣстное (Въ Schmidt, Griech. Märchen 198 (№ 59, ст. 16).

---

62) Какъ написано это имя въ «Пандорѣ 15», въ которой пѣсня впервые напечатана, намъ неизвѣстно (См. прим. 53).

63) См. Της μεγαλης παρασκευης у Passow, Popul. Carm. CCCX а стихи 33—34, гдѣ ссылка на Кинда, при чемъ не означено изъ какого сочиненія Кинда взятъ этотъ духовный стихъ. — Пассовъ въ Указателѣ и въ текстѣ пишетъ ἀχιλιά, а Скарлатъ Византій въ Λεξικον της καθ' ημας ελληνικης διαλεκτου, Αθην. 1835 пишетъ ἀχυλιά.

Харону былины А 6, существу сверхъестественному, сознаніе народное не придало чертъ богатырскихъ: онъ въ этомъ похожъ на Харона № 5.

Итакъ образы героя, Харона, Тремандахила, оленя — все здѣсь стародавнее. Новымъ наростомъ является ружье (только въ былинѣ Б 7: *καὶ φούνταις ςὸ ντουφέκι*, да и слово-то изъ Турецкаго), точь въ точь, какъ въ одной русской пѣснѣ новымъ наростомъ является «ружье съ шомполами», вмѣсто первобытнаго оружья стрѣлы, по замѣчанію О. Ѳ. Миллера [64]).

---

8. [65]) ПѢСНЯ О ХАРОНѢ И ДИГЕНѢ.

(Содержаніе: Единоборство Дигена съ Харономъ).

Харонъ надѣлъ на себя черныя одежды, сѣлъ на воронаго, золотой саблей опоясался, ѣдетъ на празднество, заѣзжаетъ къ матери своей за ея порученіями. «Сынъ мой, не бери красавицъ, не бери старушекъ, ни дѣтей малыхъ: матери станутъ плакать!» — Отвѣчаетъ Харонъ, молвитъ-говоритъ ей: «Коли мнѣ не стать красавицъ брать, ни старухъ, ни малыхъ дѣтей, что я за Харонъ такой!» Боднулъ воронаго и на верхъ горы взъѣхалъ; туды глядь, сюды глядь, видитъ садъ, и тамъ будто какъ много бояръ сидитъ за столомъ. Попривстали бояре и го-

64) О. Ѳ. Миллера Илья Муромецъ стр. 197.

65) Изъ *Τὰ Κυπριακα*... Сакелларія, Аѳин. 1868. См. пѣсню 17, озаглавленную *Ἆσμα Χάρωνος καὶ Διγενῆ*. — Это пѣсня Кипрская. — Начало: *Ὁ Χάρος μαυροφόρησε μαῦρα καβαλλικέβκει*... Всего 105 стиховъ; издатель замѣчаетъ, что въ концѣ недостаетъ нѣсколькихъ стиховъ. Легранъ помѣстилъ начальные стихи этой пѣсни (всего 41) съ фр. переводомъ въ Recueil de chans. pop. grecques, Par. 1874, подъ № 88, не сказавъ откуда заимствовалъ; къ концу приписалъ Ile de Chypre. Мы перевели съ греческаго весь текстъ Сакелларія. — Весь же текстъ Сакелларія во франц. переводѣ можно найти на стр. LX—LXII Введенія къ Les exploits... Саѳы и Леграна.

ворятъ ему: «Добро пожаловать, Харонъ, покушай, выпей съ нами; скушай зайца лакомый кусочекъ, да куропаточки жареной, да лучку дикаго, что ѣдятъ храбрые; испей винца сладкаго, которое пьютъ именитые люди, которое пьютъ больные, и выздоравливаютъ». Попривсталъ Харонъ и говоритъ имъ: «Не пришелъ сюда я, Харонъ — ѣсть-пить съ вами, а пришелъ я, Харонъ, взять лучшаго изъ васъ!» Попривстали бояре и говорятъ ему: «Скажи, скажи, Харонъ, кто это лучшій изъ насъ?» — Отвѣчаетъ Харонъ, молвитъ-говоритъ имъ: «Онъ длиннопалый, онъ малозубый». — Какъ заслышалъ Дигенъ, обозлился, разсвирѣпѣлъ: пнулъ въ столы да въ стулья, посуду на воздухъ разметалъ. А Харону Дигенъ молвитъ-говоритъ: «Коли ты побѣдишь меня, Харонъ, вынь изъ меня душу; а коли я тебя побѣжду, Харонъ, подари ты мнѣ жизнь». Руки съ руками схватились, и вышли они на мѣсто борьбы. И Харонъ говоритъ ему: «Захвати меня легошенько, то и я тебя легошенько». Дигенъ легошенько и захватилъ, а Харонъ-то изо всей силищи. Гдѣ хваталъ Харонъ, тамъ брызгала кровь, гдѣ хваталъ Дигенъ, тамъ кости въ дребезги. Взялись да боролись три ночи и три дня; послѣ троихъ сутокъ побѣждаетъ Дигенъ, разверзаетъ объятья и славитъ Бога: «Славлю тебя, Боже благій, что на горнихъ мѣстахъ, что видишь и тайное и явное; тѣло, мнѣ тобою дарованное, вышло изъ боя мужественнымъ: тѣло отъ Бога и отъ его архангеловъ». — «Не посылалъ я тебя, Харонъ, борьбу устроивать, а посылалъ я тебя, Харонъ, отнимать для меня души» [66]). Золотой орелъ очутился на головѣ Дигена, и роется когтями, чтобъ вынуть изъ него душу. И Дигенъ въ агоніи, въ желѣзныхъ чертогахъ, на желѣзномъ ложѣ, подъ желѣзными простынями. Триста паликаровъ вертятся снаружи, желаютъ войти поглядѣть на него, и все-то очень боятся. А одинъ коротенькій, прекоротенькій, низкія ша-

66) Ср. былину 13. — Политъ ссылается на примѣры изъ древнихъ классиковъ и изъ новогреч. пѣсенъ (Πολίτου, Μελέτη I 238 и сл.). См. полное заглавіе въ пр. 69.

ровары на немъ, шапка подъ мышкой, входитъ и кланяется: «Здорово, говоритъ, здорово, Дигенъ, въ началѣ, когда ты любилъ, тѣни при лунѣ ты искалъ, и по ней ты ходилъ [67]). Триста паликаровъ вертятся снаружи, желаютъ войти поглядѣть на тебя и все-то очень боятся»! — Молвитъ-говоритъ ему Дигенъ: «Скажи имъ, пусть войдутъ поглядѣть на меня, пусть ничего не боятся». И вошли къ нему и пріятно привѣтствовали. И велитъ Дигенъ подать имъ обѣдъ. И возговорятъ они, молвятъ таково слово: «Вѣдь мы сюда пришли не ѣсть и не пить, а пришли распросить про старыя битвы». И говоритъ имъ сказываетъ Дигенъ: «Вы себѣ тамъ кушайте, а я здѣсь стану разсказывать. Какъ по краямъ полей, у дикаго тростника, девять мѣшковъ я наполнилъ все носами да языками: носы-то драконьи, а языки львиные: отъ многаго яду почувствовалъ жажду и я и мой вороной. Стою да раздумываю, гдѣ-бы его попоить. Къ Аврату рѣкѣ [68]) бѣгу его напоить, а у Аврата рѣки глядитъ Саракинъ. Стою да раздумываю, какъ бы его мнѣ привѣтствовать: назову его розовымъ кустомъ, такъ колючья въ немъ; назову мускуснымъ кустомъ, такъ въ немъ узелочки, назову тростинкой, боюсь, что согнется. Такъ стану привѣтствовать его, какъ ему слѣдуетъ, по званію его. Въ добрый часъ, Саракинъ, свѣтъ храбрецовъ. Одинъ-то привѣтствуетъ, другой его дубиной бьетъ. Возговоритъ Дигенъ молвитъ ему: «Ну-ка, Саракинъ, дай-ка и я хвачу тебя». — И какъ тюкнетъ его по головѣ: вѣдь не былъ то камень, чтобы могъ онъ треснуть, не былъ то мостъ, чтобы рушиться могъ, не былъ зáмокъ, чтобы можно ему повернуться въ верхъ дномъ. У него въ ноздряхъ кобылы въ стойлахъ стоятъ,

---

67) Темное для насъ мѣсто. Умирающій Зидръ въ одной пѣснѣ говоритъ: «Прощаюсь съ моимъ солнцемъ и со свѣтлымъ мѣсяцомъ, что̀ освѣщалъ мнѣ путь, какъ храброму паликару». (Политъ въ Μελέτη I 246 приводя эти слова ссылается на Λελέκου Δημοτική ἀνθολογία 1868, 57).

68) А въ № 21 Афратъ = Ἀφράτης (= Евфратъ).

у него подъ мышками, куропатки трещатъ, на спинѣ у него пашутъ, а подошва его занимаетъ девять четвериковъ поля. А былъ тамъ недалече городъ, и раздался въ немъ тотъ ударъ. «Видно гдѣ-то молонья, громъ, видно градомъ бьетъ; гдѣ-то Богу стало угодно городъ провалить». Какъ случился тутъ дѣдка сердечный, изъ старинныхъ людей: «Ни молоньи нѣту, говоритъ, ни грому, ни граду, ни Богу не стало угодно городъ провалить; а это, говоритъ, ударъ Дигена; привѣтъ мой тому, кому скушать пришлось!» И часу не прошло съ той поры, какъ я съ нимъ говорилъ, а вотъ и Саракинъ въ поле является. Въ городъ вошелъ, пріятно ихъ привѣтствовалъ: «Приходите, говоритъ, всѣ бояре, поглядите на рану мою; одинъ песъ, злющій песъ, пришелъ и убилъ меня». Собиралися бояре на рану поглядѣть; девять сѣтокъ обрѣзали, три заднія вышивки; приподняли руку, посмотрѣть на рану, — глядь! Саракинъ на землѣ, что шерсти клубокъ.

Объясненіе № 8.

Эта Хароновская былина представляется мнѣ менѣе древнею, чѣмъ двѣ предъидущія Хароновскія же, во-первыхъ тѣмъ, что герой умираетъ здѣсь не на охотѣ, а среди пира, а во-вторыхъ тѣмъ, что вызовъ на единоборство сдѣланъ Харономъ. Здѣсь и понятія Харона и его внѣшность обличаютъ въ немъ полное сходство съ богатыремъ. Точно витязь выѣзжаетъ онъ во всеоружіи за живою добычей. Даже укоръ, сдѣланный ему свыше, является въ этой пѣснѣ, какъ укоръ за его увлеченіе неподобающею ему страстью къ единоборству. Такое паликарство Харона не могло возникнуть сразу въ сознаніи народныхъ эпиковъ; и во всякомъ случаѣ оно могло возникнуть лишь позже, чѣмъ его изображеніе въ образахъ сверхъестественныхъ [69]).

---

69) Перечень разнообразныхъ видовъ, принимаемыхъ Харономъ въ новогреческихъ народныхъ произведеніяхъ читаемъ у Леграна въ его

Почти съ начала замѣчаемъ въ № 8 нѣсколько общихъ мѣстъ. Такъ наприм. здѣсь пѣсня придаетъ господину Харону (κὺρ Χάρος) матушку, подобно тому, какъ другая пѣсня господину Ворьѣ (= сѣверному вѣтру, ὁ Κὺρ Βοριᾶς), третья господину Илію (солнцу, ὁ Κὺρ Ἥλιος) [70]). Укажемъ еще на одно общее мѣсто: Харонъ передъ своимъ подвигомъ въѣзжаетъ на гору совершенно такъ, какъ богатырь Армуръ передъ своимъ: сравните слѣдующіе стихи:

Φτερννιστηρκὰ τοῦ μαύρου του 'παν' εἰς βουνὸν ἐβκαίνει
(Сакелл. 17, 9).

Κρούει περνιςηρέαν τὸν μαύρον του, ἄνω εἰς βουνὶν ἀνέβη
(Объ Армурѣ, стих. 66 здѣсь № 21).

Наконецъ еще одно общее мѣсто: друзья-витязи, сидѣвшіе въ застольѣ, угощаютъ Харона совершенно какъ кого либо изъ ихъ сословья, почти тѣми же словами какъ и Хильопаппа пирующіе бояре въ пѣснѣ № 1 [71]). Нѣкоторыя выраженія, по неумѣстности своей, доходятъ до смѣшнаго, напр. въ приглашеніи, сдѣланномъ Харону (смерти), выпить того винца, отъ котораго

Recueil de chans. popul. grecques,... par E. Legrand, Par. 1874. См. стр. XXXIII—XXXVIII его предисловія. Перечень очень полонъ и занимателенъ, но не замѣтно ни малѣйшей попытки отдѣлить болѣе новые образы отъ болѣе старыхъ. См. еще розысканія Г. Полита о древнихъ и старинныхъ воззрѣніяхъ на Харона, въ главѣ Χαρος стр. 237—301, его Μελετη επι του βιου των αρχ. κ. νεωτ. Ελλην. I, 2. Αθην. 1874.

70) На мать Харона указалъ уже Легранъ, имѣя въ виду эту же пѣсню, см. тамъ же стр. XXXVII. — Сравни стр. XII моего предисловія къ Армуру, гдѣ я привожу нѣсколько фактовъ, а именно о матери Ворьи и Илія. — См. еще Политъ въ Μελετη I, 2, 292, и въ статьѣ Ὁ Ἥλιος ἐν τοῖς Ἑλληνικοῖς μύθοις 1882; и онъ же о чертовой матери Μυθολογ. II, 445. — У А. Н. Веселовскаго въ Beiträge приведены по этому предмету ссылки на славянскіе народы 555, пр. 2.

71) Замѣчу мимоходомъ, что обѣ эти былины — Кипрскія, т. е. № 1 и № 8 нашей нумераціи.

выздоравливаютъ больные. Этой общей формулѣ приглашенія отвѣчаетъ другая общая формула уже со стороны пришельца, отрекающагося отъ предложеннаго ему угощенія въ слѣдствіе необходимости исполнить какое-то свое намѣреніе. Здѣсь приглашеніе и отказъ выражены такъ:

καλῶς ἦρτεν ὁ Χάροντας νὰ φᾷ νὰ πίῃ μητά μας,
νὰ φάῃ ἄγριν τοῦ λαοῦ νὰ φᾷ ὀφτὸν περτίκιν,
νὰ φᾷ ἀρκοκεράμυον ᾽ποῦ τρῶν ἀντρειχωμένοι,
νὰ πίῃ γλυκόποτον κρασὶν ᾽ποῦ πίννυν φουμισμένοι,
ὁποῦ τὸ πίννυν ἄρρωστοι καὶ ᾽βρέθουνται ᾽γιαμένοι.
Κὴ ἀπολοάται Χάροντας, στέκεται καὶ λαλεῖ τους·
῏Εν ἦρτα ᾽γιὼ ὁ Χάροντας νὰ φά᾽ νὰ πίω μητά σας,
Παρά ᾽ρτα γιὼ ὁ Χάροντας τὸν κάλλιον σας νὰ πάρω.
(Сакелл. 17, 13—20).

Сравните очень схожіе стихи въ пѣснѣ Кефалонской, изданной Шмитомъ [72]):

Καλῶς τονε τὸν Χάροντα! κάθισε νὰ γευτοῦμε,
νὰ φᾶς τ᾽ ἀπάκια τοῦ λαγοῦ, στηθάρι ἀπὸ περδίκι,
νὰ πιῇς καὶ τριπαλῃὸ κρασί, ποῦ πίνυν οἱ ἀντρειωμένοι!
῾Δὲν θέλω ἐγὼ τὸ γιόμα σας εἴδε τὸ λειδινό σας,
παρ᾽ ἦρθα γιὰ τὸν κάλλιο σας, γιὰ τὸν καλλίτερό σας [73]).

---

72) Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder gesammelt, übersetzt und erläutert von Bernhard Schmidt. Leipz. 1877. См. пѣснь № 20 стр. 162, Kephalonia, dorf Zerbata (т. е. Зерваты), стихи 5—9. — Шмитъ переводитъ ἀπάκια τοῦ λαγοῦ = von den Hasenleuden. Замѣтьте перестановку согласныхъ въ λειδινὸ вмѣсто δειλινόν, вечеръ.

73) Сличеніе этихъ двухъ мѣстъ, такъ близкихъ одно къ другому, съ третьимъ сходнымъ мѣстомъ въ пѣснѣ № 428 у Пассова, показываетъ до какой порчи текста можетъ довести ослабленіе народной памяти и народнаго сознанія. Въ этой послѣдней находимъ такой стихъ, соотвѣтствующій послѣднему стиху въ вышеприведенныхъ отрывкахъ:

Μὸν ἦρτα γιὰ τὰ κάλλη σας, τοῦ Χάρου δὲ φοβᾶστε.

(Passow, Pop. Carm. № 428 изъ Tommaseo № 306: ῾Ο Χάρος καὶ ὁ τσοπάνης, ῾Επτάνησος). Въ этой пѣснѣ, если только тутъ нѣтъ

Какъ объяснить обманъ, приписанный нашею былиною Харону? это произошло, по видимому, все отъ того же постепеннаго очеловѣченія типа Харона, о которомъ говорено въ началѣ этого объясненія. Мало было для народнаго сознанія того, что Харонъ въ продолженіе трехсуточнаго единоборства не смогъ одолѣть Дигена: для бóльшаго прославленія своего героя эта побѣда одержана имъ не смотря на обманъ, къ которому прибѣгнулъ Харонъ.

Но побѣда героя могла быть только временною. Послѣ единоборства, за которое Харонъ получилъ укóръ свыше, начинается уже въ серединѣ пѣсни, та агонія Дигена, которую въ другихъ пѣсняхъ мы видѣли въ самомъ ихъ началѣ. Золотой орелъ, добывающій душу изъ головы Дигена, есть, какъ мы думаемъ, тотъ же Харонъ, но Харонъ, исправившійся отъ своихъ паликарскихъ замашекъ, Харонъ, оборотившійся въ послушную птицу. Не даромъ добываетъ онъ душу изъ головы героя. Сравните это мѣсто съ пѣснею объ Олимпѣ, гдѣ голова клефта, которую клюетъ орелъ, говоритъ ему: «Ѣшь, птица, мою молодость, ѣшь и мое мужество, чтобы крыло твое выросло въ локоть, а коготь твой въ пядень» [74]). Основаніемъ обоимъ этимъ сказаніямъ служитъ представленіе, что душа человѣка помѣщается въ головномъ мозгѣ [75]). Въ первомъ случаѣ Харонъ увѣренъ, что описаннымъ

описки со стороны записавшаго ее, — мы видимъ Харона завистникомъ, который «пришелъ *за красотою* молодцевъ, не боящихся Харона». Вмѣсто τὸν χάλλιον σας, легко составилось τὰ χάλλη σας. — Только затемненіе основной мысли былины могло дать поводъ къ такому искаженію. (Написавъ это примѣчаніе я замѣтилъ, что и Политъ, перепечатывая пѣсню Pass. № 428, послѣ словъ γιὰ τὰ χάλλη σας, поставилъ въ скобкахъ вопросительный знакъ Πολιτου, Μελετη I, 2, стр. 276).

74) Φάγε πουλί τὰ νιάτα μου, φάγε χαὶ τὴν ἀντρειά μου | νὰ χάμῃς πῆχυ τὸ φτερὸ χαὶ πιθαμὴ τὸ νύχι! (Ζαμπελίου Ἄσματα δημοτιχά, 1852. I, № 10, стр. 605. Passow, Pop. Carm. CXXXI. — Стихи 13 и 14).

75) Это конечно не исключаетъ другихъ взглядовъ: наприм. что душа помѣщается подъ лѣвою грудью по направленію къ желудку, какъ

способомъ отниметъ душу у тѣла легче чѣмъ единоборствомъ, которое ему не удалось. Во второмъ случаѣ умирающій герой увѣренъ, что сила его перейдетъ въ ту птицу, которая клюетъ его голову. Такое представленіе о мѣстопребываніи души въ головномъ мозгѣ, въ народѣ быть-можетъ произошло въ слѣдствіе совершившагося еще раньше среднихъ вѣковъ переворота въ понятіяхъ научныхъ: быть-можетъ ученіе Галина отразилось и на народномъ сознаніи [76]).

Триста паликаровъ вьются около хоромовъ Дигена: это очевидно не тѣ товарищи-сотрапезники, которые изображены въ началѣ. Эти триста боятся войти въ домъ богатыря. Упоминаніе объ этомъ страхѣ быть-можетъ есть поздній отзвукъ о томъ общемъ смятеніи, которое, по эпическимъ воззрѣніямъ, настаетъ во всемъ мірѣ, въ тѣ часы, когда умираютъ богатыри.

утверждаетъ Шмитъ (Bernhard Schmidt, Das Volksleben d. Neugr. ст. 229).

76) «Εἰ γὰρ δὴ παρὰ φύσιν εἰς τὴν πνευματικὴν κοιλίαν τῆς καρδίας ἐμπεπτώκει τὸ αἷμα, πάντα ἐχρῆν, οἶμαι, συγκεχύσθαι τὰ κατὰ φύσιν αὐτῆς ἔργα καὶ μήτε τὰς ἀρτηρίας ἔθ᾽ ὁμοίως σφύζειν, ὡς ὅτε τοῦ παρὰ αὐτῆς ἐπληροῦντο πνεύματος, ἀπολωλέναι τε παμπόλλας ἐνεργείας, ὡς ἂν τῆς πηγῆς αὐτῶν οὐκέτι οὔσης. Ἐρασίστρατος μὲν γὰρ ζωτικοῦ πνεύματος, Χρύσιππος δὲ τοῦ ψυχικοῦ πνεύματος πλήρη φησὶν εἶναι τὴν κοιλίαν ταύτην. ἀλλὰ οὐδὲν ὅλως τὸ ζῷον καταλαμβάνει σύμπτωμα. καὶ τοῦτο ἔνεστι τῷ βουλομένῳ μαθεῖν παρὰ ἡμῶν, ὥσπερ ἀμέλει πολλάκις μὲν ἐδείξαμεν οὐκ ὀλίγοις τῶν ἀπιστούντων εὐθὺς ἀντιπαραβάλλοντες αὐτοῖς ἐφ᾽ ἑτέρου ζῴου, πολλάκις δὲ καὶ καθ᾽ ἓν ὁτιοῦν ταὐτόν, ὁπόσα τε καὶ ὁποῖα καταλαμβάνει τὸ σύμπαν σῶμα παθήματα κοιλίας ἐγκεφάλου τρωθείσης. καίτοι τί λέγω τρωθείσης; εἰ γὰρ καὶ πρὶν τρῶσαι θλίψεις ἡντινοῦν αὐτῶν, ἀκίνητόν τε καὶ ἀναίσθητον, ἄπνουν τε καὶ ἄφωνον εὐθὺς ἔσται τὸ ζῷον. οὕτω δὲ κἀπὶ τῶν ἀνθρώπων αὐτῶν ἀνατιτραμένων φαίνεται συμπῖπτον». Claudii Galeni De placitis Hippocratis et Platonis libri novem. Recensuit et explanavit Iwanus Mueller. Vol. I. Lips. 1874. pp. 140—141. Κοιλία здѣсь значитъ не чрево, а полость.

Не составляютъ ли эти триста паликаровъ дружины Дигена? Не думаю. Нигдѣ ни въ пѣсняхъ, ни въ извѣстной поэмѣ, не говорится о дружинѣ Дигена; вездѣ онъ бьется одинъ, хотя бы и съ тысячами враговъ; таковы и прочіе греческіе богатыри, на сколько они намъ извѣстны; до сихъ поръ ничего въ родѣ Владиміровой дружины намъ не попадалось. Клефтъ-капитанъ со своимъ отрядомъ — это явленіе позднее, историческое, изъ вѣковъ вооруженной борьбы Грековъ съ Турками. Нельзя на этихъ трехсотъ смотрѣть какъ на дружину Дигена ужъ и по тому одному, что дружинѣ были бы извѣстны его подвиги, а эти собрались послушать его разсказа о старыхъ бояхъ. Ихъ число 300 чисто эпическое: этого для дружины слишкомъ много: сравни число 30 какъ обычное число дружинниковъ [77]). Но чѣмъ объяснить этого единственнаго смѣльчака, чуть не карлика — ἕνας κοντὸς κοντούτσικος, который ходатайствуетъ за удальцовъ? онъ быть-можетъ въ своемъ слабосиліи носитъ объясненіе своей безбоязненности: не тронетъ молъ такой мошки Дигенъ-богатырь [78]).

Разсказъ Дигена начинается съ очень стародавняго вида богатырства, — съ охоты на дикихъ звѣрей. Сравните такого же рода подвиги въ №№ 6 и 7; сравните Иракла, Ѳисея и другихъ истребителей звѣрей и чудищъ. За симъ слѣдуетъ встрѣча съ Саракиномъ-исполиномъ, наведшая витязя на раздумье, какъ бы по-вѣжливѣе его привѣтствовать. Замѣтимъ, что такое же раздумье и притомъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, находимъ и въ пѣсняхъ другаго разряда, не-богатырскихъ [79]). Мы считаемъ

---

77) См. о числѣ 30, какъ обычномъ числѣ дружинниковъ у О. Ѳ. Миллера въ Ильѣ 198.

78) Самый приступъ въ рѣчи этого коротенькаго для насъ теменъ. Ср. прим. 67. — Совсѣмъ другой типъ имѣетъ ἕνας κοντὸς κοντούτσικος въ другой пѣснѣ, у Ζαμπελ. Ἀσμ. δημ. № 136, ст. 701. Pass. № 490.

79) Наприм. въ пѣснѣ О королевѣ и Ародафнусѣ Ἆσμα τῆς Ῥήγαινας καὶ τῆς Ἀροδαφνούσας, Σακελλ. Κυπριακα, III, № 15,

такіе приступы общимъ мѣстомъ, при чемъ сожалѣемъ, что не можемъ указать на ближайшее ихъ происхожденіе. Быть-можетъ мы не ошибемся, если предположимъ, что они взяты, изъ современной жизни, разумѣется по ихъ идеѣ, а не по формѣ.

Саракинъ-великанъ, хотя и человѣкообразенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и до того безобразенъ, что мудрено соединить всѣ его свойства въ одномъ образѣ. Нѣкоторыя подробности въ описаніи его сходны съ подробностями о Саракинѣ-великанѣ въ былинѣ о Ксанѳинѣ [80]). «Внутри его ноздрей кобылы въ стойлахъ стоя́тъ», сказано въ разбираемой былинѣ; а въ Ксанѳинѣ читаемъ: «Какъ въ одной-то ноздрѣ его — конь въ стойлѣ стоитъ, а въ другую ноздрю — дѣвица умычена» [81]). У Дигеновскаго Саракина: «на хребтѣ землю пашутъ»; у Ксанѳиновскаго «на затылкѣ мельницы вертятся» [82]). Не выпустимъ изъ вида этихъ двухъ признаковъ земледѣльческой дѣятельности, отразившейся въ греческомъ эпосѣ. Величина Саракиновой подошвы (πατοῦνα) выражена тоже образомъ, заимствованнымъ изъ быта пахарей; его подошва занимаетъ цѣлое поле, засѣянное девятью четвериками [83]). Сошлемся на начало былинъ 3 и 4, и на объясненія наши къ 3, гдѣ опираемся на эту эпическую черту — хлѣбопашества богатырей, стр. 21.

стихи 23—27: сравните ихъ со стихами нашей пѣсни 74—78. Не мѣшаетъ напомнить, что обѣ пѣсни слышаны издателемъ Сакелларіемъ въ Кипрѣ. — Насъ поразилъ необычайно сжатый эпическій оборотъ: «назову тростинкой, боюсь, что согнется» = χαὶ ἂν τοῦ 'πῶ βεργόλεγνον φοοῦμαι μὲν λυίσῃ; т. е. боюсь, чтобъ онъ не принялъ этого за намекъ, что его легко согнуть въ три погибели, какъ тростинку; или: чтобъ не подумалъ, что я жду отъ него низкаго поклона. Ародафнуса думаетъ-гадаетъ: «если назову (королеву) мускуснымъ кустомъ, такъ гнется онъ»: здѣсь очевидно намекъ на поклонъ.

80) О Ксанѳинѣ см. здѣсь ниже № 22.

81) Въ Ксанѳинѣ (№ 22) стихи 26—27.

82) Ксанѳина стихъ 25, см. № 22.

83) О слѣдахъ великановъ см. у О. Ѳ. Миллера въ Ильѣ 215, 216, 269.

Что это за типъ, этотъ «дѣдка сердечный изъ старинныхъ людей» (= κ' εἶχεν ἕναν χαργιοπαπποῦν ἀπ' τοὺς παληοὺς ἀδρώπους)? Если смыслъ этихъ словъ понятъ мною вѣрно, это представитель тѣхъ старыхъ опытныхъ воителей, которымъ искони была извѣстна необычайная мощь Дигена, очевидно человѣкъ его стороны [84]).

Но Саракинъ, смертельно поражонный, идетъ въ городъ своихъ сторонниковъ, приноситъ имъ жалобу на злющаго пса, и въ ихъ глазахъ умираетъ. Можно ли считать это концемъ былины? Издатель ея Сакелларій послѣ приведенныхъ словъ пишетъ въ видѣ примѣчанія: «Здѣсь не достаетъ нѣсколькихъ стиховъ изъ конца этой пѣсни». И нельзя съ нимъ не согласиться. Окончаніе, какъ намъ кажется, состояло въ краткомъ сообщеніи о смерти Дигена.

Мѣстами это произведеніе впадаетъ въ тонъ сказочный и даже комическій: но такимъ тономъ отмѣчена только вторая половина былины, вѣрнѣе сказать только то, что относится ко второй агоніи Дигена. Этою второй агоніей первоначальный сюжетъ былины значительно распространенъ; вторая агонія какъ бы прилажена къ первой. Не были ли это сперва двѣ разныя былины Хароновскія, слитыя въ теченіе времени въ одну? и не имѣемъ ли мы тутъ образчика разростанія или сростанія былинъ? Не по этому ли и Легранъ усѣкъ ее, ограничившись первою агоніей? если по этому, то нельзя одобрить такую отважную операцію.

Христіанское вліяніе замѣтно въ славословіи, возносимомъ героемъ къ Богу за дарованіе ему побѣды, и въ укорѣ, сдѣланномъ Харону свыше. Въ славословіи слышится знакомство пѣвцовъ съ псалмами. Приведемъ слова подлинника:

---

84) Слова: «ни молоньи нѣтъ, ни грому, ни граду, а это ударъ Дигена» можно сравнить со словами былины русской: «не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ — Илья торопится на богатыря». См. Илью Муромца О. Ѳ. Миллера стр. 37, гдѣ ссылка на 7 вып. Пѣс. Кирѣевскаго.

Δοξάζω σε, καλὲ Θεέ, 'ποῦ 'σαι 'σ τὰ 'ψηλωμένα,
κὴ ὁποῦ γινώσκεις τὰ κρυφὰ καὶ τὰ φανερωμένα,
τὸ πλάσμα 'ποῦ μοῦ ἔπεψες 'βκῆκεν ἀντρειχωμένον·
τὸ πλάσμα ἔν 'ποῦ τὸν Θεὸν κὴ ἀπὸ τοὺς ἀρχαγγέλους.

Пѣвцу припоминались выраженія въ родѣ ὑψώσω σε κύριε, ὅτι ὑπέλαβές με (Пс. 29, 2), ὁ κατοικῶν ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἐκγελάσεται αὐτούς (Пс. 2, 4), αὐτὸς γὰρ γινώσκει τὰ κρυφία τῆς καρδίας (Пс. 43, 22), ὅτι αὐτὸς ἔγνω τὸ πλάσμα ἡμῶν (Пс. 102, 14) и т. п.

Рядомъ съ этими оборотами, принадлежащими къ языку церковному, поставимъ здѣсь τῆς ἀνομίας τὸ τέκνον, = «чадо беззаконія» (Армуръ здѣсь № 21, стихъ 171), какъ коритъ Армура сына его отецъ. Пѣвцы, я полагаю, заимствовали такія выраженія не книжнымъ путемъ, не ученіемъ, и даже не путемъ прямаго повторенія слышанныхъ въ церкви словъ, ибо въ такомъ случаѣ повтореніе было бы точнѣе. Надо допустить, что отъ частаго слышанія и употребленія словъ, оборотовъ и изреченій Св. Писанія, у нихъ разработывался особенный духовный слогъ, какъ въ русскихъ духовныхъ стихахъ.

Два слова объ отношеніи этой былины къ большой эпопеѣ. По малозубію Дигена (ἀναρκοδόντας) надо отнести нашу былину къ тому преданію, по которому Дигенъ умеръ старикомъ, сравни № 6. По другому преданію — онъ умеръ молодымъ: смотри Критскую пѣсню № 9 и поэму. — Повѣствованіе о своемъ подвигѣ въ разбираемой былинѣ Дигенъ дѣлаетъ паликарамъ по ихъ желанію; въ поэмѣ же исповѣдь своей боевой жизни онъ дѣлаетъ своей женѣ, изъ любви къ которой совершены, по его увѣренію, всѣ его подвиги [85]).

---

85) См. эту исповѣдь во сто стиховъ въ эпопеѣ О Дигенѣ Акритѣ по Андрскому списку, изданному Миліаракіемъ, стихи 4421—4521; по списку же Трапезундскому, изданному Саѳою и Леграномъ, тутъ большой пропускъ, такъ что изъ исповѣди сохранилось всего 15 первыхъ стиховъ — 3167—3183.

9. [86]) ДИГЕНЪ И ЕГО МАТЬ.

(Содержаніе: Единоборство Дигена съ Харономъ).

Третьяго Ноября и двадцать третьяго Апрѣля всегда устраивается празднество въ честь Святаго Георгія. А дѣвица, что готовила празднество и Святому служила, не ѣла, не пила, не веселилась. Заколола триста овецъ и пятьсотъ козъ, девять селъ созвала, тысячи паликаровъ: «Кушайте, пейте ребята, да поберегайтесь, какъ бы не пришелъ за нами Харонъ, забрать насъ: взять мужчинъ, что носятъ сабли, и мóлодцевъ, что носятъ ножи. Какъ промолвила эти слова, выступилъ Харонъ: «У кого, говоритъ, руки желѣзныя, ноги стальныя, чтобъ идти со мной бороться на желѣзномъ току?» — Никто ему ничего не сказалъ; не сказалъ, что пойдетъ; а Дигенъ, сынъ вдовы, вышелъ на этотъ вызовъ. «Это *у меня* руки желѣзныя, ноги стальныя, идемъ бороться на желѣзномъ току». И пошли и боролися отъ утра и до вечера. А мать Дигена бокъ о бокъ съ нимъ стоитъ; держитъ трехъ сортовъ вино, трехъ сортовъ ядъ; коли побѣдитъ Дигенъ, поднесетъ ему вина, а коли нѣтъ, сама не медля выпьетъ ядъ. Оба въ плотную боролись, въ рукопашь оба; и полъ и круги(?) на току трещали. Долго боролись, ни одинъ изъ нихъ не побѣждалъ, а Харону охота пришла побѣдить — обманомъ. Подъ ножку Дигену онъ далъ, на земь повалилъ, а бѣдная мать выпила ядъ [87]).

---

86) Эта пѣсня, подъ заглавіемъ Ὁ Διγενῆς καὶ ἡ μάναν του, помѣщена между Критскими пѣснями, изданными Антономъ Яннаракіемъ — Ἄσματα Κρητικὰ, № 276. — Первый стихъ: Πάντα ’ς τσὴ τρεῖς τοῦ Νεομπριοῦ κ’ εἰς τσ’ εἰκοστρεῖς τ’ Ἀπρίλη... Всего 27 стиховъ. О сборникѣ Яннаракія см. прим. 23.

87) Въ текстѣ: Κι’ ὁ Χάροντας μὲ μπαμπεσιὰ βουλήθη νὰ νικήσῃ | Βάνει πόδα τοῦ Διγενῆ καὶ κάτω τονε βάνει. — Первое слово μπαμπεσιὰ объяснено Г. Яннаракіемъ въ его словарикѣ, при-

Объясненія на № 9.

Здѣсь большая смѣсь стародавняго и новаго. Весьма древнимъ представляется появленіе Харона по слову дѣвицы. Не кроется ли тутъ повѣрье о тождествѣ или по крайней мѣрѣ о близкомъ сродствѣ слова и дѣла? Ср. стр. 28—29. Но здѣсь это повѣрье въ томъ видѣ, какъ оно проявляется въ дѣвицѣ, ослаблено: еслибъ она держалась его крѣпко, какъ люди болѣе ранняго времени, она не помянула бы Харона. Борьба витязя съ Харономъ есть повѣріе тоже очень давнее: но вызовъ, дѣлаемый Ха-

---

ложенномъ къ Сборнику пѣсень, «μπαμπεσιά ὁ δόλος, die List 37, 16 etc.» и «μπαμπέσης (it. babbuasso), δόλιος, listig». Сравни Ποῦ πᾶς μβρὲ Σιάμη βρωμερὲ, Ποῦ πᾶς μωρὲ παμπάσα; Ποῦ σκότωσες τὸν μπάρμπα μου, κι' αὐτὴν τὴν ἀνεψιά μου Ζαμπελ. Ἀσμ. ст. 641, № 67. — Отсюда Passow, Pop. Carm. № 130, который измѣняетъ παμπάσα въ παμπέσα, а въ своемъ Index'ѣ пишетъ: «Παμπέσα alb. παbέσσε t. be' ss (v. μπέσα) perfidus 130, 26 fortasse legendum μπαμπάσο p. e. it. babbuasso homo rusticus». Мы остановились на пониманіи, что въ нашей пѣснѣ μπαμπεσιὰ знач. «обманъ, измѣна», а въ Замбеліевой παμπάσα (скорѣе μπαμπέσα) «измѣнникъ». Такъ объясняютъ и Пассовъ и Яннаракій; этого требуетъ въ обоихъ мѣстахъ смыслъ. Это подтверждается еще и тѣмъ, что у Яннаракія цѣлая пьеса озаглавлена Ἡ μπαμπεσιὰ (№ 244); сюжетъ же пьесы: измѣна другу въ слѣдствіе зависти. И такъ не кстати подвернулся въ объясненіе у обоихъ babbuaso, означающее по итал. «безобразный, болванъ, дурень» (ср. babbuino). — Здѣсь: Βάνει πόδα τοῦ Διγενῆ дословно: положилъ ногу Дигену = «далъ ему подъ ножку» подтверждаетъ намъ и вѣрность объясненія слова μπαμπεσιά. И Бориска былъ «на посокъ востеръ»; и другимъ его единоплеменникамъ приписана борьба κατὰ πόδρεζαν. Видно эта μπαμπεσιὰ была когда-то въ модѣ. Политъ приводитъ древніе стихи Антифана, въ которыхъ сказано, что τοὺς γλιχομένους δὲ ζῆν κατασπᾷ τοῦ σκέλους | ἄκοντας ὁ Χάρων εἰς τὸ πορθμεῖον τ' ἄγει, . . : это очень удачное сближеніе съ новогреческими пѣснями. Замѣтимъ однако, что тутъ насиліе, а не обманъ. (Πολίτου, Μελέτη, 245, ссылка на Στοβ., Ἀνθ. ΡΚΑ'. 4).

ромомъ молодцу моложе, чѣмъ дѣлаемый молодцемъ Харону. Ср. объясненіе къ № 5. По болѣе новому воззрѣнію эпическихъ пѣвцовъ Харонъ и самъ сталъ почти богатыремъ; онъ до того очеловѣчился, что сталъ способенъ на обманъ. Ср. предъидущую былину № 8 и объясненіе на нее (стр. 38). Смерть Дигена, приключившаяся ему не среди боя или охоты, а у веселаго застолья, указываетъ тоже на измѣнившіяся воззрѣнія: сравни №№ 5, 6 и 7 и наши объясненія.

Многое въ этой пѣснѣ подновлено: все событіе, принадлежащее собственно къ міру богатырскому, вставлено въ Христіанскую обстановку: тутъ дѣвица, служащая Св. Георгію побѣдоносцу, устроиваетъ празднество ему въ честь. Она сама, устроительница пиршества, на которое пригласила тысячи храбрецовъ, она сама не только держитъ строгой постъ, но и пригорюнилась, полная опасеній и предчувствій, что вотъ-вотъ Харонъ застигнетъ кого нибудь изъ нихъ посреди общаго раздолья. Почему пѣвцу народному нужно, чтобы народный витязь, кончилъ жизнь въ день Святаго воина, это для меня не понятно. Не навело ли на это народную фантазію старинное эпическое преданіе, что Дигенъ умеръ во вторникъ? Вѣдь вторникъ въ греческомъ языкѣ носитъ названіе третьяго дня = τρίτη; то есть третьяго дня въ недѣлѣ: по этому не перенесла ли народная фантазія, любительница таинственности чиселъ, *третій день недѣли*, на *третій день Ноября* и на *двадцать третій день Апрѣля?*

Въ этой былинѣ понадобилась и мать Дигену съ намѣреніемъ внушить слушателю побольше состраданія къ нему. Она во всемъ мірѣ видитъ только его одного: съ его смертью она сама себя отравляетъ; такимъ способомъ достигается вдвойнѣ трагическій конецъ: смерть и сына и матери. Самоубійство матери, дѣяніе не согласное ни со строемъ эпическимъ, ни съ бытомъ Грековъ Христіанскаго періода, есть пристройка фантастическая. Но слагатель былины не безъ обдуманности вводитъ условіе вдовства матери. Сынъ вдовы, лишенный руководства отцовскаго, самонадѣяннѣе и нахальнѣе прочихъ лицъ былины. Мать его только

при условіи вдовства и могла наложить на себя руку; при мужѣ она бы этого не смѣла сдѣлать. Такимъ образомъ создатель пѣсни, желающій сильно поразить фантазію слушателей, не теряетъ изъ вида и требованія нѣкоторой правдоподобности [88]).

---

10. [89])

(Содержаніе: Единоборство Дигена съ Харономъ).

Во вторникъ родился Дигенъ, во вторникъ онъ и умретъ. Шлетъ-пошлетъ за друзьями своими, за всѣми богатырями, чтобъ пришолъ Мина, Мавраили и самъ сынъ Драка. Пошли и нашли его въ полѣ распростертымъ. Онъ воетъ — горы дрожатъ; онъ воетъ — поля дрожатъ. — «Что надъ тобою стряслося, Дигенъ, что собираешься умереть?» — Восемьдесять лѣтъ я прожилъ въ здѣшнемъ мірѣ, никого изъ богатырей не боялся; а теперь увидалъ я одного босаго, свѣтлоодѣтаго: у него волосы

---

88) Не упустимъ изъ вида, что Девгеній русской редакціи — по своей матери былъ внукомъ вдовы, чѣмъ онъ между прочимъ отличается отъ Дигена греческой поэмы (судя по спискамъ Трапезундскому и Андрскому и по передѣлкѣ поэмы о Дигенѣ Игнатія). Передѣлка Игнатія Петрици впервые издана Спиридономъ Павловичемъ Ламбромъ въ Collection de romans grecs en langue vulgaire et en vers, publiés pour la première fois d'après les manuscrits de Leyde et d'Oxford, par Spyridion P. Lambros... Paris, 1880, стр. 111—237.

89) Эта былина впервые издана на греческомъ языкѣ съ русскимъ стихотворнымъ переводомъ въ сборникѣ, имѣющемъ заглавіе: «*Амарантосъ или розы возрожденной Эллады.* Произведенія народной поэзіи нынѣшнихъ Эллиновъ, собранныя, переведенныя и изданныя съ подлинникомъ, предисловіемъ, филологическими и историческими замѣчаніями, Георгіемъ Евлампіосомъ. Удостоено Демидовской преміи. СПБ. 1843». (Стр. XXXII, 136). Георгій Ивановичъ Евлампій былъ тогда гуверне-

солнца, глаза молоньи; зоветъ меня побороться на мраморномъ току: «кто изъ обоихъ побѣдитъ, тотъ возьметъ душу другаго». Ходили и боролися на мраморномъ току. Гдѣ ударитъ Дигенъ, тамъ кровь по руслу течетъ; гдѣ ударитъ Харонъ, тамъ кровь во рву течетъ.....

Объясненія къ № 10.

Разсказъ о единоборствѣ обрывается; былина остается безъ конца, какъ это видно изъ смысла. Евлампій былъ правъ, когда въ концѣ поставилъ точки. Дѣло должно, разумѣется, окончиться побѣдой Харона. Вызовъ здѣсь дѣлаетъ Харонъ. Обманъ Харона заключается въ самомъ уговорѣ, имъ предлагаемомъ. Такой пересказъ «съ обманомъ» по моему мнѣнію представляетъ нѣкоторое отступленіе отъ самодревнѣйшихъ преданій, въ которыхъ Харонъ еще не могъ очеловѣкообразиться до обмана. Начало этой былины, первые 6 стиховъ, почти тожественны съ соотвѣтствующими имъ стихами былины № 6.

Георгій Ивановичь Евлампій прилагаетъ къ этой былинѣ слѣдующее примѣчаніе [90]).

ромъ въ бывшемъ Педагогическомъ Институтѣ. Заглавіе приводимой нами былины по Евлампію (26): Μονομαχια του ηρωα Διγενη με το Χαρο. Первый стихъ: Τριτ' ἐγεννήθ' ὁ Διγενής, τριτη θὲ νὰ παιθάνῃ. На сколько намъ извѣстно, эта былина, изданная въ Петербургѣ, есть первая изданная средневѣковая греческая богатырская былина — изо всѣхъ гдѣ-либо изданныхъ. Изъ сборника Евлампія перепечаталъ ее Пассовъ подъ № 430 въ своихъ Popularia carm., какъ онъ самъ говоритъ. Приведена въ переводѣ Евлампія съ нѣкоторыми пропусками И. Ждановымъ въ изслѣд.: *Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи.* Кіевъ. 1881. См. ст. 79—80. Мы здѣсь предлагаемъ свой переводъ. Вообще объ изданныхъ имъ пѣсняхъ Г. Евлампій говоритъ, что онѣ имъ «собраны со словъ народа», но въ какихъ частяхъ Греціи — не упоминаетъ.

90) См. въ вышеуказанномъ сборникѣ «Амарантосъ» стр. 28—29.

«Эту пѣснь я почитаю древнѣе всѣхъ, доселѣ изданныхъ ново-эллинскихъ народныхъ пѣсней. Встрѣчаемыя въ ней имена Минасъ, Маврайлисъ и сынъ Дракоса, или исполина, носятъ на себѣ печать старины, и, можетъ быть принадлежатъ довольно древнимъ героямъ, о которыхъ преданіе молчитъ, и самое имя Дигенисъ показываетъ древность этой пѣсни. Гомеръ часто жалуетъ своихъ героевъ прилагательнымъ διογενής; это имя по этимологіи своей значитъ родомъ отъ Зевеса. Замѣчательно очень, что оно осталось въ устахъ только нѣжныхъ матерей — Гречанокъ, когда онѣ осыпаютъ ласками сына, котораго очень любятъ: μάτια μου, φῶς μου, Διγενῆ μου говорятъ; т. е. глаза мои, свѣтикъ мой, Дигенисъ ты мой! Выраженіе χαϊδεύει τό(ν) Διγενῆ της значитъ: она ласкаетъ своего Дигена, т. е. своего сына, которымъ она такъ много дорожитъ».

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что и до Г. Евлампія Форіелемъ были изданы нѣкоторыя пѣсни обрядовыя, нѣкоторые миріологи, и нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ Греками «вымышленныхъ» (πλαςά) [91]), которыхъ нельзя считать менѣе древними, чѣмъ любая древняя богатырская. О словѣ Διγενής скажемъ ниже. Очень любопытно свѣдѣніе о томъ, что матери-Гречанки вплетаютъ имя Дигена въ ласки, расточаемыя ими своимъ мальчуганамъ. Этому свѣдѣнію не имѣемъ права не довѣрять: жаль только что Г. Евлампій не прибавилъ, гдѣ онъ это слышалъ. Авторъ нѣсколько поспѣшилъ ограничить употребленіе имени «Дигенисъ», приписавъ его однѣмъ нѣжнымъ матерямъ: но тогда

---

91) Смотри о τραγούδια πλαστὰ Фирмениха Τραγούδια Ῥωμαϊκά, Berlin, 1840, стр. 54—55, Nikolai, Geschichte der Neugr. Litteratur, 1876, стр. 221. — Я полагаю, что греческій народъ, называя нынѣ цѣлый разрядъ пѣсенъ «вымышленными» πλαστά, становится на свою нынѣшнюю точку зрѣнія; Греки же того времени, когда эти пѣсни слагались не могли называть ихъ πλαστά, потому что вѣрили въ ихъ былевую дѣйствительность: для нихъ онѣ *былины*, *были*, а не выдумка, не сказки (не παραμύθια).

въ ученомъ мірѣ еще не были извѣстны ни Понтскія преданія, съ которыми значительно позже познакомили публику Ксанѳопулъ, Тріандафилидъ и Іоаннидъ, ни Кипрскія, сообщенныя Сакелларіемъ.

---

11. [92])

(Содержаніе: Смерть жены Дигена).

Дигенъ лежитъ въ агоніи на ложѣ желѣзномъ; кругомъ врачи съ бумагами въ рукахъ. Подымаетъ онъ голову, зоветъ свою красавицу (свою жену). «Сядь возлѣ меня, милая, сядь возлѣ меня, дѣвица. Прожилъ я на этомъ свѣтѣ тридцать три года: теперь явился ангелъ — взять мою душу».... Сжимаетъ обѣ руки ея, цѣлуетъ ее тысячу разъ, и сжавъ крѣпко на крѣпко въ своихъ объятьяхъ, — онъ ее задушаетъ.

Объясненія по № 11.

Здѣсь за душою Дигена явился не Харонъ, а ангелъ. При немъ не богатыри, подносящіе ему снадобья для его облегченія, какъ въ былинѣ № 5, а врачи и жена его, какъ въ поэмѣ. Эта пѣсня, какъ мы уже сказали въ прим. 92, сообщена Леграну Фацеемъ. Легранъ въ своемъ Recueil (ст. 197) и авторъ Введенія въ поэму (Les exploits de Dig., Introd. LXIII) сопостав-

---

92) Помѣщены греческій текстъ и французскій переводъ въ Recueil Леграна № 90, стр. 196, подъ заглавіемъ: Θάνατος τῆς γυναικὸς τοῦ Διγενῆ (= Mort de la femme de Digénis). Она сообщена была Леграну умершимъ учителемъ математики и физики въ Навплійской гимназіи Фацеемъ (Φατσέας), какъ сказано въ Introduction къ Les exploits de Digénis... стр. LXIII, гдѣ таже пѣсня перепечатана въ одномъ франц. переводѣ; но тутъ дано ей заглавіе: Mort d'Eudocie. Это сдѣлано опять въ угоду поэмѣ, гдѣ жена Дигена носитъ имя Евдокіи. Начало пѣсни: Ψυχομαχεῖ ὁ Διγενὴς ςτὸ σιδερὸ κρεββάτι.

ляютъ содержаніе этой пѣсни съ однимъ преданіемъ, записаннымъ Г. Тріандафилидомъ. Вотъ слова Тріандафилида объ этомъ Понтскомъ преданіи: «И пѣсни и преданія воспѣваютъ одного безстрашнаго героя, по имени Акрита (Ἀκρίταν ὀνομαζόμενον), обладавшаго чудеснымъ мужествомъ. По этимъ пѣснямъ Акрита (ὁ Ἀκρίτας), построивъ башню и похитивъ красивую дѣвушку, замкнулся въ башнѣ; онъ обходилъ поднебесную, повсюду нанося ужасъ, и умеръ отъ моровой язвы; а для того, чтобъ его любовница не досталась въ руки его враговъ, онъ притворился, что желаетъ обнять ее и дать ей послѣдній поцѣлуй, а самъ ее задушилъ въ своихъ объятьяхъ». (Ссылка въ обоихъ только что приведенныхъ сочиненіяхъ на Предисловіе Тріандафилида къ его Οἱ φυγάδες стр. 49). Эта пѣсня, по замѣчанію Г. Саѳы, сильно исколѣчена (très-mutilée, Introd. LXIII). Объясненія этому замѣчанію своему, вполнѣ справедливому, онъ однако не даетъ. Мы полагаемъ, что читатели въ этомъ убѣдятся по прочтеніи нашего сличенія №№ 12-го и 13-го (см. въ концѣ на стр. 59). Она отличается отъ свѣдѣнія Тріандафилида тѣмъ, что въ ней за душою Дигена явился ангелъ [93]), а въ свѣдѣніи Тріандафилида, т. е. въ другомъ преданіи, онъ умираетъ отъ моровой язвы. Сходство — въ задушеніи жены. Этою весьма древнею грубо-эпическою чертою пѣсня сообщенная Фацеемъ и свѣдѣніе Тріандафилида отличаются отъ поэмы о Дигенѣ, гдѣ жена, видя агонію мужа, молитъ Бога, чтобы не пережить его и сподобляется умереть немного прежде него [94]). Образованный авторъ средневѣковой поэмы отступилъ отъ народнаго преданія и представилъ читателямъ образецъ любящей жены.

---

93) См. всю главу Полита: ἄγγελοι ψυχοπομποί, стр. 302—325, гдѣ примѣшано впрочемъ много неподходящаго (Πολίτου μελέτη).

94) По Андрскому списку поэмы о Дигенѣ, изданному Милліаракіемъ; также, по видимому, и по Грота-Ферратскому, S. P. Lambros, Collection de romans grecs, Paris, 1880, стр. XCVII. — По списку же Трапезундскому поэмы соотвѣтствующее мѣсто не сохранилось.

А. 12. [95]) УМИРАЮЩІЙ АКРИТА.

(Содержаніе: Единоборство Акриты съ Харономъ).

Акрита строилъ крѣпость, Акрита разводилъ садъ, на равнинѣ, въ полѣ, въ удобномъ мѣстѣ. Сколько есть на свѣтѣ растеній, всѣ туда сноситъ, тамъ сажаетъ; сколько есть на свѣтѣ виноградныхъ лозъ, всѣ туда относитъ, тамъ насаждаетъ; сколько есть на свѣтѣ водъ, всѣ туда приводитъ, тамъ проводитъ; сколько есть на свѣтѣ птицъ, всѣхъ туда сгоняетъ, и тамъ гнѣздятся онѣ. Завсегда онѣ пѣли-говорили: «Во вѣки пусть будетъ жить Акрита!» А въ одно утро ранехонько, въ одно воскресеніе, онѣ запѣли-заговорили: «Завтра умретъ Акрита!» [96]) — «Слушай, слушай, мой Акрита, мой лихой храбрецъ, послушай, что говорятъ птицы, послушай, что онѣ поютъ!» — «Это малыя пичуги, не умѣютъ онѣ пѣть: принеси мнѣ стрѣлу мою, что стрѣляетъ(?) на шестьдесятъ пять, и самую малую, что стрѣляетъ(?) на пятьдесятъ пять [97]); пойду поохочусь въ мѣстахъ,

---

95) Греческій текстъ и французскій переводъ см. у Леграна въ его Recueil № 89, стр. 194. Этотъ текстъ, по его словамъ, перепечатанъ имъ изъ Тріандафилида, Ὁι Φυγάδες 49—50. Заглавіе ея по Леграну: Ὁ Ἀκρίτας ψυχομαχῶν. — Начало:

Ἀκρίτας κάστρον ἔκτιζεν κὴ Ἀκρίτας περιβόλιν.

96) Ср. бесѣду Косты съ птичками, возвѣщающими ему близкую смерть, Χασιότου Συλλογὴ τῶν κατὰ τ. Ἤπειρον δημοτικῶν ᾀσμάτων, Ἀθ. 1866, стр. 139. (Ср. Ζαμπ. 652, 68 = Passow XVI B., Περραιβοῦ, Ἱστορία τ. Σουλ. I, 32 = Passow XVII, гдѣ сходная бесѣда).

97) Въ текстѣ Леграна: φέρο (читай: φέρε) με τὴν σαΐττα μυ, ντὸ σύρ' ἑξῆντα πέντε, καὶ τ' ὅλον τὸ μικρότερον, ντὸ σύρ' πενῆντα πέντε. Очень темно. Ср. въ слѣд. пѣснѣ (у насъ № 13 и прим. 99) изъ которой видно, что надо подразумѣвать локти или какую либо другую мѣру. Въ самомъ значеніи σύρω мы не увѣрены. — Относительно τ' ὅλον ср. съ 'ς τ' ὅλα въ нашемъ Ксанѳинѣ стихъ 4 и нашъ комментарій. Иначе понимаетъ Легранъ, переводя: Qu'on m'apporte mon arc, j'en tirerai soixante cinq fois ou tout au moins, j'en tirerai cinquante cinq.

гдѣ много дичины: найду дичину — не умру, не найду — умру». Охотится, охотится, нигдѣ дичины не находитъ. Ему Харонъ повстрѣчался на самомъ перекресткѣ. — «Харонъ! что это у тебя со мною, куда ни пойду, все ты за мной; сяду я, и ты со мною сядишь; хожу я, и ты за мною послѣдуешь; лягу я спать, ты становишься моей подушкой. Выдь, Харонъ, поборемся на мѣдномъ току. Коли ты побѣдишь, Харонъ, возьми мою душу! а коли я буду побѣдителемъ, пускай я на міръ еще порадуюсь!» Боролись, боролись, и Харонъ побѣжденъ не былъ.

«Взойди, люба, постели мнѣ смертное ложе; положи цвѣтовъ на мѣсто простыни и раздушонныя мускусомъ подушки; да выдь, погляди, люба моя, что говорятъ сосѣди?» — (Отвѣтъ жены) «Одинъ возьметъ твою храбрость — мужество; а старичишка, гнилой-то, толкуетъ, что возьметъ твою любу».

Б. 13. [98])

(Содержаніе: Единоборство Акриты съ Харономъ).

«Слышишь, слышишь, мой Акрита, что говорятъ птички? Завсегда онѣ пѣли-говорили: долго проживетъ Акрита, а теперь поютъ-говорятъ: умретъ Акрита!» Слышитъ это Акрита усмѣхается-говоритъ: «Это малыя пичуги, глупыя, не умѣютъ онѣ пѣть; оставьте ихъ, глупенькихъ: пускай себѣ поютъ и веселятся.

---

98) Греческій текстъ въ Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος и т. д. ὑπὸ Σαβ. Ἰωαννίδου... Κωνστ. 1870. На стр. 282, № 14. Безъ заголовка. Начало пѣсни: Ἀκοῦς, ἀκοῦς, Ἀκρίτα μου, ντὸ λέγνε τὰ πουλόπα; Сборникъ Понтскихъ пѣсенъ, басенъ, пословицъ, загадокъ, приложенный къ концу книги, составленъ былъ Іоаннидомъ самимъ (συνέλεξα говоритъ онъ на стр. 273).

А принесите мнѣ мою стрѣлу, что стрѣляетъ(?) на триста локтей[99]); приведите моихъ охотничьихъ псовъ, привязанныхъ на цѣпь; я пойду на охоту въ дичинныя мѣста. Коли не найдется птицы, чтобы мнѣ поохотиться, такъ и въ самомъ дѣлѣ умру». Акрита ѣдетъ на охоту въ дичинныя мѣста, и нéчѣмъ ему поохотиться, нигдѣ не находитъ ни одной птицы. Тогда съ печали вернулся, откуда пришелъ. «Куда идешь, куда идешь, Харонъ, чему такъ обрадовался?» — «Я къ тебѣ прихожу, оттого я такъ веселъ».— «Меня зовутъ Акритой, непобѣдимымъ Акритой!» — «Смотри, смотри, Акрита мой, не слишкомъ-то хвастай! Кто послалъ меня къ тебѣ, тотъ больше твоего богатырь. Ну-ка выходи: поборемся на мѣдномъ току. Коли выйдетъ, что ты побѣдишь, возьми мою душу и уходи; коли я буду побѣдителемъ, возьму твоего воронаго». Выступили, поборолись, и побѣдилъ Харонъ. «Возьми, Харонъ, серебра, возьми золота, сколько хочешь; коли угодно, и коня моего, такого и у царя нѣтъ; возьми и стрѣлу мою, чтò длиною въ триста локтей; возьми и охотничьихъ псовъ, возьми, коли желаешь» .... — Кто меня послалъ къ тебѣ, этого не упомянулъ; онъ сказалъ мнѣ только: возьми его душу и приходи». — «Горе мнѣ, несчастному, мнѣ ли помирать! Пусть радуются высокіе хребты и вершины горныя! .... Взойди, моя люба, постели мнѣ ложе смертное! Положи фіалки у головы моей и цвѣты съ плоскогорья!» Вышла красавица, разостлала фіалки и другіе цвѣты!

Объясненія къ №№ 12 и 13.

Къ стародавнимъ чертамъ обѣихъ этихъ былинъ принадлежатъ слѣдующія: вызовъ на единоборство сдѣланъ богатыремъ, а не Харономъ; вѣщія птицы; примѣта, что удача предвѣщаетъ жизнь, а неудача смерть; мѣдный токъ; громадная стрѣла.

---

99) Въ подл. у Іоаннида: Καὶ φέρτε μ' τὴν σαΐτα μου ντὸ σύρ' τρακόσα πήχαις. Ср. прим. 97.

Въ первомъ пересказѣ къ такимъ же чертамъ принадлежитъ перекрестокъ, на которомъ происходитъ роковая встрѣча; прислушиванье къ слухамъ, то есть тотъ обычай, который въ Греціи уцѣлѣлъ отъ древнихъ Еллиновъ — κληδονισμός [100]). Во второмъ пересказѣ притязаніе витязя на Харонова воронаго и предложеніе откупить свою жизнь свидѣтельствуютъ о болѣе поздней разъигравшейся фантазіи. Во второмъ же пересказѣ чувствуется вліяніе Христіанства въ двухъ разрозненныхъ выраженіяхъ: первое: «кто послалъ меня къ тебѣ, тотъ больше твоего богатырь»; второе: «кто меня послалъ къ тебѣ, этого не упомянулъ, онъ сказалъ мнѣ только: возьми его душу и приходи». Это послѣднее приказаніе слѣдуетъ сравнить съ тѣмъ укоромъ, который полученъ Харономъ въ № 8, стр. 36: «не послалъ я тебя Харонъ, борьбу устроивать, а посылалъ я тебя, Харонъ, отнимать для меня души».

Разведеніе сада Акритою находится только въ пересказѣ сообщенномъ Тріандафилидомъ, у насъ № 12; упоминаніе о разведеніи Акритою сада находится и въ поэмѣ, что уже было сопоставлено Г. Саѳою. Несуществованіе такого извѣстія въ текстѣ Іоаннидовскомъ (у насъ № 13) можетъ быть объяснено

---

100) О μαντική ἀπὸ κληδόνων см. Pausanias, 9, 11, при упоминаніи о жертвенникѣ Аполлона Спондія. См. подъ словомъ κληδών въ словарѣ др. греч. Скарлата Византія, и подъ κλήδωνας въ его же Λεξικὸν τῆς καθ' ἡμᾶς Ἑλληνικῆς διαλέκτου; въ указателѣ Пассова къ Pop. Carm. подъ κλήδωνας; въ Kretas Volkslieder Яннаракія въ Указателѣ подъ κλήδονας. Двѣ пѣсни о клидонѣ: одна у Сакелларія въ Κυπριακά III, № 22, другая у Яннаракія въ Κρητ. № 309. — Зонара̀ въ толкованіи на правила Трульскаго собора пишетъ: «Κληδὼν λέγεται τὸ διά τινων σημείων ζητεῖν γνῶναι, εἰ μέλλοι τις εὐπραγῆσαι, ἢ δυσπραγῆσαι, οἷα καὶ νῦν ποιοῦσί τινες, θέλοντες τὴν τύχην τὴν ἰδίαν καταμαθεῖν. См. въ Συνταγμα των θειων... κανόνων ὑπο Ραλλη και Ποτλη, Αθην. 1852. Томъ 2, 457, въ толкованіи на канонъ 65. — Подчеркнутыя слова принадлежатъ XI—XII в. когда жилъ Зонара̀.

забвеніемъ, по ошибкѣ памяти пѣвца: такъ какъ такое разведеніе сада и полей необходимо предполагается для округленія представленія о хозяйственномъ бытѣ героя.

Это о приступѣ, теперь объ окончаніи. По нашему крайнему разумѣнію — обѣ послѣднія былины остались безъ конца; въ обѣихъ жена по требованію героя только принимаетъ нѣкоторыя мѣры, чтобъ облегчить ему смерть: самой смерти нѣтъ. Мы полагаемъ, что въ № 13 должно бы слѣдовать то подслушиваніе разныхъ слуховъ, которое читаемъ въ № 12. Затѣмъ, для того, чтобъ не досталась она въ руки чужихъ, предсказанныхъ или подсказанныхъ слухами, герой душитъ жену, какъ въ № 11. И всѣмъ тремъ былинамъ недостаетъ конца, т. е. кончины самого героя.

Общія соображенія о былинахъ Дигеновскихъ. Ихъ вѣроятное отношеніе къ письменной поэмѣ о Дигенѣ.

Въ приведенныхъ былинахъ Дигеновскихъ (Акритскихъ) нѣтъ такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы въ точности опредѣлить время ихъ героя или время появленія самыхъ былинъ. Судя по содержанію былинъ, подвиги ихъ героя относятся къ періоду сношеній Грековъ съ Саракинами: вотъ что прямо бросается въ глаза. По этому, какъ этимъ подвигамъ, такъ и былинамъ о нихъ можно бы удѣлить время отъ VII до XI в. Но мы можемъ иногда еще поближе обозначать время разсказанныхъ въ этихъ былинахъ подвиговъ, относя ихъ къ болѣе поздней порѣ означеннаго періода времени: на это напр. указываетъ возможность брака, заключеннаго между лицами обоихъ борющихся племенъ; такой бракъ не могъ состояться въ началѣ столкновеній между упомянутыми племенами: ему тогда могъ бы

воспрепятствовать разгаръ политическихъ и религіозныхъ страстей [101]). Въ подтвержденіе нашего способа времяопредѣленія мы припомнимъ, что въ одной изъ этихъ былинъ упомянуты Фаранги и Узы [102]).

Но намъ могутъ замѣтить, что нѣкоторые ученые уже установили время дѣятельности Дигена — Акриты, опираясь на сохранившуюся средневѣковую письменную о немъ поэму и на исторію. Но тутъ встрѣчаются два препятствія: одно состоитъ въ неимѣніи доказательствъ на то, что герой поэмы есть опредѣленное историческое лицо; другое въ неимѣніи доказательствъ на то, что былины о Дигенѣ вполнѣ солидарны съ поэмой о немъ.

Г. Саѳѣ, заслуженному собирателю и издателю произведеній греческой средневѣковой письменности, наука обязана сопоставленіемъ наибольшаго числа былинъ этого цикла и указаніемъ на ихъ соотношеніе къ извѣстной эпопеѣ. Ему же всецѣло принадлежитъ и опытъ — возвести родословіе Василія Дигена Акриты, въ томъ видѣ, какъ мы находимъ это родословіе въ Трапезундскомъ изводѣ поэмы, къ историческому правдоподобію [103]). Мы не войдемъ въ разсмотрѣніе многихъ натяжекъ, имъ допущенныхъ, для отожествленія разныхъ эпическихъ предковъ героя съ предполагаемыми историческими его предками: это отвело бы насъ въ сторону. Довольно будетъ представить одно изъ главныхъ его предположеній, чтобъ показать, что онъ можетъ иногда смѣшивать факты историческіе съ розсказнями эпопеи. Г. Саѳа пишетъ: «La femme de l'émir Mousour, mère de Basile Digénis, était fille d'Andronic Ducas et soeur de Constantin. Nous avons vu comment elle était devenue l'épouse de

---

101) Такой взглядъ былъ нами высказанъ и болѣе подробно развитъ при обозначеніи эпохи событій, описанныхъ въ изданномъ нами «Армурѣ». Стр. III—VI.

102) Въ былинѣ № 3. См. стр. 20, 21.

103) Въ Introduction къ Les exploits de Digénis.

cet Arabe» [104]). Все это основано на эпопеѣ, а не на исторіи, какъ это самому автору очень хорошо извѣстно; но это не мѣшаетъ ему, въ слѣдъ за приведенною здѣсь выпискою продолжать: «mais ce que nous ne savons pas d'une manière positive, c'est l'époque à laquelle eût lieu l'enlèvement. Selon toutes probabilités, ce fut lors de la rebellion d'Andronic (908)».... [105]) и т. д. Изъ этой второй выписки видно, что авторъ считаетъ похищеніе, описанное въ эпопеѣ, за разсказъ *положительно* достовѣрный, хотя онъ этого и не доказалъ; ему не извѣстенъ *положительно* только тотъ годъ, когда произошло это похищеніе [106]).

Но этого не довольно; на слѣдующей страницѣ авторъ утверждаетъ «что герой эпопеи и многихъ народныхъ пѣсень Василій Дигенъ Акрита былъ упомянутъ писателями византійскаго періода» [107]). Разсмотримъ его доводы. Критикъ приводитъ два мѣста изъ стихотворца XII в. Ѳеодора Птохопродрома, гдѣ тотъ уподобляетъ императора Мануила, которому посвятилъ онъ свои стихотворенія, герою Акритѣ. Приведемъ оба мѣста въ переводѣ и въ подлинникѣ:

---

104) Les exploits de Digénis.... Par. 1875, въ Introduction. Стр. XCVIII.

105) Тамъ же.

106) Сравни справедливые упреки, дѣлаемые этому почтенному ученому Г. Спиридономъ Ламбромъ во Введеніи къ Collection de romans grecs... Par. 1880. Стр. XVIII—XIX. Г. Ламбръ приводитъ между прочимъ такую мысль достойнаго профессора Г. Конст. Папарригопула, что, принимая нѣкоторыя положенія Г. Саѳы, по вопросу объ историческомъ значеніи Акриты, пришлось бы допустить анахронизмы и историческія ошибки. Г. Ламбръ ссылается на статью Г. Папарригопула, помѣщенную въ Эонѣ 21 Августа 1875, которую называетъ «заслуживающею вниманія»: къ сожалѣнію мы не могли ее добыть.

107) Тамъ же стр. XCIX: «Nous allons maintenant aborder une des questions capitales de cette étude, celle de savoir si le héros de notre poëme et de tant de chansons populaires, Basile Digénis Akritas, a été mentionné par les écrivains de la période byzantine. A cela nous répondons affirmativement».

«Если же большая часть монаховъ будетъ часто подавать тебѣ совѣты, тебѣ христоподражателю, истинному свѣтилу, крѣпкому военачальнику, *новому Акриту*, Мануилу Комнину, порфирородному, башнѣ Востока, копью Запада, сиротъ и вдовъ отцу и покровителю».... [108]) Второй отрывокъ направленъ противъ игумновъ того монастыря, гдѣ жилъ поэтъ: «И нашолся бы тогда *какой нибудь другой Акритъ*, да подобралъ бы полы свои, да взялъ бы свою дубину, да взошолъ бы туда внутро, быстро, молодцомъ, да сокрушилъ бы ихъ, какъ исполинъ — мститель!».... [109]) Спрашиваемъ: при этихъ уподобленіяхъ имѣлъ ли въ виду Птохопродромъ лицо, котораго дѣятельность была описана въ византійскихъ временникахъ, или же народный типъ, сохраненный устнымъ и письменнымъ преданіемъ? Я думаю, что здѣсь рѣчь только о такомъ народномъ типѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы осмѣлился стихотворецъ, подносящій свои стихи царю, сравнить своего царя съ однимъ изъ генераловъ прежняго времени, хотя бы этотъ послѣдній и отличался необычайнымъ

---

108) Тамъ же стр. XCIX и C:

Εἰ δὲ πολλάκις συμβουλὴν τῶν μοναχῶν οἱ πλείους
ποιήσωσι καὶ δράμωσι πρὸς σὲ τὸν βασιλέα,
πρὸς σὲ τὸν χριστομίμητον, τὸν ἀληθῶς φωστῆρα,
τὸν πολεμάρχον τὸν στερρόν, ΤΟΝ ΝΕΟΝ ΤΟΝ ἈΚΡΙΤΗΝ,
τὸν Μανουὴλ τὸν Κομνηνόν, τὸν τῆς πορφύρας γόνον,
τὸν πύργον τῆς Ἀνατολῆς, τῆς Δύσεως τὸ δόρυ,
τὸν ὀρφανῶν καὶ τῶν χηρῶν πατέρα καὶ προστάτην...

Ссылка на 311 и 33 страницу Ἄτακτα Кораи (Томъ I).

109) Тамъ же стр. C:

Καὶ τίς Ἀκρίτης ἕτερος ἐκεῖ νὰ βρέθη τότε,
καὶ τὰς ποδέας του νἄμπηξεν, νὰ πῆρεν τὸ ραβδίν του,
καὶ μέσον νὰ κατέβηκεν εὐθύς, ὡς ἀγουρίτζης
καὶ νὰ τοὺς ἐσυνέτριψεν ὡς παλαμναῖος γίγας.

Ссылка на стр. 21 и 256 Ἄτακτα Кораи (Томъ I). Послѣднія слова ὡς παλαμναῖος γίγας по другому изводу читаются: ὡς παλαμναίους μίσους.

мужествомъ? Какой современникъ Юстиніана, напр., дерзнулъ бы уподобить его Стилихону, или современникъ Ираклія рѣшился бы назвать его вторымъ Велисаріемъ? Сравненіе царей съ подданными не могло быть допущено ни чиноначаліемъ, ни благоприличіемъ; напротивъ того такимъ нарушеніемъ не могло бы считаться сравненіе царей съ героями. Упомянутаго имъ Акрита Птохопродромъ вѣроятно понималъ какъ народный типъ героя, извѣстнаго и читающей публикѣ и самому царю. Нѣкоторые изъ современныхъ намъ греческихъ ученыхъ, какъ услыхали въ народѣ разсказы и пѣсни про Дигена (Акриту), стали его приравнивать Ираклу [110]); Евлампій, какъ мы показали, производилъ Διγενής отъ Διογενής [111]). Тѣмъ легче себѣ представить, что и Греческій ученый XII в., какимъ былъ Птохопродромъ, видѣлъ въ Акритѣ кого либо въ родѣ Иракла или Ахилла. Только такимъ предположеніемъ и могутъ быть объяснены употребленныя имъ сравненія императора Мануила съ Акритомъ. Мы однако не отрицаемъ той возможности, что когда либо будетъ доказано, что Акритъ (Акрита) былъ историческимъ лицомъ, сдѣлавшимся въ послѣдствіи излюбленнымъ типомъ народнымъ. Можетъ-быть со временемъ окажется, что онъ лицо не вымышленное: но до сихъ поръ оно въ исторіи не найдено [112]). А коли такъ, то и на-

---

110) Сакелларій въ словарѣ Ново-Кипрскихъ словъ пишетъ: «Διεν(ν)ής· Διγενής· οὗτος δ'εἶνε ὁ Κύπριος Ἡραχλῆς, εἰς ὃν ἀποδίδονται ἅπαντα τὰ ὑπὲρ ἄνθρωπον κατορθώματα (= Діенъ (Дигенъ). Это Кипрскій Иираклъ, которому приписываются всѣ сверхчеловѣческіе подвиги» (Σακελαρ. Κυπρ. III, 273). На это мѣсто Сакелларія прежде насъ уже указывали Гг. Саѳа и Ламбръ, первый въ Introduction къ Les exploits CXXXIII, а второй въ Collection de romans grecs.... Introduct. XVIII. — Объ Амаоунтской статуѣ, приписываемой народомъ Дигену, и о двухъ Кипрскихъ колоннахъ, именуемыхъ Дигеновыми палицами, см. Саѳа тамъ же.

111) Амарантосъ Евлампія стр. 28—29.

112) Отожествленіе полководца Панѳирія съ былиннымъ Порфиріемъ, а этого съ Акритою, сдѣланное Г. Саѳою, справедливо отвер-

прасно ученые люди станутъ приписывать ему то родословіе, которое ему приписываетъ поэма.

Однако жъ намъ могутъ замѣтить, что время, къ которому эпопея относитъ подвиги своего героя, опредѣлено довольно близко присутствіемъ въ ней Византійскихъ царей Романа и Никифора, слѣдовательно второю половиною X столѣтія [113]). Кромѣ этихъ царей, въ поэмѣ названо нѣсколько личностей, которыя принадлежатъ тому же вѣку, какъ все это показываетъ Г. Саѳа въ своемъ Введеніи. На это мы отвѣтимъ, что пока не доказано историческое отношеніе Василія Акриты Дигена ко всѣмъ означеннымъ лицамъ, до тѣхъ поръ и *его*, т. е. *этого героя*, нельзя относить къ одному вѣку съ ними. Что Трапезундско-Андрскій изводъ поэмы о Дигенѣ относитъ похожденія его къ означенному времени, развѣ это достаточное доказательство тому, что и онъ, если онъ лицо историческое, жилъ тоже во второй половинѣ X вѣка? Поэма имѣла возможность, а можетъ-быть и надобность привесть Дигена въ связь съ лицами историческими: она это и сдѣлала [114]).

Но кромѣ того, что время и личность Дигена поэмы не уяснены наукой, мы не имѣемъ доказательствъ о полной солидарности между былинами о Дигенѣ и поэмой о немъ. Есть, правда, въ поэмѣ какъ мы уже видѣли нѣсколько мѣстъ сходныхъ

гается Г. Ламбромъ. (Срав. Introduction къ Les exploits, CI, CVII, CXXVIII — и Introduction къ Collection de romans XIX).

113) Какъ дѣлаетъ Г. Іоаннидъ, тотъ ученый, который первый познакомилъ греческую публику и Европу съ существованіемъ и съ содержаніемъ поэмы о Дигенѣ въ Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος... ὑπὸ Σαβ. Ἰωαννίδου, Κωνστ. 1870. См. стр. 35—39. Іоаннидъ съ горяча называетъ эту поэму прямо Ἱστορικὸν, т. е. историческимъ сочиненіемъ, стр. 35.

114) См. Трапезундскаго списка стихъ 3107 = Андрскаго стихъ 4344. По моему мнѣнію оба эти списка представляютъ одинъ изводъ, хотя и принадлежатъ къ разнымъ временамъ. Отъ того я и позволяю себѣ терминъ Трапезундско-Андрскій изводъ.

по содержанію съ нѣкоторыми былинами о томъ же лицѣ; но по обнародованнымъ даннымъ нельзя вынести убѣжденія въ томъ, какой именно циклъ онѣ составляютъ; по этому, совпадаетъ ли ихъ циклъ съ цѣлымъ содержаніемъ поэмы, объ этомъ еще нельзя судить. По всей вѣроятности пѣсни о Дигенѣ начались раньше поэмы: къ этому ведетъ не только давно установившееся въ сравнительной словесности положеніе о образованіи поэмъ изъ эпическихъ пѣсень, но и нѣкоторыя указанія ближайшія. Въ самой поэмѣ о Дигенѣ упоминается фактъ, который, по нашему мнѣнію, очень убѣдителенъ: но пусть читатель судитъ объ этомъ фактѣ изъ подлинныхъ словъ поэмы. Говоря о тестѣ героя, Амирѣ, авторъ поэмы пишетъ:

«Онъ считался вторымъ Сампсономъ: вѣдь тотъ убилъ одного страшнаго льва, а этотъ истребилъ безчисленное множество львовъ. Умолкни же, человѣче; не сказывай басень объ Ахиллѣ, ни о Екторѣ: онѣ лживыя. Александръ Македонскій, сильный разумомъ, при содѣйствіи бога сталъ міродержавцемъ, *Амира же имѣлъ смѣлость и мужество: отъ родителей онъ ихъ получилъ, рожденіемъ ихъ имѣлъ.* Равно и старецъ Филопаппъ, и Киннамъ и чудесный Іоанникій, тѣ мужественные, вовсе не достойны сравненія съ нимъ. Вѣдь они похвалялись похвалою лживою, а Амира (подвигами) истинными и засвидѣтельствованными, ибо всѣ они были имъ совершены, и никто да не усомнится (въ томъ)!» [115]).

---

115) См. Трапезундскаго списка (изд. К. Саθою и Э. Леграномъ) стихи 793—806; Андрскаго (изд. Милліаракіемъ) стихи 1324—1337. Приведемъ эти стихи по Андрскому списку:

Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδὼν δυνατὸς ἐν φρονήσει,
Θεὸν γὰρ ἔχων συνεργὸν γέγονε κοσμοκράτωρ,
ὁ Ἀμηρὰς ἐκέκτητο τόλμην καὶ τὴν ἀνδρείαν·
ἐκ γονέων τὴν ἀπόκτησεν, ἐκ φύσεως τὴν εἶχε.

Въ Трап. спискѣ первые два стиха такіе же; 3-й же гласитъ: ἐκέκτητο δὲ φυσικὴν τόλμην τε καὶ ἀνδρείαν; 4-го вовсе нѣтъ. — По Андр.

Названные въ этомъ отрывкѣ Филопаппъ, Іоанникій и Киннамъ упомянуты въ этомъ мѣстѣ поэмы въ первый разъ. Превознося тестя своего героя за его подвиги выше этихъ трехъ лицъ, авторъ очевидно обличаетъ знакомство публики съ ними. Онъ правда спѣшитъ заявить, что молва о ихъ подвигахъ основывается на ихъ самохвальствѣ, но тѣмъ не менѣе заявленіемъ о нихъ онъ прямо свидѣтельствуетъ, что они лица всѣмъ извѣстныя. Этого мало: они названы на ряду съ Сампсономъ и Александромъ, которыхъ имена читателями его были затвержены съ ученической скамьи. Но и они принижены для вящшаго возвеличенія тестя героя, которому должны уступить всѣ и вся, — кромѣ, само собою разумѣется, самого-то этого героя, Дигена: онъ сейчасъ окажется несравненно сильнѣе, мудрѣе и мужественнѣе даже и такого пресловутаго своего тестя. Какъ же автору поэмы достигнуть желаннаго эфекта? въ дальнѣйшемъ ходѣ ея онъ изображаетъ Дигена побѣдителемъ и Филопаппа, и Киннама, и Іоанникія, т. е. тѣхъ троихъ ходячихъ, общеизвѣстныхъ героевъ. Это вторичное упоминаніе о нихъ, по видимому, не иное что, какъ литературный пріемъ, къ которому прибѣгаетъ авторъ поэмы для достиженія вышеупомянутаго эфекта. Но что сказать о первомъ упоминаніи о нихъ? при первомъ упоминаніи читатель изъ содержанія самой поэмы еще не знаетъ, ни того, что Іоанникій когда-то растерзалъ льва, ни того, что Филопаппъ былъ грознымъ атаманомъ апелатовъ (разбойниковъ). Эти послѣдніе подвиги разсказаны *въ серединѣ* 4-й книги поэмы, а унижены-то они почти *въ началѣ* той же 4-й книги. Затѣмъ окончательное пораженіе ихъ и другихъ могучихъ витязей Дигеномъ появляется въ книгѣ 7-й. И такъ, когда авторъ поэмы въ началѣ книги 4-й упоминаетъ такихъ богатырей, о которыхъ онъ читателямъ еще не разсказывалъ, то не остается ни малѣйшаго

есть противоположеніе между Александромъ и Амирой: первому помогалъ умъ и богъ; второй былъ родомъ, рожденіемъ мужественъ. Этого противоположенія въ Трап. не оказывается.

сомнѣнія въ томъ, что онъ признаетъ ихъ общеизвѣстность читателямъ. Откуда же могли знать о нихъ читатели? Отвѣчаемъ: скорѣе всего изъ народной молвы, которая разросталась въ устныхъ разсказахъ и въ пѣсняхъ [116]). Но развѣ эти лица не могли быть знакомы публикѣ изъ какой либо литературной поэмы, предшествовавшей этой, намъ извѣстной? Мы не отрицаемъ возможности существованія подобной эпопеи, болѣе ранней, нежели изданная: весьма естественно допустить, что извѣстной обширной поэмѣ (недавно изданной) предшествовали другія подобныя письменныя поэмы, уже по самой новости своего возникновенія, менѣе полныя, еще не разросшіяся. Предположимъ, что была такая поэма: кого могла бы она преимущественно воспѣвать? Я думаю — людей своего сословья, такихъ же, какъ и извѣстная, изданная поэма; а всѣмъ извѣстные разбойники никакъ не могли играть въ ней главныхъ ролей, точь-въ-точь, какъ и въ нашей поэмѣ. Остается допустить, что слава апелатовъ уже жила въ пѣсняхъ народныхъ и уживалась въ нихъ рядомъ со славой богатырей изъ знатнаго рода; и что стало быть слава ихъ доходила и до поэта образованной части общества посредствомъ тѣхъ же пѣсень народныхъ. И такъ пѣсни народныя, имѣвшія предметомъ славу удальцовъ, существовали раньше поэмы (поэмъ?); а такъ какъ ученый авторъ поэмы, писавшій для читателей своего круга, имѣвшій языкъ, слогъ, литературные пріемы

116) Г. Савва Іоаннидъ свидѣтельствуетъ, что «какъ объ Акритѣ, такъ и о Іоанникіи сохраняется много пѣсенъ въ здѣшнемъ краѣ» (т. е. въ Понтѣ): это свидѣтельство мѣстнаго преподавателя Трапезундскаго Фронтистирія чрезвычайно важно. Не изъ литературной поэмы, въ которой Іоанникій, какъ мы показали, является униженнымъ и которой народъ не могъ хорошо понимать, почерпнулъ онъ свои пѣсни, воспѣваемыя до сихъ поръ, а получилъ ихъ по преданію отъ праотцевъ своихъ, создавшихъ эти пѣсни прежде поэмы. (Ιστορια... Ιωαννίδου, 1870, см. стр. 39: «Ὡς δὲ τοῦ Ἀκρίτου οὕτω καὶ τοῦ Ἰωαννικίου ὑπάρχουσι πολλὰ τραγῴδια σωζόμενα εἰς τὴν χώραν ταύτην.»)

почти недоступные безграмотному народу, былъ свободенъ въ выборѣ между множествомъ народныхъ пѣсень и въ ихъ расположеніи, такъ какъ онъ сверхъ того обладалъ и другими матеріалами, то напрасно и ожидать полнаго совпаденія между пѣснями Дигеновскими и текстомъ поэмы.

Такое отступленіе считали мы нужнымъ для того, чтобы показать, что пріуроченіе поэмой разсказываемыхъ событій ко временамъ Романа и Никифора, къ которымъ близокъ и самъ авторъ поэмы, не достаточно для того, чтобъ доказать, что и народныя пѣсни о Дигенѣ возникли вскорѣ послѣ Романа и Никифора, т. е. вскорѣ послѣ конца X в.

Вышеизложенныя соображенія побуждаютъ насъ ограничиться, при опредѣленіи времени, какъ описываемыхъ въ пѣсняхъ событій, такъ и появленія самыхъ пѣсень, тѣмъ взглядомъ, который высказанъ нами въ началѣ этихъ общихъ соображеній.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

БЫЛИНЫ О СЫНѢ АНДРОНИКА.

Сюда отношу я, согласно съ Максомъ Бюдингеромъ, изданную Замбеліемъ былину Узнаніе и изданную Ксанѳопуломъ былину Эмиръ-Али.

А. 14. УЗНАНІЕ [117]) (= О СЫНѢ АНДРОНИКА).

Разоряютъ Сарацины, разоряютъ Аравитяне, разоряютъ Андроника, увозятъ его жонушку; тяжела по девятому мѣсяцу, на послѣднихъ порахъ. Въ тюрьмѣ его породила, въ оковахъ

117) Эта былина впервые была издана умершимъ въ 1881 году Греческимъ ученымъ Спиридономъ Замбеліемъ и помѣщена въ его интересной брюшюрѣ: Πόθεν ἡ κοινὴ λέξις τραγουδῶ; σκέψεις περὶ Ἑλλη-

νικης ποιησεως υπο Σπ. Ζαμπελιου. Αθηναι... 1859. На стр. 38—40. (= Откуда народное греческое слово τραγουδῶ (пою)? Разсужденія о греческой поэзіи Сп. Замбелія, Аѳины). У него въ заглавіи пьесы: η Αναγνωρισις, т. е. Узнаніе. Первый стихъ: Κουρσεύουν οἱ Σαραχηνοί, κουρσεύουν Ἀραβίδες. — Объ исторіи этого изданія пишетъ онъ слѣдующее: «(Эту народную пѣсню) списалъ изъ рукописей Импер. Парижской библіотеки вѣчно памятный первоиздатель Новогреческихъ пѣсень Форіель». (Ζαμπ. Πόθεν... стр. 37)... «Эта доселѣ неизданная (т. е. до 1859 г.) пьеса, произведеніе кажется X в., составляетъ часть втораго и до сихъ поръ неизданнаго Сборника Новогреческихъ пѣсень Форіеля, который полученъ былъ мною въ Парижѣ отъ Брюне-де-Преля». И дальше. «Этотъ знаменитый другъ мой (Брюне-де-Прель), снабженный надлежащимъ разрѣшеніемъ отъ вдовы покойнаго Форіеля, любезно позволилъ мнѣ списать означенную пьесу». (Тамъ же стр. 37 въ прим.) Текстъ «Узнанія», изданный Замбеліемъ, перепечатанъ М. Бюдингеромъ въ Mittelalterliches Volksepos. Ein Versuch von Max Büdinger. Leipz. 1866, съ приложеніемъ нѣм. перевода сдѣланнаго Ѳ. Киндомъ (см. въ концѣ брошуры и въ прим. 1, ст. 1). Потомъ текстъ Замбелія переизданъ Вагнеромъ въ Mediaval Greek texts... by Wilhelm Wagner. Part I. London, 1870. Г. Эмиль Легранъ издалъ туже былину по первоначальному тексту, то есть по копіи, находившейся въ рукахъ Брюне-де-Преля, подъ заглавіемъ Ο υιος του Ανδρονικου сперва въ своей Collection de Monuments pour servir à l'étude de la langue Neohellénique, № 12. 1871, а потомъ въ своемъ Récueil 1874, приложивъ франц. переводъ. (См. фр. перев. въ Exploits, стр. XLVII—VIII). Греческій текстъ его отличается отъ Замбеліева. Легранъ высказываетъ съ увѣренностью, что «Замбелій внесъ вставки, прибавки и перемѣны въ первоначальный текстъ»; что «Сынъ Андроника» не входитъ въ составъ третьяго тома народныхъ греческихъ пѣсень, предположенныхъ Форіелемъ къ изданію и т. д. (Recueil, стр. 182—183). Ни означенные доводы, ни нѣкоторые другіе для насъ не убѣдительны: по его собственному признанію ему неизвѣстно происхожденіе греческаго текста этой былины (См. Леграна тамъ же). — Переводъ, сдѣланный нами съ единственнаго тогда текста Замбеліевскаго, приложенъ былъ, по нашему желанію, къ Ильѣ Муромцу 1869, О. Ѳ. Миллеромъ (см. въ Приложеніи къ Ильѣ). Въ настоящее время, предполагая, что Замбелій и Легранъ списали текстъ съ разныхъ списковъ, я печатаю свой прежній переводъ (съ небольшими поправками) въ текстѣ; разночтенія же текста Леграновскаго

кормила. Мама-то прикармливаетъ мякоткой съ молокомъ; эмириха прикармливаетъ молокомъ съ медомъ. Мама-то говорила отселева [118]): «Охъ сынъ ты мой да Андрониковъ!» говорила эмириха оттолева [119]): «Охъ сынъ ты мой да эмира своего!» Къ году берется за саблю, къ двумъ годамъ за копье; три года минуло — держится молодцомъ. Какъ выйдетъ, какъ разговорится, никого не боится, ни Петра Фоку, ни Никифора, ни Петротрахила, отъ котораго дрогнетъ земля и міръ; а будь война праведная, то и Константина не побоится. Привели его воронаго; вспрыгнулъ и сѣлъ на него, угодилъ его бодцами, на верхъ горы въѣхалъ, и нашолъ Саракиновъ, — въ скачку скачутъ [120]). «Въ этакую скачку и бабы скачутъ, не то что порожнія, а и беременныя! вашихъ вороныхъ счетомъ девять, да мой одинъ, будетъ десять! ну свяжите, скрутите меня, тройною цѣпью; да зашейте мнѣ глаза [121]) тройною ниткой, да прицѣпите подъ мышки свинцу три кандара, закуйте [122]) мнѣ ноги въ двѣ желѣзныя кляпцы: поглядите, каково скачутъ паликары Ромеи!» — И связали его, скрутили тройною цѣпью; прицѣпили [123]) подъ мышки свинцу три кандара, заковали ноги въ двойныя желѣзныя кляпцы; а сдѣлавши это Саракины сказали ему: «Ну-ка ты, глупой-недоросточекъ, *только лишь отъ груди отнятъ: коли есть въ тебѣ такая прыть* [124]) ступай на волю!» [125]) Какъ тряхнулъ онъ ру-

---

привожу въ русскомъ переводѣ подъ страницей. Г. Политъ при помѣщеніи этой былины въ своемъ сочиненіи напечаталъ ее по тексту Г. Леграна (Μελετη επι του βιου των νεωτερων Ελληνων, В. 523—5).

118) Мама его говорила ему: L.

119) Мириха говорила ему: L.

120) З. *δικίμιν ἐπηδοῦσαν*. Л. *δικίμιν ἀπηδοῦσαν*.

121) Л. оченьки.

122) З. *κομβόστε*. Л. *καὶ βάρτε*.

123) З. *κομβόνουν*· Л. *καὶ βάρτουν*.

124) Курсивомъ напечатанныхъ словъ у Леграна нѣтъ.

125) Какъ пріоткрылъ свои оченьки, порвалъ нитку = *κρανοίγει τὰ ματάκια του, ἔκοψεν τὸ ῥαφίδιν*: этого у З. нѣтъ.

ками обѣими — надорвалась цѣпь; какъ тряхнулъ подъ мышками — свинецъ упалъ; какъ прыгнулъ онъ два раза — сорвалися и кляпцы [126]): а изъ девяти вороныхъ на своемъ очутился, бодцами угодилъ его, въ поле выѣхалъ [127]). «*Сынъ мой*, *молвила мать*, *сынъ мой*, *повторила* [128]); сынъ мой, коли ѣдешь ты къ государю-батюшкѣ своему, стань, я скажу тебѣ: Какъ у всѣхъ-то шатры алые, а у государя у батюшки твоего черный; не поклянутся тебѣ три раза, ни за что не спѣшивайся!» Какъ сказала ему, какъ посовѣтовала, такъ онъ и поступилъ [129]). *Боднулъ коня во второй разъ — спустился въ поле: видитъ* [130]) шатры алые, а у государя у батюшки — черный. *Туды глядь, сюды глядь* [131]), — не найдетъ дверей. Крѣпко ударилъ коня и очутился внутри. Андроникъ *отецъ его вышелъ*, *разгнѣванъ* [132]), слѣзть попросилъ, спрашивалъ, переспрашивалъ: «Ну-ка ребенокъ, недоросточекъ, откуда ты родомъ-племенемъ, откуда твои родители?» — «Коли не поклянешься три раза, не спѣшусь я». — Какъ вытащу я саблю, вотъ тебѣ и клятва моя». — «А вытащишь ты саблю свою, вѣдь и у меня своя есть». — «Возьму жъ я копье свое, *принужу спѣшиться*» [133]). — «Коли возьмешь ты копье свое, вѣдь и у меня свое есть». — «Саблею, которою я

---

126) Весь прыгнулъ и сбросилъ кляпцы = καὶ δι' ὄλ' ἐπῆδ', ἔκαμε κ' ἐβγήκασιν ἡ κλάπαις у Л.; а у З: «καὶ δυὸ πηδήματά καμε κ' ἐβγήκασιν ἡ κ.».

127) Л. мать его говорила ему изъ окна.

128) Что курсивомъ того у Л. нѣтъ.

129) Въ сынѣ Андр.: ст. 41 Καὶ σὰν τοῦ εἶπεν ἔκαμεν καὶ σὰν τοῦ παραγγέλλει. Сравни въ Дигенѣ Сакелл. № 4 (у насъ № 1) стихъ: ἔτσι' σὰν τοῦ 'πεν ἔκαμεν, ὡσὰν τοῦ παραγγέλλει. Общія мѣста.

130) У Л. курсивнаго нѣтъ.

131) З. Γυρέβ' ἐδῶ, γυρέβ' ἐκεῖ. Вм. этого у Л. καὶ τρεῖς γύρους ταῖς ἔδωκεν.

132) У Л. Андроникъ, видя его, выходитъ и кланяется ему (привѣтствуетъ его).

133) У Л. je t'en adjugerai bien, также какъ выше о саблѣ.

опоясываюсь, *десять разъ клянуся* [134]): пусть мнѣ въ сердце воткнется, коли тебя разобижу!» Повернулся на цыпочкахъ и спѣшился съ воронаго на землю. Тогда распросили его, откуда онъ родомъ-племенемъ, откуда родители. А онъ разсказалъ изначала, *онъ сынъ молъ Андроника*, *захваченный Аравитянами*, *родился въ тюрьмѣ*, *воспитанъ въ цѣпяхъ* [135]). Андроникъ видитъ его, обливается слезами, поднимаетъ *его на руки*, *славитъ небеса* [136]): «Славлю тебя, *Всеблагій*, *свящу имя твое: одинъ одинёшенекъ оставался я*, *нынче опять воздохнулъ*!» [137]) Скоро звалъ попа, молебенъ заказывалъ, раздавалъ подарковъ множество — воинству на поздравленіе; а съималъ онъ знамя чорное, алое подъималъ, уставлялъ шатеръ золотой, что забранъ изъ Крита.

Б. 15. ОБЪ ЭМИРѢ-АЛИ [138]).

Когда Турки разоряли городъ Романію [139]), они попирали церкви и забирали образа, они забрали и мою матушку, она была мною беременна. Пошла и родила меня на лѣстницѣ Эмира-Али.

---

134) Л. тамъ гдѣ у насъ курсивъ: «которая ходитъ впередъ и взадъ» (о саблѣ).

135) На мѣсто курсивомъ напечатаннаго у Л. читаемъ въ текстѣ: Разоряютъ Саракины, разоряютъ и проч., и въ примѣч. по-гречески: «до словъ: пока не поклянутся тебѣ три раза, ни за что не спѣшивайся».

136) У Л. подъимаетъ свои рученьки и Бога славитъ.

137) У Л. «Je te glorifie, Dieu de douceur, une seconde et une troisième fois; j'etais l'epervier solitaire, maintenant nous voici deux.» (На этомъ у Л. кончается).

138) Эта пѣсня издана въ Ξανθοπουλου Φιλολογικος συνεκδημος 1849. 404. Δ'. — Отсюда перепечатано у Passow, Pop. Carm. 1860. подъ № CCCCLXXXII, съ заглавіемъ Ο Εμιρ Αλης (Τραπεζους). Сближена была съ предъидущею, какъ мы уже сказали, Максомъ Бюдингеромъ въ его Mitt. Volksep. 1866 (См. прим. наше 117). Начало: Οἱ Τοῦρκ' ὅταν ἐχούρσευαν τὴν πόλ' τὴν Ῥωμανίαν.

139) Бюдингеръ объясняетъ, что это Константинополь. Такъ ли это?

Въ цѣпяхъ почувствовала муки, въ тюрьмѣ родила меня. Эмиръ-Али прикармливалъ медомъ и молокомъ, и бараниной. На виду-то она трепетала, а втайнѣ наставляетъ: «Сынъ мой, коли поживешь да выростешь да отправишься въ Романію, у тебя отецъ [140]) Андроникъ, — деверь Ксанѳинъ [141]). 10
Назадъ, назадъ, Ксанѳинъ, назадъ, душа моя и очи мои: тебя никто не убилъ, тебя держутъ и ведутъ (идутъ?). Христе, молю тебя, и тебя, владычица Всесвятая, откуда-то низвелъ ты девять тысячь». — Слова своего не докончила [142]), воинство спускается: пришли и ударили саблями, разламывались сабли, дерутся кулаками, убилъ Ксаноинъ, кровь до горла, убилъ и плѣннымъ 19
(взялъ?) . . . . . .

Объясненія къ двумъ предъидущимъ былинамъ.

Изъ извѣстныхъ намъ Греческихъ богатырскихъ былинъ, которымъ темой служитъ какой нибудь эпизодъ изъ борьбы Грековъ съ Саракинами, ни одна не носитъ такого смягченнаго характера, какъ «Узнаніе» (= Сынъ Андроника). Жена эмира, полонившаго жену Андроника, питаетъ материнскія чувства къ младенцу, сыну своей иноплеменной и иновѣрной плѣнницы. Мать младенца, когда онъ подросъ и выѣхалъ на подвигъ, научила его такой клятвѣ, посредствомъ которой между отцомъ и сыномъ могло произойти взаимное узнаніе, предупредившее

---

140) Ἔχεις κύριν Ἀνδρόνικον Бюдингеръ переводитъ: Du hast (als?) Herrn Andronikos.

141) Не внося слово καλάδελφος въ текстъ своего перевода, Бюдингеръ пишетъ въ примѣчаніи: «Καλάδελφον «Schwager» der redenden Person?» Можетъ быть: оттого мы и перевели «деверь».

142) τὸν λόγον ἀπ' σ' κ' ἐπλέρωσε не можетъ значить: «Kaum hatte er die Rede vollendet», какъ переводитъ Бюдингеръ, ибо 1) ἀπ 'ς = αὐτῆς, а 2) κ' или κὶ = οὐκ, ὄχι.

возможность между ними кроваваго столкновенія. Пѣснь завершается трогательными выраженіями ихъ взаимной любви. Главный предметъ этой былины — исканіе сыномъ отца. Все остальное, какъ ни интересно, служитъ лишь обстановкой. Попадается нѣсколько общихъ мѣстъ, какъ-то: необыкновенное рожденіе ребенка, достиженіе ребенкомъ роста и силы богатырской, похвальба героя своею неустрашимостію, истязанія, которымъ онъ подвергается (ср. пересказы о Порфирѣ ниже). Мы увидимъ (тамъ же), что заковываніе въ первыхъ двухъ пересказахъ о Порфирѣ болѣе умѣстно, чѣмъ въ Узнаніи. Слагателю былины «Узнаніе» по ея сюжету нужно было собственно показать превосходство впервые пытающаго свои силы Греческаго витязя надъ Саракинами, у которыхъ онъ въ плѣну: какъ нельзя лучше послужилъ этому его прыжокъ черезъ цѣлый рядъ коней. Замѣтимъ мимоходомъ, что такая скачка существовала и въ дѣйствительномъ бытѣ средневѣковыхъ Грековъ: такъ Левъ Діаконъ разсказываетъ о своемъ современникѣ Іоаннѣ Цимискомъ: Λέγεται δέ, ὡς κέλητας ἵππους τέτταρας στοιχηδὸν ἱστάς, ἐκ τοῦ θατέρου μέρους καθαλλόμενος ἐπὶ τὸν πύματον ὥς τις πτηνὸς ἐφίζανε»[143]). Но богатырю былины этого мало: онъ хочетъ показать, что можетъ совершить такой скачокъ съ зашитыми глазами, обремененный гирями, со скованными руками и ногами; это своего рода похвальба: вѣдь молодецъ ужъ вышелъ изъ темницы, находится уже на волѣ и могъ бы ускакать отъ своихъ враговъ и безъ ихъ разрѣшенія и, разумѣется, не подвергаясь никакимъ истязаніямъ. Въ Порфирѣ какъ увидимъ истязаніямъ подвергается герой не самъ: они ему дѣлаются врагами и какъ наказаніе, и чтобъ узникъ не ушелъ. Изъ сравненія разныхъ мотивовъ, господствующихъ въ былинахъ о Порфирѣ и въ Узнаніи,

143) Leonis Diaconi Historia, ed. Hase, Paris. 1819. Lib. VI, cap. 3. p. 59. «Говорятъ, что онъ, поставивъ рядомъ четырехъ скаковыхъ лошадей, подпрыгнувъ съ одной стороны, садился на послѣднюю изъ нихъ, точно птица».

мы убѣждаемся, что въ первыхъ муки прямо вытекаютъ изъ всей темы, въ послѣдней онѣ навязаны витязю самимъ собою, или точнѣе навязаны ему былинщикомъ, который въ этомъ эпизодѣ объ истязаніяхъ явился подражателемъ: эпизодъ этотъ въ Узнаніи имѣетъ форму обновленную; мы имѣемъ здѣсь общее мѣсто, повторенное изъ другаго положенія вещей и являющееся здѣсь лишь для усиленія эфекта.

Профессоръ О. Ѳ. Миллеръ въ своей монографіи объ Ильѣ Муромцѣ, при разсмотрѣніи разныхъ пересказовъ преданія о боѣ отца съ сыномъ, первый указалъ въ былинѣ «Узнаніе» на византійскій изводъ упомянутаго преданія [144]). Такое же смягченіе этого преданія, состоящее въ томъ, что между отцомъ и сыномъ не происходитъ боя, находитъ О. Ѳ. Миллеръ въ одномъ изъ пересказовъ былины о Саулѣ Леванидовичѣ и именно въ изданномъ Киршою Даниловымъ. «Плѣнъ у Сарацынъ, исканіе сыномъ отца, слезы послѣдняго, вотъ и все, что между ними (т. е. между этими двумя былинами, греческою и русскою) находится общаго», заключаетъ русскій ученый. Я вполнѣ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ.

Другіе ученые искали въ «Узнаніи» (= Сынѣ Андроника) историческихъ лицъ. «Въ ней упомянуты, по мнѣнію Замбелія, два героя X вѣка, императоръ Никифоръ Фока и дядя его Петръ» [145]). Почему Никифора былиннаго должно принимать за Никифора Фоку исторіи, а Петра Фоку пѣсни за Петра, дядю Никифора, критикъ не разъясняетъ.

Максъ Бюдингеръ въ своей диссертаціи о средневѣковомъ Греческомъ эпосѣ, послѣ цѣлаго ряда сопоставленій, сдѣланныхъ имъ для отъисканія Андроника нашей былины, останавливается на мысли, что этотъ Андроникъ не есть Андроникъ Комнинъ (2-й половины XII в.). Но историческій образъ Андроника, какъ безбожнаго тирана, думаетъ онъ, могъ исчезнуть для его вну-

---

144) Илья Муромецъ, О. Ѳ. Миллера стр. 41.

145) Πόθεν ἡ κοινὴ λέξις τραγουδῶ, Ζαμπελίου, стр. 37.

ковъ, у которыхъ остались въ воспоминаніи однѣ его хорошія семейныя черты. Эти внуки со временемъ стали владѣтелями Трапезунда, гдѣ когда-то Андроникъ бралъ въ добычу людей изъ зáмка Сельджуковъ, гдѣ онъ прожилъ до своего воцаренія въ Константинополѣ [146]). Одинъ изъ этихъ внуковъ Андроника Алексій достигъ въ 1204 г. Трапезунда при помощи Ивирскихъ войскъ по старанію Ѳамари (Тамары), своей тетки по отцѣ, и т. д. [147]). Но спрашиваемъ: что общаго между основаніемъ новой имперіи и кормленіемъ младенца двумя женщинами, матерью, родившею его въ плѣну, и женою того эмира, который взялъ ее въ плѣнъ? Тѣмъ не менѣе Бюдингеръ увѣренъ, что этимъ его предположеніемъ самая объемистая часть пѣсни объяснена. Что касается до тѣхъ лицъ, которыхъ въ пѣснѣ не страшится сынъ Андроника, этотъ ученый относитъ ихъ къ одноименнымъ историческимъ лицамъ, участвовавшимъ въ возвращеніи Крита и въ побѣдѣ надъ Русью (то есть ко 2-й половинѣ X в.). Такія важныя событія оставались долго въ памяти людей и сохранились въ пѣснѣ; и новый матеріалъ выросталъ въ авантюрьерской жизни предка великихъ Комниновъ, Андроника, столь достопочтенной въ глазахъ Трапезундцевъ [148]). Словомъ, критикъ видитъ въ упоминаніи объ Андроникѣ, жившемъ во второй половинѣ XII в., наслоеніе, налегшее на старый слой X вѣка; пѣсня же явилась уже въ XIII в. вѣроятно въ области Трапезундской. Но если критикъ самъ допускаетъ, что въ пѣснѣ красуются лица трехъ разныхъ вѣковъ, то почему онъ этихъ четырехъ героевъ ищетъ непремѣнно во второй половинѣ X в. и только въ ней? Опытъ Бюдингера нельзя признать за удавшійся: между тѣмъ его взглядъ недавно былъ воспроизведенъ Рудольфомъ Николаи и имъ

---

146) Büdinger, Mittelalterliches Volksepos стр. 13—14 (См. здѣсь въ прим. 117).

147) Id. ст. 15, гдѣ ссылка на Михаила Панарета, помѣщеннаго въ Eustathii Opuscula, ed. Tafel —, Franc. 1832, ст. 362 и сл.

148) Büdinger, ib. стр. 18—24.

безъ всякихъ оговорокъ внесенъ въ курсъ Новогреческой литературы, какъ бы вполнѣ дознанный и признанный наукой [149]).

Гг. Саѳа и Легранъ отожествляютъ личность сына Андроникова съ личностью Дигена изданной ими поэмы и народныхъ пѣсень. Саѳа по поводу поступленія Дигена поэмы на службу Филопаппа пишетъ: «Кандидатъ въ апелаты, о которомъ идетъ рѣчь, былъ прославленный Василій Дигенъ, сынъ эмира Эдесскаго и дочери воеводы Андроника Дуки, который, *ко году берется за саблю, къ двумъ годамъ за копье, три года минуло — держится молодцомъ.... Никого онъ не боится, ни Петра Фоки и т. д.»* [150]). Читатель замѣтилъ, съ какою быстротою произошло превращеніе одного лица въ другое: доказательствъ не понадобилось. А между тѣмъ не подчеркнутыя нами слова выписки взяты Саѳою изъ поэмы о Дигенѣ, а нами подчеркнутыя взяты имъ изъ былины Узнаніе (= Сынъ Андроника). Точно также не нужно доводовъ и Леграну, объединившему въ одинъ циклъ подъ названіемъ Cycle de Digénis Akritas четыре народныя пѣсни, между которыми красуется и Le fils d'Andronic [151]). Василій Дигенъ поэмы, имѣвшій отцомъ, по преданію, эмира Эдесскаго, именемъ Али, а матерью одну изъ дочерей стратарха Андроника Дуки, по мнѣнію Леграна, «*и есть тотъ Андроникъ, о которомъ говорится въ нашей пѣснѣ; народный поэтъ, ее составившій, ошибается, называя его отцомъ Акриты, потому что онъ въ дѣйствительности былъ лишь его дѣдомъ по матери*» [152]). Неужели это доказательно? Но, чтобы не повто-

149) Rudolf Nikolai, Geschichte der Neugriechischen Literatur. Leipz. 1876, стр. 218—219.

150) Bibliotheca Graeca Medii Aevi, ed. C. Sathas, T. II, pp. μς'—ζ'. Тоже утверждается и столько же бездоказательно въ Introduct. къ Les exploits... стр. XLVII: «Voici d'abord une chanson relative à la naissance de Basile (т. е. Василія Дигена Акриты) et de sa première jeunesse», и слѣдуетъ французскій переводъ: Le fils d'Andronic.

151) Легранъ въ Recueil p. 182—197, 1874.

152) Ibid. 182—183.

ряться, мы просимъ читателя помнить то что нами высказано выше. (См. Общія соображенія о былинахъ Дигеновскихъ стр. 60—64). Политъ соглашается съ вышеприведеннымъ взглядомъ Саѳы и Леграна (Μελετη επι του βιου 527).

На взаимное отношеніе пѣсни Узнаніе (= Сынъ Андроника) и пѣсни объ Эмирѣ-Али первый указалъ Максъ Бюдингеръ. О. Ѳ. Миллеръ замѣтилъ о второй, что въ ней есть пропуски и нѣтъ конца, и что встрѣча съ отцомъ передается съ такою неясностью, что не будь у насъ полной пѣсни, трудно было бы и понять въ чемъ тутъ дѣло. Спросимъ отъ себя: есть ли тутъ встрѣча съ отцомъ? пока текстъ въ такомъ искаженномъ видѣ, нельзя этого утверждать. Мнѣніе Полита смотри въ концѣ нашего объясненія къ № 22.

На основаніи уже высказанныхъ нами взглядовъ мы не можемъ сочувствовать нижеслѣдующимъ замѣчаніямъ Рудольфа Николаи: «Im trapezuntischen Gedicht «von Emir Ali» begegnet ein Zug der Andronikossage, die M. Büdinger in der von Spyr. Zampelios aus einer Pariser Handschrift mitgetheilten «Wiedererkennung» nachgewiesen hat. Weil der älteste Bestandtheil dieses mittelgriechischen Volksgesangs auf Thatsachen der Eroberung Kretas durch Kaiser Nikephoros Phokas (961) zurückweist (?) und mit der spätern, von Trapezunt ausgegangenen Andronikossage (?), so wie mit jüngern Nachbildungen der ältern Sage von einem späten Abkömmling des Kaiserlichen Abenteuerers verbunden erscheint (?), so wird ein Masstab zur Prüfung (?) der schichtenweisen Bildung, der Zusammenfügung und des Alters mancher beliebten Volkspoesie gewonnen» [153]).

Мы вставили въ эту выписку изъ Рудольфа Николаи четыре вопросительные знака въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ воспроизводитъ, какъ положительные выводы, неудачныя и недоказанныя догадки Бюдингера.

---

153) Rudolf Nicolai, Gesch. d. neugr. Liter., 218—219.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

БЫЛИНЫ О ПОРФИРѢ.

Подъ этимъ названіемъ я объединяю четыре былины, имѣющія одинъ и тотъ же сюжетъ, передаваемый ими болѣе или менѣе сохранно. Двѣ изъ нихъ именуютъ героя Порфиромъ, третья — Просфиромъ, а четвертая Лиссаромъ. Доводы наши приведены въ Объясненіи къ этимъ былинамъ.

А. 16. [154]) О ПОРФИРѢ.

(Трапезундская: по сообщенію Іоаннида).

Вотъ словно та мать, что родитъ въ тридцать лѣтъ одинъ разъ, и дается ей сынъ тройной Еллинъ и невѣстка молочная. Никто сына не рожалъ, никто сына не производилъ на свѣтъ: монахиня родила въ (селѣ) Порфирѣ. «Его какъ наречь, его какъ назвать?» — «Его Порфиромъ нареките, Порфиромъ назовите». Однодневкомъ онъ былъ — сухарь съѣлъ; двудневкомъ сталъ, съѣлъ цѣлый коровай; пятидневкомъ сталъ, съѣлъ все, что въ печи испечено; тридцати дней онъ былъ — какъ вышелъ и похвасталъ: «Я дѣвицу полюбилъ, а она царева». — «Смотри, Порфиръ, смотри! ты больно не хвастай. У царя-то соколики есть,

---

154) Помѣщена по-гречески, по говору Трапезундскому, Іоаннидомъ въ его Ιστορια και στατιστικη Τραπεζ., 1870, стр. 288—90, № 22 (безъ заглавія, какъ всѣ пѣсни, изданныя въ этомъ сочиненіи). Отсюда перепечатана съ малыми перемѣнами, съ приложеніемъ французскаго перевода, въ Introduction къ Les exploits, Саѳою и Леграномъ — на стр. CII—CVI. Начало: Νὰ σὰν τὴν μάνναν ποῦ γεννᾶ τὰ τράντα χρόνια μία. О сборникѣ Іоаннида см. въ прим. 98.

пошлетъ за тобой погоню». — «Ни Варны не боюся я, ни Никифора, ни Варитрахила, чья сабля сѣчетъ впередъ и взадъ!» Узналъ про это царь, многая лѣта ему: «Откуда этотъ Порфиръ, что̀ меня не боится? Пойду на него войной, походомъ пойду на него». Вооружилъ воеводъ и все свое воинство. Подымается [155]) воевода, идетъ въ походъ: въ серединѣ военачальникъ, по бокамъ воинство. Пока заигрываетъ, пока плачетъ, тихошенько поетъ: «Боже мой, найти бы намъ Порфира спящимъ, и была бы при немъ сабля его въ ножнахъ, и былъ бы конь его въ полѣ, чтобы можно мнѣ вязать его, перевязывать, вдвойнѣ заковывать, связать бы ему глаза девяти родовъ шелками, а послѣ того, пускай проснется отъ сладкаго сна». Вотъ подшутилъ надъ нимъ діаволъ, и найденъ онъ спящимъ: вяжутъ его, перевязываютъ, вдвойнѣ заковываютъ, завязываютъ ему глаза девяти родовъ шелками. Просыпается Порфиръ отъ сладкаго сна: «Молю тебя, военачальниче, Богомъ заклинаю: по всѣмъ крѣпостямъ вози меня скованнымъ и заплаканнымъ, а по Константинополю — раскованнымъ и радостнымъ: тамъ я дѣвицу люблю, увидитъ, осмѣетъ». И по всѣмъ-то крѣпостямъ повезли его, и слезы у него не текли; а въ Константинополѣ потекли у него слезы. Слезы его, что текли, шолкъ загноили. Какъ возговоритъ царевна со высокихъ палатъ: «Не говорила ль я тебѣ, право, сударь Порфиръ, больно ты не хвастай; у царя-то есть соколики, пошлетъ за тобой погоню: а ты насмѣялся и царю и самому военачальнику. Ну-ка встряхни ногами, пускай встряхнутся повязки; ну-ка встряхни и плечами, пускай встряхнется одежа; шевельни-ка ты руками, пускай цѣпи порвутся». Какъ встряхнетъ ногами, встряхнулись повязки; какъ встряхнетъ плечами, встряхнулась одежа; какъ шевельнетъ руками, цѣпи порвалися. Изъ обломковъ цѣпей взялъ онъ въ руку одинъ: тысячу съ переди убилъ, десять тысячъ сзади. Девять коробовъ нагрузилъ ушами да носами, да еще другіе

---

155) Ἀγπάσκεται. Этого слова мы не понимаемъ, а перевели его съ французскаго: Se lève.

девять — руками да головами; и послалъ все это царю въ подарокъ великій: «Здоровье и поклонъ царю: вооружили на меня воинство. *Безъ сабли, безъ копья, я ихъ перебилъ* [156]). А теперь опоясался я саблей, вышелъ на войну. Коли есть у тебя войско — снаряди его и отправь на войну». Онъ вытащилъ свою сабельку, и пошелъ на войну.... взялъ онъ и дѣвицу.........

Б. 17. [157]) О ПОРФИРѢ.

(Трапезундская: по сообщенію Ксанѳопула).

Монахиня родила сына на порфирѣ-травѣ: ну такъ и его нареките Порфиромъ, и его назовите Порфиромъ. Однодневкомъ онъ сталъ и съѣлъ коровай; двудневкомъ сталъ, ѣлъ барана, баранину ѣлъ; пятидневкомъ сталъ, и вышелъ и похвасталъ. Онъ (ужъ) полюбилъ двадцать замужнихъ и осьмнадцать вдовъ; полюбилъ и одну попадью, и отсѣкли ему руку [158]). Царь далъ приказъ, многая лѣта ему: «Кто пойдетъ, приведетъ мнѣ Порфира со связанными назади руками?» Никто, никто не заговорилъ,

156) Слова напечатанныя курсивомъ въ греческомъ текстѣ читаются такъ: θίχα σπαθίν, θίχα κοντάρ, ἐγ' ἀτουνοὺς ἐντῶκα. Намъ кажется нашъ переводъ вѣрнымъ; во французскомъ же находимъ (CVI): «mais j'avais mon épée, j'avais ma lance, j'en ai frappé ses soldats». Вяжется ли этотъ послѣдній переводъ съ контекстомъ?

157) Греческій текстъ (по Трапезунд. говору) помѣщенъ въ Ξανθοπούλου, Φιλολογικὸς Συνέκδημος 402 и сл. Отсюда перепечатана у Passow, Popul. Carm. № 486, откуда мы его и перевели. На эту былину, какъ на варіантъ предъидущей, первый указалъ К. Саѳа въ Introd. CII, note 2. Начало пѣсни:

Καλλόγρια γιὸν ἐγέννεσεν κε ἀπάνω στὸ πορφῦριν.

158) Въ текстѣ: Ἀγάπα κ' ἴναν παπαδιὰν κ' ἐκόψαν τὸ χερῆλν' ἀτ (Pass. 486, 7). Сравни этотъ стихъ съ подобными ему: μιὰ κορασιὰν ἐφίλησα, μ' ἐκόψανε τὸ χέρι въ Pass. 602, а также тамъ же 603, 604: три пѣсни подъ названіемъ ὁ κολοχέρης.

никто таки не отозвался. Одинъ малецъ Саракинъ говоритъ, отзывъ подаетъ: «Я ѣмъ чистый хлѣбъ, пью сладкое винцо, цѣлую твою дочку на новыхъ подушкахъ: пойду, приведу Порфира со связанными назади руками». Бога молилъ онъ, Богородицу подательницу, отъискать бы ему Порфира послѣ бани спящимъ; чтобъ при первомъ закованіи, ему бы во снѣ и не почувствовать, чтобъ (только) при вторичномъ закованіи, ему бы проснуться — встать .... — «По всѣмъ крѣпостямъ возите меня скованнымъ и заплаканнымъ, а по Константинополю — раскованнымъ и радостнымъ». Видитъ его дѣвица и учитъ его: «Встряхни, Порфиръ, ты плечиками, и пусть встряхнется одежа; дерни руками, и пусть порвутся цѣпи». Встряхнулъ онъ плечиками и встряхнулася одежа; дернулъ руками и порвалися цѣпи. И взялъ онъ свою красавицу и ушелъ въ горы.

В. 18.[159]) О ПРОСФИРѢ.

(Критская: по сообщенію Яннаракія).

Одна монахиня мучится родами годъ и пять мѣсяцевъ, чтобъ родить Просфира, мужа войны. Въ первый день опоясался саблей, на другой — за копье, на другой ищетъ хлѣба поѣсть, на другой похвастался, что ни одного мужчины не боится, ни Яни отчаяннаго, ни Никифора, ни перваго Просфира, отъ котораго дрожали земля и міръ. А царь, какъ это заслышалъ, очень стало ему досадно. Шлетъ войско, идетъ, пошелъ путемъ-дорогой. Первымъ встрѣтился ему Просфиръ: «Ей ты, пастухъ горный,

---

159) Помѣщена по-гречески, по Критскому говору въ Ασματα Κρητικα.... von Anton Jeannaraki. Leipzig, 1876. См. № 122. — Яннаракій не указываетъ на связь этой пѣсни Критской съ двумя предъидущими Трапезундскими. — О сборникѣ Яннаракія см. наше прим. 23. — Начало пѣсни: Μιὰν καλογρηὰ κοιλιοπονᾷ χρόνό καὶ πέντε μήνες. Заглавіе: Ὁ Προσφύρης.

покажи-ка намъ Просфира»! — «Выгоньте въ гору моихъ козъ, такъ покажу вамъ его». — Выгоняютъ его козъ, ни зачтò не выгнать; а самъ-то, пращей какъ свиснетъ, всѣхъ собралъ. — «Это я, пастухъ горный, это я Просфиръ, это я похвалился, чтò ни одного мужчины не боюся, ни Яни отчаяннаго, ни Никифора, ни перваго Просфира, отъ котораго дрожали земля и міръ». Хватаютъ его, связываютъ ему назади руки, окружаютъ его, зашиваютъ ему оченьки трехъ сортовъ шелками, руки и ноги сковываютъ осьми сортовъ цѣпями. — «По всему свѣту водите меня, а потомъ къ сестрѣ моей, сестрѣ моей по имени Калѝ, туда поведите меня послѣ». А они на зло ему, туда и повели его перво на перво. — «Не говорила ль тебѣ, братецъ, слишкомъ не хвалися; вѣдь есть и другіе господа, и другіе паликары. Напряги ты свои оченьки, чтобы лопнулъ шелкъ; вытяни руки, ноги, чтобъ порвалися цѣпи; да возьми свою сабельку святоконстантиновскую: пускай увидятъ, Франки собаки, каковы бываютъ паликары!» Шевельнулъ глазами и разорвалъ шелкъ, напрягъ руки, ноги, порвалъ цѣпи. При входѣ тысячу перебилъ, при выходѣ двѣ тысячи, и пока поворачивался — нѣкого и рубить. А сестрица его Калѝ глядитъ себѣ въ сласть.

Г. 19. О ЛИССАРѢ [160]).

(Имврская: по сообщенію Манасида).

Одна вдова обеременѣла и родила Лиссара. Еще нѣту ему и двухъ мѣсяцевъ, какъ съѣдалъ сухарь; еще нѣту трехъ мѣсяцевъ, бобы грызетъ; и сталъ онъ и похвастался, что ни Харона

---

160) Помѣщена по-гречески въ Ο εν Κωνσταντινουπολει Ελληνικος Φιλολογικος Συλλογος, Τόμος Η′ (8-ой), стр. 538. Заглавіе: Ὁ Λυσσάρης. Записана Г. Манасидомъ на островѣ Имврѣ. — Мы перевели съ этого текста. Издатели не дѣлаютъ сближенія съ тремя предъидущими. Начало: Μιὰ χήρα ἀγγαστρώνεται καὶ κάμει τὸν λυσσάρη.

не боится, ни ветхаго ружьишка, царскаго воинства. А царю-то, какъ онъ это заслышалъ, очень стало досадно. Шлетъ тысячу арматоловъ, тысячу вооруженныхъ. А сынъ вдовы, какъ услышалъ о томъ, вышелъ въ поле. И пошли, и нашли его — спитъ себѣ въ тѣни. «Здорово, братецъ нашъ!» — «Здравствуйте, паликары!» — «Не видалъ ли ты сына вдовы, удалаго паликара, что̀ сталъ и похвасталъ, что онъ Харона не боится, ни ветхаго ружьишка, царскаго воинства?» — «Коли желаешь имѣть его для добра, объявлю тебѣ о немъ, а коли для зла, еще буду его скрывать». — «И для добра, и для зла, для всего желаю его имѣть».— «Это я — сынъ вдовы, тотъ удалый паликаръ!» И схватили его, и сковали тройными цѣпями, зашили ему глаза тройнымъ шелкомъ; кладутъ на верхъ спины мельничный жерновъ. А тотъ— просилъ ихъ, сталъ и молвилъ: «Всюду водите меня, всюду кружите, но мимо Бунаръ-киза и Бунаръ-пазара, туда не водите меня — расплачется бѣдняжка мама. А тѣ провели его мимо окошка. Увидала его мать и заплакала, заплакала его дорогая. — «Не говорила ль я тебѣ, сиди смирно, поступай, какъ молодцу пристало; а ты расхвастался и видишь, чего натерпѣлся?!» — «Молчи, матушка, не плачь, не причитывай: выйдемъ изъ села, чтобъ этого мѣста не осмердить»...... Поигралъ глазами — и порвался шелкъ, поигралъ руками и порвалися цѣпи, поигралъ плечами — жерновъ палъ.... Покамѣсть осмотрѣлся, и не нашолъ, и не оставилъ (т. е. никого въ живыхъ), а только цыгана хромца оставилъ для вѣсточки: — «Ну-ка скажи царю, чтобъ высылалъ другое воинство!»

Объясненія къ четыремъ предъидущимъ былинамъ.

Онѣ произошли всѣ четыре, по видимому, изъ одной намъ неизвѣстной, къ которой ближе другихъ вѣроятно подходитъ пересказъ Іоаннидовскій (№ 16). Близокъ къ Іоаннидовскому пересказъ Ксанѳопульскій (№ 17). Далеко отъ нихъ отстаетъ

Просфиръ, изданный Яннаракіемъ, и еще дальше Лиссаръ, сообщенный Манасидомъ. Но всѣ четыре имѣютъ, какъ уже нами замѣчено, одинъ и тотъ же сюжетъ, переданный болѣе или менѣе сохранно[161]), во всѣхъ одно и тоже главное лицо, необыкновенное его рожденіе и виновность его передъ царемъ.

Въ полнѣйшемъ изъ этихъ пересказовъ, Іоаннидовскомъ, есть нѣкоторыя черты, не вошедшія во второй, краткій, Ксанѳинульскій, только по тому, что были позабыты кѣмъ либо изъ пѣвцовъ-сказителей. Это видно изъ того, что черты эти и въ этомъ краткомъ пересказѣ предполагаются. Такъ забыта въ этомъ послѣднемъ главная причина, за которую царь хочетъ заковать Порфира: то есть его похвальба, что онъ любитъ цареву дочь. А что такая черта прежде была и въ краткомъ пересказѣ, а потомъ лишь была упущена, видно изъ того, что въ немъ, пониже, совѣтъ о расторженіи узъ даетъ дѣвица. Въ этомъ краткомъ пересказѣ она названа τὸ κόρασον: членъ τὸ доказываетъ, что и выше была она упомянута. Въ краткомъ пересказѣ забыто, кромѣ того, объясненіе витязя, почему не надо возить его скованнымъ по Константинополю. Наконецъ изъ этого пересказа выпалъ и самый подвигъ Порфира: избіеніе имъ своихъ враговъ для увоза любимой дѣвушки.

Зашиваніе глазъ 9-ю сортами шелка, согниваніе этого шелка отъ слезъ, пролитыхъ героемъ, эти очень древнія черты эпики находятся только въ первомъ изъ этихъ двухъ пересказовъ. Но древними чертами, общими обоимъ пересказамъ, являются: необыкновенное рожденіе героя, его похвальба, встряхиваніе героемъ своихъ членовъ для расторженія оковъ. Уже было замѣчено нами выше, что заковываніе въ этихъ двухъ пересказахъ одного и того же сюжета болѣе умѣстно, нежели въ Узнаніи (= Сына Андроника, см. № 14).

Есть однако въ обоихъ пересказахъ и нѣчто сравнительно новое: таковъ характеръ мольбы полководца къ Богу о томъ,

---

161) См. въ началѣ Отдѣла втораго, стр. 79.

чтобъ найти Порфира спящимъ и тѣмъ одержать легкую побѣду. Какъ полководецъ, такъ и самая мольба его представлены въ смѣшномъ видѣ. Такой воевода принадлежитъ къ типамъ какой-то эпохи паденія, равно какъ и такое примѣшиваніе комическаго къ былинѣ есть признакъ поздній. Какъ на новую примѣту въ обоихъ пересказахъ я смотрю и на то, что вооруженная распря идетъ ужъ не между Греками и Саракинами, а между героемъ и царемъ: такая перемѣна въ характерѣ былины сравнительно напримѣръ съ Дигеновскими [162]), съ Узнаніемъ, съ Армуромъ, съ Ксанѳиномъ, съ Ѳеофилактомъ [163]), свидѣтельствуетъ о важномъ переворотѣ въ самомъ общественномъ бытѣ. Саракинъ пересказа втораго не принадлежитъ къ независимымъ Саракинамъ, а находится на службѣ Греческаго царя, приходится ему зятемъ и служитъ живымъ орудіемъ къ обузданію заносчиваго героя. При этомъ однакожъ народъ-пѣвецъ все же на сторонѣ героя, ему приписываетъ окончательную побѣду. Пѣсня о Порфирѣ, какъ и всѣ нами разсматриваемыя, прожила все время Турецкаго ига; въ народной фантазіи подъ именемъ царя и стратига рисовались султанъ и паша [164]), а въ богатырѣ чествовала она независимаго клефта.

Въ Критскомъ пересказѣ о Порфирѣ, извѣстномъ подъ измѣненнымъ именемъ Просфира (№ 18), царь раздражился не за похвальбу его въ любовныхъ успѣхахъ, а только за слова: «никого я не боюся!» Здѣсь царевна перваго пересказа, представленная во второмъ пересказѣ простою дѣвицей, — замѣщена сестрою

162) См. Отдѣлъ первый.

163) См. эти четыре былины подъ №№ 14, 21, 22, 20.

164) Въ пересказѣ О Порфирѣ подъ № 16 вторглись взятыя изъ Турецкаго слова σεφέριν, ἀσκέριν, стихи 20 и 21.

Въ пересказѣ Критскомъ (18 №) между страшилами, которыхъ не боится Просфиръ, натыкаемся на Γιάννης τὸ ντελή, на какого то Ваню Отчаяннаго или Бѣшенаго: опять прозвище изъ Турецкаго (Ср. *Дели-башъ* уже на пикѣ, А казакъ безъ головы) и два существит. ἀσκέρι и σεῖρι.

героя, по имени Калѝ (Καλή): по крайней мѣрѣ издатель (Яннаракій) принимаетъ это слово за личное имя сестры героя. Такое имя существуетъ: см. въ документѣ начала XIII вѣка, изданномъ I. Сакеліономъ въ Ἀθήναιον, т. IV, стр. 237. Но можно бы принимать его и какъ эпитетъ сестры въ смыслѣ «добрая». Какъ бы то ни было, въ какомъ нибудь раннемъ разсказѣ могло стоять тоже самое слово «καλή» въ смыслѣ той дѣвицы, которую онъ полюбилъ и которою онъ былъ спасенъ (ср. пересказъ первый, № 16): въ такомъ предполагаемомъ болѣе раннемъ разсказѣ ἡ καλή του могло бы означать «его красавица, его люба». Тоже слово καλή осталось въ Критскомъ пересказѣ (№ 18), но попавъ въ другую обстановку, оно получило и другой смыслъ. Выходка противъ Франковъ-собакъ, находимая здѣсь, объясняется перекочеваніемъ былины о Порфирѣ изъ Малой Азіи, гдѣ родина вышеприведенныхъ двухъ пересказовъ, на островъ Критъ. Пѣсни Критскія, какъ можно судить изъ сборника изданнаго Яннаракіемъ, переполнены разсказами о многочисленныхъ возстаніяхъ Критскихъ Грековъ противъ ихъ Венеціанскихъ насильниковъ. Этѣ пѣсни имѣютъ историческую почву. Между повстанцами видное мѣсто занимали горные пастухи, нерѣдко державшіе себя независимыми паликарами: отсюда мѣстная окраска и этой пѣсни.

Пѣсня о Лиссарѣ (№ 19), Имврская, въ неопредѣленныхъ чертахъ, есть все таже былина о Порфирѣ, измѣненная, выдохшаяся и ближе подходящая къ Критской, чѣмъ къ двумъ первымъ пересказамъ. Главный сюжетъ совсѣмъ забытъ: ни о какой дѣвушкѣ и въ поминѣ нѣтъ. Когда витязь былъ связанъ, онъ попросилъ не возить его мимо его матери: ее боится онъ огорчить. Спасителемъ же своимъ является здѣсь онъ самъ. Правда и здѣсь сохранилось слово καλή, но оно приложено къ матери его. Вотъ этотъ стихъ по подлиннику:

τὸν εἶδ' ἡ μάνα κ' ἔκλαιγε καὶ ἡ καλή του κλαίει.

Можно бы принимать слова, напечатанныя здѣсь другимъ шрифтомъ, за относящіяся къ любимой дѣвицѣ. Но во-первыхъ о дѣ-

вицѣ, ни раньше, ни позже, въ Имврскомъ пересказѣ нѣтъ и намека; во-вторыхъ соединенныя союзомъ καὶ личныя имена μάνα и ἡ καλή του очень напоминаютъ синтаксическую постройку, которую грамматики называли, а можетъ быть и продолжаютъ называть ἓν διὰ δυοῖν. Сравните подобное построеніе въ слѣдующемъ стихѣ той же былины:

καὶ στέλνει χίλι' ἀρματωλούς, καὶ χίλι' ἀρματωμένους [165]).

гдѣ о тѣхъ же воинахъ говорится дважды: потому мы и переводимъ: «и шлетъ тысячу арматоловъ, тысячу вооруженныхъ», при чемъ второе есть только поясненіе перваго (ἐπεξήγησις); и избѣгаемъ дословнаго перевода: «и шлетъ тысячу арматоловъ и тысячу вооруженныхъ». Вотъ еще примѣръ: «Царь Александръ.... Ὁ βασιλέας Ἀλέξανδρος..... ἐκάλεσεν τοὺς ἄρχονταις κὴ οὖλον τἀρχοντολόϊν, ἐκάλεσε καὶ τοὺς φτωχοὺς κὴ οὖλον τὸ φτωχολόϊν: мы перевели: «пригласилъ бояръ, все боярство, пригласилъ и бѣдняковъ, всю бѣдную голь» потому что считаемъ ἀρχοντολόϊν за пополненіе и поясненіе къ ἄρχονταις, а φτωχολόϊν за поясненіе къ φτωχούς [166]). И такъ и въ этомъ текстѣ ἡ καλή του относится къ матери, а не къ какой-то красавицѣ; не смотря на то однако въ этихъ словахъ позволительно видѣть обломокъ первоначальнаго образа былины.

Еще существенное различіе между Лиссаровскимъ пересказомъ и тремя предъидущими мы видимъ въ томъ, что герой не боится Харона. Такая похвальба въ этой былинѣ неумѣстна: мы знаемъ, что по народному повѣрію, высказывающемуся во множествѣ греческихъ пѣсень, за такимъ дерзкимъ словомъ немедленно слѣдуетъ появленіе самого Харона, его единоборство

---

165) Примѣры изъ классической литературы см. у Бутмана въ 21 изд. его грамматики § 151, X, ст. 531—2; у Крюгера Griech. Sprachlehre, 1845, § 69, 32 (καί); Kuehner, Ausführ. Gramm. 2 изд., 2 Th., 2 Abth. § 521 (καί) ст. 791.

166) См. Ἆσμα Θεοφυλάκτου у Сакелларія въ Κυπριακά III, № 3, стихи 4 и 5 (у насъ здѣсь № 20).

съ похвальщикомъ и смерть послѣдняго. Пѣвецъ Лиссара, совершенно утратившій главные, старинные мотивы пѣсни, внесъ въ нее и эту черту, сюда вовсе не идущую, которую заимствовалъ изъ разряда пѣсень Хароновскихъ.

Изъ сдѣланнаго разбора четырехъ послѣднихъ произведеній явствуетъ, что мы имѣемъ въ нихъ одну и ту же былину въ четырехъ формахъ, постепенно все больше отступающихъ отъ предполагаемаго своего первообраза.

Теперь займемся именами собственными, вошедшими въ былины этого отдѣла. Оба первые пересказа даютъ объясненія имени героя, но каждый пересказъ по своему: въ одномъ онъ названъ Порфиромъ, по имени села, гдѣ онъ родился; въ другомъ также, но по названію той травы, надъ которою разрѣшилась его мать [167]). Нѣтъ ли тутъ какого либо параллелизма съ представленіемъ о лицахъ, именовавшихся πορφυρογέννητοι? Г. Саѳа утверждаетъ, какъ мы уже видѣли, что въ приведенной имъ былинѣ Іоаннида о Порфирѣ (у насъ № 16) воспѣтъ Дигенъ подъ именемъ Порфирія, а это имя есть явная порча изъ «Панѳирій» (имя византійскаго полководца). Но ни о тожествѣ Порфирія съ Дигеномъ, ни о тожествѣ его съ Панѳиріемъ почтенный изслѣдователь никакихъ доказательствъ не приводитъ [168]). Въ слѣдъ за этимъ утвержденіемъ онъ прибавляетъ: «Plusieurs vers de cette chanson sont presque identiques à plusieurs autres vers de celle que nous avons donnée plus haut sous le titre *le fils d'Andronique*.

---

167) Такъ Савва Іоаннидъ при стихѣ: καλόγρηα υἱὸν ἐγέννεσεν ἀπάνου σ' τὸ Πορφύρυν пишетъ въ примѣчаніи: «Χωρίον ὑπὸ τὴν Λιβεράν». (Ιστορια και στατιστ. стр. 288, пѣсня 28, стихъ 4, пр. 2). — Ксанѳопулъ же объясняетъ πορφύριν какимъ-то деревомъ ему неизвѣстнымъ, какъ сказано въ Index Verborum у Пассова, въ Popular. Carm. подъ πορφῦριν, при чемъ Пассовъ прибавляетъ: «in Gloss. Du Cange habes herbam πορφυρίς, h. e. anchusa s. basilicum silvaticum».

168) Introduction къ Exploits стр. CI, ср. CVII и CXXVIII. — Сравни прим. 112 у насъ.

Signalons pourtant cette petite différence que dans l'une il est parlé de Pierre Phocas, tandis que dans l'autre c'est de Bardas Phocas qu'il est question» [169]). Но такія разсужденія могутъ имѣть значеніе только для тѣхъ, которые признаютъ и тожество Сына Андроника (= Узнаніе см. здѣсь № 14) съ Дигеномъ за положеніе уже доказанное; что оно еще не доказано, это мы уже показали на своемъ мѣстѣ. Вернемся къ нашей пѣснѣ. Варну нашей пѣсни французскій переводчикъ измѣнилъ на Варду (стр. CV), а въ комментаріи этотъ Варда является уже Вардой Фокой (стр. CII) съ поясненіемъ въ прим. 1: «le peuple a même changé le nom de Bardas en celui de Barnas». Произнесеніе такихъ бездоказательныхъ приговоровъ обусловлено наклонностью смѣшивать факты былевые съ историческими, которой образчикъ мы уже видѣли на стр. 77 нашей статьи. Издатель этого пересказа, Іоаннидъ, замѣчаетъ: (Варитрахилъ) «Этотъ Византійскій полководецъ неизвѣстенъ; а по упоминанію о Варнѣ и о Никифорѣ этой пѣснѣ десять вѣковъ» [170]). Но издатель пѣсни не входитъ въ разсужденіе, какого Никифора должно здѣсь разумѣть. Если Никифора I (802—811 г.), то пѣсня пожалуй и вышла бы десятивѣковою: но при чемъ былъ бы тутъ Варна (передѣланный Саѳой въ Варду)? Если же имѣть въ виду Никифора II Фоку (963—969 г.), сына Варды, то получимъ одновременное существованіе Никифора и Варды (если ужъ онъ непремѣнно нуженъ), но тогда не получимъ десяти вѣковъ; впрочемъ и девятивѣковая пѣсня чего нибудь да стóила бы, если бы можно было это доказать: но мы должны помнить, что похвальба витязя не больше какъ формула, которая можетъ быть вставлена и въ пѣсню довольно молодую. Относительно воеводства Варитрахила, Саѳа, находя вышеприведенную замѣтку Іоаннида

---

169) Ibid. p. CII.

170) «Ἄγνωστος εἶναι ὁ στρατηγὸς ὁ Βυζαντινὸς οὗτος, ὡς ἐκ τοῦ Βάρνα δὲ καὶ τοῦ Νικηφόρου τὸ ᾆσμα τοῦτο εἶναι δέκα αἰώνων». (Σαβ. Ιωαννίδου, Ιστορία καὶ στατιστικὴ .... стр. 289, прим. 5).

основательною, прибавляетъ: «et le silence de l'histoire a d'autant plus droit de nous surprendre, que si l'on ajoute fois au poète populaire, ce nom dut être porté par une célebrité militaire, puis qu'il est dit qu'il faisait trembler la terre et le monde». Сказать мимоходомъ и не въ упрекъ критику, тутъ вкрался недосмотръ: о Варитрахилѣ здѣсь вовсе не говорится, что «отъ него дрожитъ земля и міръ», а только, что «сабля его рубитъ впередъ и взадъ». Конечно и этого свойства Варитрахила не было бы достаточно для того, чтобъ ему быть военною знаменитостью *историческою*. Это имя, очевидно, есть прозвище лица, которое могло бы быть и историческимъ, если бы мы не встрѣчали его въ другой былинѣ подъ именемъ Петротрахила [171], въ третьей подъ именемъ Тремандахила, въ четвертой подъ именемъ Тремотрахила. Первые два прозвища Βαρυτράχηλος (= Тяжеловыйный, Тяжелый затылокъ) и Πετροτράχηλος (Каменновыйный, Каменный затылокъ), кромѣ сходства ихъ грамматическаго состава, сродны между собою и по тому представленію, которое они порождаютъ въ фантазіи читателя. Третье прозвище Τρεμαντάχειλος (читай: Τρεμαντάχυλος) сохраняетъ съ первыми двумя только сродство созвучнаго окончанія, но даетъ новое представленіе, еще болѣе ужасающаго характера, нежели тѣ [172]). Вотъ отчего естественнѣе искать всѣхъ этихъ трехъ взаимно замѣщающихъ одно другое существъ въ области фантазіи, чѣмъ между Византійскими полководцами. Присовокупимъ еще, что замѣстителемъ этихъ страшныхъ личностей въ Критскомъ пересказѣ (№ 18) является какой-то «первый Просфиръ», котораго этотъ младшій богатырь-тезка тоже не боится. Любопытное раздвоеніе того же эпическаго лица на старшаго и младшаго.

Теперь спросимъ объ имени: что могло быть поводомъ превращенія въ Критскомъ разсказѣ (№ 18) *Порфира* въ *Просфира* (Πορφύρης въ Πρόσφυρος)? Мы видѣли, что здѣсь герой, —

---

171) Въ «Узнаніи» (= Сынѣ Андроника) см. № 14.
172) См. здѣсь стр. 34.

чудный пастухъ, однимъ ударомъ изъ *пращи* собралъ всѣхъ козъ, чего не могло совершить все воинство царя. Этотъ подвигъ разсказанъ въ слѣдующемъ стихѣ этой Критской пѣсни:

Παίζει κ' ἐκεῖνος μιὰ σφυριὰ κ' εὐτὺς τσὴ πρεμαζόνει.

Употребленное здѣсь слово σφυριὰ значитъ «ударъ изъ пращи» (= древ. σφενδόνησις). Народная этимологія выработала, изъ этого слова и изъ предлога πρὸς, имя пастуха въ Πρόσφυρος вмѣсто прежняго мѣстнаго Трапезундскаго Πορφύρης.

Въ четвертомъ же пересказѣ имя героя забыто и замѣщено болѣе осмысленнымъ Λυσσάρης отъ λύσσα (какъ бы Бѣшенокъ, или Ярило) (Ср. имя Λύσσις Λευκίππου въ Pape-Benseler, Wörterb. d. Eigenn. ed. 3, который ссылается на Inscr. 2, 3221).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

БЫЛИНЫ ПОКАМѢСТЪ СТОЯЩІЯ ОСОБНЯКОМЪ.

---

20. О ѲЕОФИЛАКТѢ [173]).

Царь Александръ, Александріецъ, устроилъ празднество малое и празднество великое, одно Святому Георгію, другое Святому Мамѣ; пригласилъ бояръ, все боярство, пригласилъ и бѣдняковъ, всю бѣдную голь; поставилъ столъ и усѣлись обѣдать. И возго-

173) Σακελλαρίου Τὰ Κυπριακά, Ἀθ. 1868, томъ III, № 3, стр. 8—11. Въ заглавіи: Ἆσμα Θεοφυλάκτου. Первый стихъ: Ὁ βασιλέας Ἀλέξανδρος Ἀλεξανδροπολίτης. О сборникѣ Сакелларія см. прим. 1. — Отсюда перепечатана Г. Политомъ не вся въ Μελετη επι του βιου τ. νεωτ. Ελλην., Β, 522—3.

ворить царь, молвитъ таково слово: «Кто пойдетъ туда въ Перонъ, въ султанство великое, возьметъ вотъ эту бумагу, принесетъ бумагу отвѣтную, поведетъ войну праведную .... [174]) на свѣтѣ? А тамъ внизу Ѳеофилактъ обозлился, разсвирѣпѣлъ. Пнулъ столъ, на ногахъ очутился: «Все это ты про меня говоришь, про меня сказываешь! такъ приведите ко мнѣ моего воронаго, что перевариваетъ въ себѣ камни, что разрываетъ цѣпи и пьетъ пѣнистое вино, что топчетъ мраморъ и пыли не подыметъ; и принесите мнѣ мою сабельку преблагословенную; когда вступить въ битву, выходитъ окровавлена. Принесите мнѣ копьецо мое, гдѣ на верху Святой Георгій, принесите мнѣ мою палицу, на ней сверху Святой Мама». Пошелъ и сѣлъ на коня, на прекраснаго воронаго; пока сказалъ прощайте, на тысячу миль умчался, а пока ему сказали по добру, по здорову, умчался еще на тысячу. Боднулъ бодцами воронаго и въѣхалъ въ воинство; по краямъ по краямъ бралъ — середина изводилась, середину середину бралъ — края убавлялись. Воюетъ трои сутки, три дня воюетъ. Вороной его усталъ да и самъ утомился. Боднулъ бодцами воронаго и выступилъ изъ воинства: нашолъ камень громадный, повернулся и спѣшился. Онъ кулакомъ по камню-то, пять ключей открылось; зачерпнулъ горстью, воронка напоилъ; вонзилъ копьецо — сѣни устроилъ и легъ; и объятья разверзъ и Бога славитъ: «Боже, если я твое созданіе, Христе, воньми мнѣ: устроилъ бы ты такъ, чтобъ явился ко мнѣ братъ мой Аліандръ». Словно былъ онъ святой, пресвятой, внялъ ему Христосъ: устроилъ для него, и явился къ нему братъ его Аліандръ [175]).

---

174) Стихъ 10: νὰ κάμῃ δίκαιον πόλεμον νὰ 'βκαγουδῇ σ' τὸν κόσμον. Смыслъ словъ νὰ 'βκαγουδῇ, кромѣ этого стиха повторяющихся и въ концѣ былины въ той же послѣдовательности, для насъ теменъ. Сакелларій не объяснилъ его ни въ примѣчаніи, ни въ словарѣ своемъ, приложенномъ къ концу его сочиненія.

175) Это имя, кромѣ переведенной здѣсь былины, видѣли мы и въ № 1 (тоже Кипрской былинѣ), что конечно еще не доказываетъ,

Издали кричитъ ему, изъ близи молвитъ: «Смотри, берегись, братецъ ты мой Аліандръ: на поворотѣ твоего воронка, при размахѣ своею саблей... тамъ ребята Саракины, тамъ старики...... [176] (?), разставляютъ силки, стерегутъ, не возьмутъ ли тебя». Онъ бодцами воронаго и въѣзжаетъ въ воинство; краями, краями (и проч. какъ выше). На поворотѣ имъ своего воронка, при размахѣ своей саблей, ... были тамъ ребята Саракины, были старики...... (?), разставили силки — взяли Аліандра. Зашили его оченьки тройною ниткой, заковали ему рученьки тройными оковами, наложили на спину свинцу три мѣрки. А тамъ внизу Ѳеофилактъ обозлился, разсвирѣпѣлъ; пошолъ и сѣлъ на прекраснаго воронаго. Бодцами воронка и въ воинство въѣзжаетъ; воюетъ трои сутки, воюетъ три дня. Три дня рубилъ все носы да языки: носы-то драконьи, языки львиные; на поворотѣ имъ коня своего, при размахѣ своею саблей..... были тутъ ребята Саракины, были тутъ старики......... (?), разставили силки, Ѳеофилакта взяли (и проч. какъ выше). «Ты ли это, Ѳеофилактъ, сынъ Мастрангилы, что убилъ отца его и забралъ народъ его, тысячу селъ у него истребилъ и пятьнадцать городовъ?» — «Это я, Ѳеофилактъ, (и проч. какъ выше). Пріоткрылъ [177]) глаза — и лопнула нитка, сжалъ свои локти, и порвалася цѣпь, спиной шевельнулъ, и упалъ свинецъ. Отбилъ брата своего, что былъ подъ стражей. Воюетъ трои сутки, воюетъ три дня. И тамъ внизу подалъ бумагу, да получилъ бумагу отвѣтную, справилъ войну праведную......... на свѣтѣ [178]).

чтобъ рѣчь шла объ одномъ и томъ же лицѣ историческомъ или эпическомъ.

176) Что значитъ γέρονταις ἀρκουδιῶνταις? не понимаю. Въ словарѣ Сакелларія нѣтъ.

177) Ἐχρόνοιξε τὰ 'μμάτια του. — Въ словарѣ Сакелларія: 'χροννοίγω изъ ἀχροννοίγω (а это изъ ἀχροαννοίγω) полураскрываю, слегка отверзаю.

178) См. прим. 174.

Объясненія на Өеофилакта.

Здѣсь видимъ эпическій типъ православнаго царя, который передъ открытіемъ «праведной войны»[179]) противъ Саракинъ въ дни праздничные задалъ пиръ и знатнымъ и простымъ. Что «праведная война», т. е. война противъ невѣрныхъ, объявлена въ праздникъ Св. Георгія — это не требуетъ особеннаго объясненія. Почему упомянутъ праздникъ Св. Мамы — для меня не ясно. Замѣтимъ однако, что оба сіи святые наименованы въ былинѣ еще одинъ разъ: но объ этомъ ниже.

И такъ въ основѣ былины священная война, война съ Саракинами. Царю православному нужно заключить какое то выгодное условіе съ владѣтелемъ саракинскимъ. Владѣніе саракинское названо здѣсь μέγα σουλτανίκι великій султанлыкъ[180]), въ слѣдствіе замѣщенія болѣе новымъ, турецкимъ, словомъ какого либо другаго выраженія стариннаго синонимическаго.

Но нельзя ли ближе подойти къ исторической почвѣ? какой это православный царь Александръ? Объ этомъ высказано было мнѣніе К. Саөою. Разсказавъ по византійскимъ источникамъ о томъ, что Василій Македонскій былъ спасенъ отъ Аравитянъ Өеофилактомъ Авастактомъ, отцомъ Романа Лекапина, за что Өеофилактъ былъ награжденъ казенными землями, Саөа прибавляетъ: «Народная поэзія даже сохранила память объ этомъ эпизодѣ, впрочемъ смѣшивая (быть-можетъ намѣренно) императора Василія съ его сыномъ Александромъ (см. Сакелларія, ᾆσμα Θεοφυλάκτου, t. III, p. 8—11)»[181]). Честь этого остроум-

179) О «праведной войнѣ» δίκαιος πόλεμος см. стихи 10 и 72.

180) Ср. سلطانلق soulthanlyq, pouvoir impérial, domination, règne (Bianchi et Kieffer, Diction. Turc-Français Paris 1850. T. I. p. 1047).— Ποῖος πάει πέρα σ' τὸ Περὸν 'ς τὸ μέγα Σουλτανίκι въ стихѣ 8. — Не знаемъ гдѣ Перонъ.

181) Introduction къ Les exploits de Digénis p. CXV, not 1. Приведемъ то мѣсто Зонары, на которое ссылается Саөа: «Κατὰ δὲ τῶν

наго пріуроченія войны, названной въ нашей былинѣ, къ событію историческому — принадлежитъ Саѳѣ [182]). Считаемъ нужнымъ кое-что разъяснить и измѣнить въ этомъ взглядѣ, къ которому мы въ главныхъ чертахъ примыкаемъ. Событіе, какъ извѣстно, относится къ 872 году, когда Александръ былъ младенцемъ [183]). Но это ипотезѣ не мѣшаетъ. Такъ какъ Александръ умеръ въ 913 г. [184]), то былина, я полагаю, въ первой половинѣ X в. могла уже явиться на свѣтъ. Въ лицѣ былиннаго Александра разбираемой пѣсни слились одноименные Александръ Македонскій и Александръ императоръ Византійскій, принадлежащій, черезъ отца своего Василія, къ династіи Македонской. Эта одноименность и лицъ и прозвищъ помогла слiянію преданій объ Александрѣ Великомъ, не перестававшихъ жить въ устахъ не одного только греческаго народа, наполнявшихъ собою громады апокрифическихъ книгъ, съ преданіями о войнахъ Грековъ съ Агарянами. Александръ былины по этому вѣроятно и названъ Александрополитомъ, т. е. уроженцемъ Александріи, такъ какъ эта столица обязана историческому Александру своимъ основаніемъ; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и христіанинъ. Ко времени Александра слагатель былины отнесъ событіе, происшедшее при его отцѣ Василіи. Весьма замѣчательно, что Ѳеофилактъ, витязь былины,

---

ἐν Κρήτῃ Ἀγαρηνῶν ἐκστρατεύσας ἡττήθη (Василій) καὶ πολλοὶ μὲν ἔπεσον, καὶ ἑάλω δ'ἂν καὶ αὐτός, εἰ μὴ ὁ Ἀβάστακτος Θεοφύλακτος ὁ πατὴρ τοῦ μετὰ ταῦτα βασιλεύσαντος τοῦ Ῥωμανοῦ τοῦ Λακαπηνοῦ αὐτὸν διεσώσατο». Zonaras, l. XVI, c. 8, p. 24—25. Ed. Dind. Lips. 1871.

182) Сакелларій, нашедшій эту былину въ Кипрѣ, относитъ ее ко временамъ вторженій Арабовъ въ Кипръ отъ 646 до 802 г. Но ничто не обязываетъ приковывать народныхъ витязей непремѣнно къ той мѣстности, гдѣ была записана пѣсня. Ипотезѣ Саѳы мы даемъ предпочтеніе предъ Сакелларіевой.

183) См. Muralt, Chronogr. Byzant. p. 453.

184) Id. ib. p. 489—490: 912—913 годы царствованія Александра.

отличается своею рьяностью; а Θеофилактъ историческій носитъ прозвище «Авастакта», означающее «невыносимаго», но могущее означать и «неудержимаго». Что видимъ мы въ былинѣ? жутко пришлось Θеофилакту оторваться отъ пиршества, но не смотря на то, никому не даетъ онъ себя опередить. Онъ «обезчестилъ столъ», по выраженію русскихъ былинъ, пнулъ его ногой[185]), но все же явился впереди всѣхъ: настоящій ἀβάσταχτος.

Въ картинѣ сборовъ видимъ смѣсь самыхъ древнихъ эпическихъ чертъ съ Христіанскими обычаями. Воронъ конь Θеофилакта охарактеризованъ эпитетомъ πετροχαταλύτης, что Сакелларій толкуетъ ὁ χαταλύων ἢ χατατρώγων τὰς πέτρας, переваривающій въ себѣ камни[186]). Этотъ же конь πίνει τὸν ἀφρίτην. Что это за питье? Если бы было позволено подразумѣвать здѣсь οἶνος, то это питье означало бы пѣнистое вино, шипучку[187]). Этотъ конь топчетъ ногами мраморъ и пыли не подымаетъ, такъ легко несется онъ по каменистой почвѣ[188]). У самого богатыря сабля имѣетъ особенное свойство: когда ей вступить въ бой — она выходитъ окровавленною[189]). Если я только вѣрно понимаю

---

185) О обезчещеніи стола см. О. Θ. Миллера въ Ильѣ, стр. 88—89.

186) См. въ Словарѣ Ново-Кипрскихъ словъ Сакелларія въ III томѣ его Κυπριαχά подъ словомъ: πετροχαταλύτης, при чемъ имъ замѣчено, что это слово есть и у Киθнійцевъ и что его нѣтъ въ древне-греческихъ словаряхъ.

187) Къ этому объясненію пришли каждый отдѣльно — Профес. К. Я. Люгебиль и я.

188) Стихъ этотъ по-греч. звучитъ такъ: ὅπου πατᾷ τὸ μάρμαρο χαὶ χορνιαχτοὺς ἐν 'βχάλλει. Замѣтимъ, что χορνιαχτὸς есть измѣненное древнее χονιορτός, гдѣ въ основѣ χόνις = пыль, прахъ. Когда древніе хотѣли выразить легкость исполненія, говорили, что это исполняется ἀχονιτί (какъ бы: не пошевеливъ пыли). Любопытная аналогія между древнимъ словомъ и средневѣковымъ образомъ.

189) Въ подлинномъ: Ὄθες ν' ἀμπῆ 'ς τὸν πόλεμον 'βχαίννει μαχελλωμένον, см. стихъ 18.

свойство Өеофилактовой сабли, то оно подходитъ къ свойству копья Армурова: «прежде чѣмъ захватилъ (Армуръ) копье — оно ужъ давало себя хватать, прежде чѣмъ его встряхнулъ — ужъ встряхивалось: къ рукѣ своей привязалъ его, тряхнулося, согнулося» (см. ниже объ Армурѣ, стихи 17 и 18). Все это черты эпическія, отчасти миѳическія. Но витязь называетъ свою саблю преблагословенною (τὸ σπαθάκιμου τὸ 'περευλογημένον, стихъ 17); на верху его копья изображенъ Св. Георгій; на верху его палицы образъ Св. Мамы. Въ другой былинѣ мы видѣли на саблѣ пастуха-витязя образъ Св. Константина; ниже увидимъ образъ Св. Константина на саблѣ сына вдовы (№ 23). — Обычай этотъ, принадлежа къ средневѣковому быту, продолжался до послѣднихъ временъ. Такъ изображеніе Божіей матери и Св. Георгія видимъ на сабляхъ сохраняющихся въ разныхъ музеяхъ [190]). Въ жизни новѣйшихъ Грековъ это обычай очень извѣстный. Но почему у Өеофилакта Св. Мама именно на палицѣ? На этотъ вопросъ отвѣчать не беремся. Не возникъ ли такой обычай вслѣдствіе воспоминанія о томъ, что сей святый, какъ отмѣчено въ его житіи, былъ битъ палицами [191])?

---

190) См. статью покойнаго В. А. Прохорова, въ которой описываются сабли съ написями, образами, украшеніями, относимыя имъ къ XVII—XVIII в. На двухъ изъ нихъ съ одной стороны сабли греческая молитвенная напись, а съ другой представленъ въ кругу Св. Георгій Побѣдоносецъ, поражающій копьемъ змія (см. ст. 198). В. А. Прохорова, О древнихъ сабляхъ съ греческими, славянскими и другими надписями. Въ Трудахъ Втораго Археологич. Съѣзда въ СПБ. Выпускъ 2-й. СПБ. 1881. Стр. 195—202. Всѣ сдѣланныя этимъ наблюдателемъ въ статьѣ его замѣчанія заслуживаютъ большаго вниманія. Мы прибавимъ только вообще, что написи находимыя на произведеніяхъ позднѣйшихъ, могутъ по своему содержанію и даже слогу, принадлежать эпохѣ болѣе ранней, такъ напр. συ βασιλευ αηττητε λογε θεου πανταναξ безъ всякого сомнѣнія создана въ эпоху византійскую.

191) Толкуя объ апелатахъ, по имени которыхъ и дубина (палица) называлась ἀπελατίκιον, Саѳа пишетъ: «Они на ней держали образъ своего патрона Святаго Маманта, этого Иракла Христіанства, который,

Общія мѣста, одно: «пока сказалъ прощайте, на тысячу миль умчался» [192]); и другое: «по краямъ бралъ, середина изводилась» и т. п. [193]) мы увидимъ въ былинѣ объ Армурѣ. «Громадный камень» (πέτρα ῥιζημιά), изъ подъ котораго открылось пять ключей, находимый здѣсь, въ Θеофилактѣ [194]), напоминаетъ картину, видѣнную нами въ Дигенѣ. Устроеніе сѣни (шатра?) при помощи копья черта чисто степная [195]).

Молитва Θеофилакта «Боже, если я твое созданіе»... напоминаетъ подобную молитву Дигена, и имѣетъ общій источникъ Св. Писаніе [196]). Послѣ молитвы въ былинѣ сказано: «и вотъ словно былъ онъ святой, пресвятой, — Христосъ внялъ ему» (37). Это выраженіе: «словно» показываетъ, что въ сознаніи народа Θеофилактъ, хотя ему и симпатичный, вовсе не былъ святымъ. Совершенно таже формула произносится въ другой Кипрской пѣснѣ объ одномъ молодомъ человѣкѣ порочномъ, которому впослѣдствіи за его порочность отрублена была голова [197]). Подобныя формулы служатъ къ выраженію живаго участья пѣвцовъ и народа къ богатырямъ.

Темны для насъ носы драконовъ и носы львовъ (стихи 56—57). Означаетъ ли это смѣну битвы охотой? или же подъ драко-

---

какъ пишутъ древніе синаксари и какъ запросто повторяетъ Махера̀ (стр. 69): «ловилъ львицъ и доилъ ихъ и дѣлалъ сыръ и кормилъ бѣдныхъ». (Sathas, Bibl. Gr. II, μϛ′; въ томъ же томѣ и текстъ Махера̀). Но это темновато.

192) Въ подлинномъ стихъ 18. Ср. Армура стихи 29, 30.

193) Въ подл. стихъ 25. Ср. Армура стихъ 86.

194) Въ подл. стихи 30, 31. Ср. Дигена здѣсь № 1, стр. 6, гдѣ изъ подъ огромнаго камня, свороченнаго героемъ, вышелъ драконъ.

195) Въ подл. стихъ 33: καὶ 'μπήει τὸ κοντάριν του, κάμνει ὀσκιὸν καὶ πέφτει. Здѣсь ὀσκιός, а общепринятая форма ἴσκιος, — древняя σκιά съ подъемомъ гласнымъ.

196) Ψαλμῶν 102, 14.

197) Σακελλαρίου Κυπριακά, III, № 2, стихъ 52: Μάντες ἅϊος ἅϊος ἦτουν, Χριστὸς καὶ 'πάκουσέντου. Здѣсь № 3 (Θεοφυλ.) тѣже выраженія, кромѣ Μάντες, замѣщеннаго Πάντες.

нами и львами надо разумѣть храбрѣйшихъ изъ непріятелей? или наконецъ стихи сіи подвернулись здѣсь неумѣстно по чьей нибудь ошибкѣ памяти [198])?

Такъ же теменъ и вопросъ, сдѣланный Саракинами герою: «Ты ли Θеофилактъ, сынъ Мастрангилы, что убилъ отца *его* и забралъ народъ его, тысячу селъ у него истребилъ и пятьнадцать городовъ (странъ)» [199])? Можно подумать, что Θеофилактъ убилъ отца какого-то Саракинскаго владѣтеля, о которыхъ выше въ былинѣ пропущено. Теперь объ имени Μαστραγγύλας. Оно очевидно составлено изъ слова μάστρος (= magister = μάγιστρος, μαΐστρος = μάστρος) и имени Ἀγκύλας. Это имя одного изъ апелатовъ въ эпопеѣ о Дигенѣ, отбившаго у Дигена его палицу и потомъ убитаго Дигеномъ [200]). Есть ли какое нибудь соотношеніе между этими двумя одноименными витязями, не знаемъ. Намъ сдается, что народной фантазіи угодно было богатырю Θеофилакту пріискать и отца изъ богатырей же — Ангилу.

Послѣ всѣхъ своихъ бѣдствій Θеофилактъ совершилъ войну праведную.

---

21. ОБЪ АРМУРѢ [201]).

Нынче особенное небо, нынче особенный день, нынче барченки выѣдутъ верхомъ: только лишь государя Армура сынъ не выѣзжаетъ верхомъ. И тогда-то мальчикъ идетъ къ своей мамѣ:

---

198) Ср. здѣсь въ былинѣ о Дигенѣ 8 (она у Сакелларія 17-я стихъ 68—69, т. III): тамъ витязь тоже рубитъ драконьи носы и львиные языки.

199) Въ подлинномъ: ... ποῦ 'σκότωσες τὸν κῦρίν του καὶ 'πῆρες τὸν λαόν του.... стихъ 63.

200) Les exploits de Digénis... эпизодъ разсказанный въ стихахъ 2071—2123 (Трапезунд. списка). — У Милліаракія по списку Андрскому 3069—3121.

201) Былина *объ Армурѣ* Του αρμουρι помѣщается между греческими средневѣковыми стихотвореніями *рукописнаго сборника*, при-

«Пускай ты мама на моихъ братьевъ порадуешься!... ...пускай ты съ моимъ батюшкой свидишься: отпусти меня, мама, верхомъ поѣхать!» И тогда мать говоритъ Армуру: «Ты мальчикъ малолѣтка, не слѣдъ тебѣ верхомъ! а ужъ коли охота беретъ, сыночекъ милый, верхомъ поѣхать,... [202]) тамъ на верху виситъ копье отца твоего, что государемъ батюшкой твоимъ изъ Вавилоніи взято, сверху и до низу все золотое, жемчугомъ обсыпано; согнешь его разъ, согнешь два раза, а какъ три раза согнешь,

---

надлежащаго Императорской Публичной Библіотекѣ, подъ № CCII кат. гр. рук. О времени рукописи см. здѣсь ниже.—Въ сборникѣ она стоитъ 4-мъ произведеніемъ. На сборникъ указано мнѣ было А. Ө. Бычковымъ бывшимъ Вице-Директоромъ, нынѣ Директоромъ этой библіотеки, доставившимъ мнѣ всѣ удобства къ изученію сборника. — Эта былина издана была мною въ 1877 г. въ 3 Ч. Запис. Ист.-Филол. Факультета СПБ. Ун. и отдѣльными оттисками подъ заглав. Объ Армурѣ. Греческая былина Византійской эпохи. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Гавріилъ Дестунисъ. Санктпетербургъ 1877 (Του Αρμουρη Ασμα δημοτικον της Βυζαντινης εποχης ἐκδοθέν, ῥωσσιςὶ μεταφρασθὲν καὶ διερμηνευθὲν παρὰ Γαβριὴλ Δεστούνη. Εν Πετρουπολει 1877). — Въ началѣ приложенъ фотографированный покойнымъ Г. Куньевымъ снимокъ начала Армури. Страницъ XXII, 21. — Приложенъ указатель замѣчательныхъ словъ былины числомъ 58. — Этотъ изданный мною текстъ перепечатанъ былъ безъ перемѣнъ въ Греческ. журналѣ Ἀθήναιον 8, 392 безъ моихъ критич. замѣтокъ; приложено особое греч. предисловіе, въ которомъ пересказано содержаніе этой былины. — Подробный разборъ былины А. Н. Веселовскимъ помѣщенъ въ его Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos. — Краткое упоминаніе о моемъ изданіи этой былины сдѣлано Спир. Павл. Ламбромъ въ Philologische Wochenschrift, 1881, 1 Окт. № 1. Предлагаемый здѣсь переводъ нашъ есть тотъ самый, который приложенъ къ нашему изданію, за исключеніемъ одной важной перемѣны, о которой сказано въ прим. 203. А. Н. Веселовскій въ только что названномъ изслѣдованіи своемъ мѣстами даетъ и нѣмецкій переводъ Армура.

Начало: Σήμερον ἄλλος οὐρανός, σήμερον ἄλλη ἡμέρα.

202) Вездѣ гдѣ у насъ поставлено много точекъ, это означаетъ, что есть пропускъ въ текстѣ, хотя бы онъ въ греческой рукописи былъ означенъ, хотя бы нѣтъ.

тогда и поѣдешь». Тогда малъ Армуровичь плача на лѣстницу поднимается, а смѣясь съ лѣстницы спускается: прежде чѣмъ захватилъ копье — оно ужь давало себя хватать, прежде чѣмъ его встряхнулъ — ужь встряхивалось: къ рукѣ своей привязалъ его, тряхнулося, согнулося... И пошелъ опять мальчикъ къ матери: «А хочешь-ли, мама, хочешь-ли, передъ тобою его изломлю?» Какъ возговоритъ къ дворянамъ его матушка: «Ну-те, господа, пойдите, осѣдлайте воронаго... воронаго отцовскаго, что двѣнадцать ужь годовъ воды не пьетъ, что двѣнадцать ужь годовъ подъ верхомъ не былъ, что разъѣдаетъ [203]) подкову гвоздчатую, что стоитъ какъ вкопанный!» — Вышли дворяне, осѣдлали воронаго; мальчикъ руками пріударилъ, и сталъ всадникомъ; пока сказалъ «прощайте», на тридцать миль умчался; пока отозвалися ему, умчался на шестьдесятъ на пять. Тамъ проѣзжалъ онъ и разъѣзжалъ вверхъ и внизъ по той сторонѣ Афрата [204]); поѣхалъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ, а переѣзду не отыскалъ. Какъ стоялъ Саракинъ, стоитъ, осмѣиваетъ его: «У Саракиновъ такіе кони есть, что вѣтеръ нагоняютъ, что голубя (?) и куропатку на лету хватаютъ, а зайца въ гору бѣгучи догоняютъ; поиграютъ ими, поласкаютъ ихъ, ... а тамъ, когда вздумается, опять побѣгутъ, и словятъ! и все-же Афрата — рѣки переѣхать не могутъ! а ты на своей кляченкѣ хочешь его переѣхать?» — Какъ услышалъ это молодецъ — большая злость взяла его: бодетъ онъ воронаго, чтобы переѣхать на ту сторону. А былъ Афратъ въ силѣ, замутился [205]), волны на немъ тяжелыя, разлился весь. Боднулъ

---

203) Вмѣсто прежняго перевода нашего: «что двѣнадцати годовъ, а воды еще не пивалъ, что двѣнадцати годовъ, а подъ верхомъ еще не бывалъ, что съѣдаетъ»...

204) То есть Евфрата. А въ № 8 Авратъ Αὐράτης стр. 37.

205) Вмѣсто прежняго: «вздулся весь». Въ подл. βουρκωμένος. Смотри дѣльное истолкованіе разныхъ значеній этого слова у Deffner. Archiv für Mittel- und Neu- griechische Philologie, Band I, Heft 1—2, S. 88.

молодецъ воронка, поѣхалъ, звонкимъ голосомъ закричалъ, сколько было силы: «Благодарю тебя, Боже благій, тысячу разъ благодарю; Ты даровалъ мнѣ мужество, а... теперь его отнимаетъ!» — Ангельскій голосъ низшелъ къ нему съ небесъ, съ высоты: «Воткни свое копье въ корень финиковаго дерева, вложи одежду свою въ тотъ илъ, что впереди, бодни воронаго своего чтобъ переѣхать на ту сторону». Не далъ молодецъ одеждѣ своей высохнуть; такъ таки и понуждаетъ молодецъ воронаго, и на Саракина наѣзжаетъ: ударилъ его кулакомъ и вышибъ ему челюсть. «Говори, эй ты, Саракинъ, гдѣ войска?» — И тогда, Боже мой, ... имѣютъ храбрецы [206]) прежде ударятъ, а потомъ спрашиваютъ? клянуся государемъ солнцемъ милымъ, клянуся его милою матерью, вчера насъ было набрано до сотни тысячь, все молодцы, отборные, съ зелеными щитами: это такой удалый народъ, что имъ и тысячи не страшно, ни тысячи, ни десятка тысячь, ни сколько-бы имъ не встрѣтилось». — Боднулъ вороннаго, взъѣхалъ вверхъ на гору, увидалъ войско и смекнулъ: счету ему нѣтъ. Тогда юноша раздумываетъ, молвитъ: «Коли нападу на нихъ невооруженныхъ, всегда будутъ хвастаться, что я застигъ ихъ невооруженными и не далъ имъ помѣриться. И заговорилъ звонкимъ голосомъ, сколько было силы: «Саракины вооружайтесь, собаки вы поганыя: живо надѣньте брони, ... повѣрьте вы тому, что Армуръ переѣхалъ, Армурычь, сынъ Армура, храбрый богатырь». Клянуся государемъ солнцемъ милымъ, клянуся его милою матерью, сколько звѣздъ на небѣ и листовъ на деревахъ, такъ ихъ [207]) .... осѣдлали, взнуздали коней, вскочили, поѣхали. Тогда-то юноша лихой богатырь [208])

---

206) Пропущено что нибудь въ родѣ: Тогда отвѣчалъ Саракинъ: развѣ такой обычай имѣютъ (храбрецы)?

207) Много высыпало?

208) Въ подл.: *καὶ αὐτὸ καλὸ τ' ἀρίστι*. Хотя «богатырь» означается чаще словомъ *ἀνδρειομένος*, но здѣсь, кажется, *ἀρίϛι* значитъ тоже.

вынулъ саблю красивую изъ ножонъ серебряныхъ, къ небу подбросилъ ее, рукой подхватилъ, воронаго боднулъ, туда близко подъѣхалъ. «Будь я порожденіе діавольское, коли васъ позабуду». И заводитъ бой крѣпко, мужественно, все по краямъ рубилъ, середину истреблялъ. Клянуся государемъ солнцемъ милымъ, его милою матерью, цѣлый день рубилъ онъ ихъ вверхъ по порѣчію, цѣлую ночь рубилъ онъ ихъ внизъ по порѣчію, поставилъ ихъ, переставилъ, никого не оставилъ. Спѣшился молодой, чтобы пахнуло на него вѣтромъ, а одинъ собака — Саракинъ, собака поганая, изъ засады подстерегъ его и увелъ воронаго . . . палицу унесъ. Клянуся государемъ солнцемъ милымъ, милою матерью его, сорокъ миль юноша гнался за нимъ пѣшкомъ, и тамъ нагналъ его у воротъ Сиріи; вынулъ онъ свою сабельку и руку ему отсѣкъ. Ну-ка и ты, Саракинъ, подай-ка и ты вѣсточку! А отецъ-то сидѣлъ снаружи у двери тюрьмы; узналъ своего воронка и палицу своего сына; а всадника-то не видитъ, — вотъ-вотъ душа (изъ тѣла) выйдетъ; тяжко-тяжко застоналъ онъ — и вся башня дрогнула. Тогда-то амира [209]) говоритъ дворянамъ: «Ну-те поглядите, господа, что̀ съ нимъ такое, что стонетъ? Обѣдъ что-ли плохъ, пусть ѣстъ отъ моего стола; винцо что-ли худое, пусть пьетъ моего; тюрьма что-ли смердитъ, пусть накурятъ мускусомъ; тяжелы что-ли оковы, такъ пусть облегчатъ ихъ». А Армуръ молвилъ тогда дворянамъ: «Ни обѣдъ мой не плохъ, чтобъ сталъ я ѣсть отъ его стола, ни винцо не худо, чтобы пить мнѣ его вина; не тяжелы и оковы, чтобы ихъ облегчать стать. Вишь воронка узналъ я и палицу моего сына, а всадника-то не вижу я, такъ пусть выйдетъ изъ меня душа». А амира Армуру сказалъ: «Погоди, Армуръ мой, погоди немножко; пусть крѣпко ударятъ въ органы, пусть громко въ трубы затрубятъ, пусть соберется Вавилонія и вся Каппадокія; и тогда, гдѣ-бы ни находился твой сынокъ, . . . пусть со связанными назади руками приведутъ его къ тебѣ. Подожди-же, Армуръ мой, подожди еще

209) Ὁ ἀμηρᾶς, амира, эмиръ.

немножко». И крѣпко ударили въ органы, и громко въ трубы затрубили, чтобъ собралася Вавилонія и Каппадокія. Никто не собирался, а только однорукій.... Тогда-то амира сказалъ однорукому: «Ну-ка, скажи Саракинъ [210]), ...» А Саракинъ тогда амирѣ молвилъ: «Погоди, государь мой, подожди еще немного, чтобы дали свѣту очамъ моимъ, а воздуху душѣ моей, чтобы бѣдной крови моей собраться въ добрую руку мою, и тогда разскажу я тебѣ, гдѣ войска. Во истину, господа, безъ хитрости вамъ говорю: вчера собралося насъ тысячь до двухъ сотъ, все удальцы, отборные, съ зелеными щитами. Были изъ нихъ и такіе, что и тысячи человѣкъ не боятся; ни тысячи, ни десятка тысячь, ни сколько-бы имъ ни встрѣтилось. Мальчишка малый показался на верху дикой горы. Звонкимъ голоскомъ закричалъ, что было силы: «Саракины вооружайтеся, собаки надѣньте брони, вы тому повѣрьте, что Армуръ переѣхалъ, Армурычь, сынъ Армура, храбрый богатырь. Клянуся государемъ солнцемъ милымъ, клянуся его милою матерью, сколько звѣздъ на небѣ и листовъ на деревахъ, такъ ихъ [211])...... Осѣдлали, взнуздали коней, вскочили, поѣхали. Тогда-то молодецъ, тогда Армурычь, лихой богатырь, вытащилъ саблю красивую изъ ножонъ серебряныхъ, къ небу подбросилъ ее, рукой подхватилъ, воронка боднулъ, туда близко подъѣхалъ. Будь я порожденіе діавольское, коли васъ позабуду. Все по краямъ рубилъ, середину истреблялъ. Клянуся государемъ солнцемъ милымъ, его милою матерью, цѣлый день онъ насъ рубилъ вверхъ по порѣчію, цѣлую ночь онъ насъ рубилъ внизъ по порѣчію; поставилъ насъ, переставилъ, никого не оставилъ. И спѣшился молодой, чтобъ обдало его вѣтромъ, а я-то, уменъ да удалъ, изъ засады подстерегаю его, изъ засады подстерегъ и воронаго увелъ. Клянуся государемъ солнцемъ милымъ, милою матерью его, сорокъ миль онъ гнался за мной пѣшкомъ, и еще сорокъ четыре, пѣшій, въ бронѣ!

---

210) Дополняю: «гдѣ войска?»

211) Много высыпало?

здѣсь-то нагналъ онъ меня у воротъ Сиріи; вынулъ свою саблю и мнѣ руку отсѣкъ. Ну-ка и ты, Саракинъ, подай-ка и ты вѣсточку. Тогда-то амира Армуру говоритъ: «Небось хорошо это, Армуръ ты мой, то что творитъ твой сынокъ?!» Тогда-то мой Армуръ [212]) прекрасную грамотку пишетъ, и съ птичкою посылаетъ ее, съ прекрасною ласточкой: «Скажи ты ему, сыну суки, чаду беззаконія: гдѣ только встрѣтитъ Саракина, чтобъ его миловалъ, какъ-бы не попался ему въ руки, и ему помилованія не будетъ». А юноша тогда прекрасную грамотку пишетъ, съ птичкою посылаетъ ее, съ прекрасною ласточкой: «Скажите государю моему, милому моему батюшкѣ, что пока я вижу наши хоромы на двойныхъ запорахъ, пока вижу маму мою, одѣтую въ черномъ, пока вижу братьевъ моихъ, одѣтыхъ въ черномъ, до тѣхъ поръ я гдѣ ни найду Саракина, кровь его и выпью; а коли-то раззадорятъ меня — такъ я на Сирію и налягу: закоулки Сиріи головами наполню, сухіе гребни Сиріи я кровью наполню» [213]). Какъ выслушалъ это амира, очень убоялся его. И тогда-то амира сказалъ своимъ дворянамъ: «Ну-те, ну-те вы, господа, выведите Армура, да отведите его въ баню, чтобъ вымылся, перемѣнился; да приведите къ моему столу, чтобы со мной пообѣдалъ». Вышли дворяне и вывели Армура, сняли съ него желѣзныя цѣпи и тяжелыя поручи; въ баню отвели и вымылся онъ, перемѣнился. Къ амирѣ отвели его и съ нимъ пообѣдалъ. Тогда амира Армуру говоритъ: «Ну-же, Армуръ ты мой, ну-же иди на свою родину; и наставь ты своего сына, зятемъ его возьму, не къ племянницѣ и не къ двоюродной, а къ моей дочери, свѣту

---

212) См. прим. 35 выше.

213) Сравни:

по лугамъ лугамъ все волосы,
по крутымъ горамъ все головы,
молодецкія все стрѣлецкія.

(Извѣстія о IV арх. съѣздѣ, ст. 32).

моему, очамъ моимъ [214]). Наставь ты сына своего,....., гдѣ только встрѣтитъ Саракина, пусть его милуетъ; а коли прибыль перепадетъ, пусть вмѣстѣ дѣлятъ,..... и пусть живутъ въ любви».

Объясненія къ былинѣ объ Армурѣ.

Все событіе какъ бы выхвачено изъ какой-то установившейся среды. Въ предисловіи къ нашему изданію этой былины мы старалися доказать, что ея содержаніе относится къ эпохѣ международныхъ столкновеній Византіи съ Халифатомъ, то есть ко времени между VII и XI в. и притомъ скорѣе къ второй половинѣ этого времени [215]).

Здѣсь не видимъ черезъ мѣру быстраго возрастанія мальца-богатыря, какъ наприм. въ Порфирѣ (30 дней) и даже сынѣ Андроника (3 года). Выраженія μικρὸς καὶ ἀνέλικον (стихъ 8) = ты мальчикъ малолѣтка, даваемыя ему матерью въ тотъ моментъ, когда ужь въ немъ кипитъ сознаніе своего богатырства— выраженія эти очень неопредѣленны. Есть однако одинъ намекъ, что мальцу Армуру не меньше двѣнадцати лѣтъ. Этотъ намекъ находимъ въ словахъ матери, обращенныхъ къ архондамъ (= дворянамъ): «Осѣдлайте воронаго, который ужь двѣнадцать годовъ воды не пилъ, ужь двѣнадцать годовъ подъ верхомъ не былъ». (стихи 23—25) Произошло это, по видимому, въ слѣдствіе двѣнадцатилѣтняго плѣна его господина. Такъ понято было очевидно это мѣсто авторомъ замѣтки, помѣщенной въ греческомъ журналѣ Аѳинеѣ къ тексту Армура, перепечатанному изъ моего

---

214) Подл.: μόνον εἰς τὴν θυγατέρα μου, τὴν ἔχω φῶς καὶ μάτια. Ср. εἷς παῖς ὅδ᾽ ἦν μοι λοιπός, ὀφθαλμὸς βίου. Euripid. Andromache 407.

215) Объ Армурѣ, 1877. СПБ. См. стр. VII—XI и прим. 7. Сходнаго пріуроченія держусь я и при объясненіи былинъ Дигеновскихъ.

изданія: «Армуропулъ, сынъ Армура, пишетъ авторъ замѣтки, имѣлъ отца (стихъ 11), который будучи взятъ въ плѣнъ Сарацинами, содержался связаннымъ въ продолженіе 12-ти лѣтъ (стихъ 25)» [216]). Дѣло въ томъ, что здѣсь выраженіе «ἔχει χρόνους δώδεκα» понято въ смыслѣ *«есть* ужь двѣнадцать лѣтъ», а не въ смыслѣ «имѣетъ»...., какъ было мною переведено въ первый разъ [217]). Держась этого вѣрнаго толкованія, иду дальше: если младшій изъ Армуричей родился около того времени, когда былъ полоненъ его отецъ, то и онъ къ началу былины достигъ двѣнадцати лѣтъ, то есть обыкновеннаго возраста возмужалости эпическихъ богатырей [218]). Утвердительно говорить объ этомъ я не могу, а только заношу въ перечень разныхъ замѣтокъ по предмету столь мало изслѣдованному, каковъ Греческій средне вѣковой эпосъ.

Испытаніе, которому подвергаетъ юнаго витязя его мать, напоминаетъ то испытаніе, которому по приказанію Иракла должна была подвергнуть трехъ сыновей своихъ отъ Иракла полу-дѣва полу-змѣя, съ которою сочетался онъ въ Скиѳіи. Того изъ сыновей она должна была водворить въ родной землѣ, котораго увидитъ натягивающимъ лукъ Иракловъ и опоясывающимся его поясомъ — по указанному ей самимъ Иракломъ способу [219]). Какъ подросли сыновья, младшій сынъ по имени Скиѳъ

---

216) «Ὁ Ἀρμουρόπουλος, υἱὸς τοῦ Ἀρμούρη, εἶχε κύρην (πατέρα στ. 11), ὅστις αἰχμαλωτισθεὶς ὑπὸ τῶν Σαρακηνῶν ἐκρατεῖτο δέσμιος ἐπὶ 12 ἔτη (στ. 25)». Ἀθηναιον, συγγραμμα περιοδικον κατα διμηνιαν εκδιδομενον, Αθηνησιν, Τόμ. Η', σ. 392.

217) Стихи 24—26:

ὁποῦ ἔχει χρόνους δώδεκα, νερὸν οὐδὲν ἐπίε,
ὁποῦ ἔχει χρόνους δώδεκα, οὐδὲν καβαλλικεύθη,
καὶ τρώγει τὸ καρφοπέταλον, στέκει παλουκουμένον.

218) См. замѣчанія О. Ѳ. Миллера въ Ильѣ Муромцѣ стр. 67, 73.

219) Herodot. IV, 9: «τὸν μὲν ἂν ὁρᾷς αὐτῶν τόδε τὸ τόξον ὧδε διατεινόμενον καὶ τῷ ζωστῆρι τῷδε κατὰ τάδε ζωννύμενον, τοῦτον μὲν τῆσδε τῆς χώρης οἰκήτορα ποιεῦ»....

одинъ былъ въ состояніи совершить задачу — и онъ былъ водворенъ, а прочіе изгнаны изъ родины. Нѣчто подобное видимъ и тутъ: если три раза согнетъ копье отца своего Армуръ, можетъ ѣхать (собственно ѣхать спасать и родителя и родину какъ окажется потомъ). Дальше мы видимъ, что отцовское копье, словно живое существо, чуяло руку своего владѣтеля, «давало хватать себя прежде, чѣмъ онъ захватилъ его» [220]).

Любопытна встрѣча витязя съ войскомъ Саракинскимъ, именно опасеніе, что въ случаѣ нападенія его на Саракинъ врасплохъ, они вѣчно будутъ утверждать, что только такому неожиданному нападенію онъ обязанъ своимъ успѣхомъ. Подобный примѣръ приводитъ изъ Русскаго Дигена (Девгенія) А. Н. Веселовскій: русскіе витязи высылаютъ эмиру взятаго въ плѣнъ Саракина: онъ не можетъ сказать о нихъ, что они подошли къ нему какъ воры, не оповѣстивъ [221]). Армуръ держится Святославова: «иду на васъ»: не такъ дѣйствуетъ начальникъ царскаго войска, когда пускается въ погоню за Порфиромъ [222]).

Глубокою древностью вѣетъ отъ клятвы государемъ солнцемъ милымъ и его милою матерью: клятва эта повторяется шесть разъ [223]). Невольно вспомнишь Іелій (солнце) Иліады, который, въ качествѣ всенадзирающаго и всевнемлющаго божества, призывается на молитвѣ рядомъ съ отцомъ боговъ и людей [224]).

Передъ самымъ вступленіемъ въ бой Армуръ подбрасываетъ къ небу свою саблю и рукою ее подхватываетъ. Сравните

220) Сравни выше саблю Ѳеофилакта стр. 97—98.

221) Въ Beiträge А. Н. Веселовскаго, стр. 556 приведены примѣры объ Алешѣ и Добрынѣ изъ русск. былинъ, о Пріамѣ изъ старославян. перевода Троянскихъ Дѣяній. О. Ѳ. Миллеръ говоритъ о воинственномъ великодушіи на стр. 110 Ильи Муромца.

222) Стр. 80.

223) См. стихи: 61, 76, 95, 143, 154, 161.

224) Ζεῦ πάτερ, Ἴδηθεν μεδέων, κύδιστε, μέγιστε,
Ἠέλιος θ', ὃς πάντ' ἐφορᾷς καὶ πάντ' ἐπακούεις.
(Iliad. III, 276—7).

русскаго витязя: «Мечетъ острое копье подъ вышину небесную, на конѣ подъѣзжаетъ и подхватываетъ» [225]).

Характерно заклинаніе Армура: «Будь я порожденіе діавольское, коли васъ позабуду» = ἀπὸ τὸ γένος τοῦ διαβὸ ἂν σᾶς ἀλησμονήσω (стихъ 84): тутъ противо-христіанская жажда мести выдвинута, какъ первый долгъ героя, за неисполненіе котораго онъ готовъ обречь себя діаволу [226]). Быть-можетъ стихотворецъ усѣкъ окончаніе слова = διάβολος не только ради размѣра, но и для избѣжанія самаго слова. Ср. стр. 28, 29.

Здѣсь можемъ сопоставить двѣ картины изъ героическаго быта. Послѣ боя Армура продолжавшагося цѣлыя сутки «спѣшился молодой, чтобы пахнуло на него вѣтромъ»... (ἀπέζεψε ὁ νεώτερος διὰ νὰ τὸν βαρήσῃ ὁ ἀέρας стихъ 91); и старецъ Несторъ съ Махаономъ, раненымъ, оставивъ битву и прибывъ къ стану Ахейцевъ, «прохлаждали потъ своихъ хитоновъ, ставши противъ вѣтра на берегу моря» (τοὶ δ' ἱδρῶ ἀνεψύχοντο χιτώνων | στάντε ποτὶ πνοιὴν παρὰ θῖν' ἁλός Iliad. XI, 621—622): «wie die Niebelungenhelden, сравниваетъ Дюнцеръ въ своемъ изданіи Иліады (Paderborn, 1866 въ комментаріи на это мѣсто ея).

Мы уже не разъ въ предъидущихъ былинахъ, какъ и здѣсь, встрѣчались съ палицами (ῥαβδίν стихи 94, 114) [227]): онѣ не составляютъ исключительной принадлежности міра эпическаго; онѣ употреблялись и въ настоящихъ битвахъ. Читая историческую

---

225) Кирѣевскаго Пѣсни, Вып. 4, № 3, стихи 35, 36. Для подобныхъ примѣровъ изъ русскихъ, сербскихъ и болгарскихъ былинъ см. Веселовскаго Beiträge, стр. 557, гдѣ ссылки на Илью О. Миллера ст. 16, 13, 185, 243, 362, 569 и на Проф. Безсонова Болгарск. Пѣсни I стр. 15, пр. 5. Ср. Весел. тамъ же стр. 574 и пр. 4.

226) Упоминаніе о діаволѣ въ № 16, передъ стихомъ 30.

227) Ими защищались по древнимъ греческимъ миѳамъ Исполины когда бились съ Мирами: «Μοῖραι δὲ Ἄγριον καὶ Θόωνα (т. е. ἀπέκτειναν) χαλκέοις ῥοπάλοις μαχομένους». См. Ἀπολλοδώρου Βιβλιοθήκη въ Fragm. Historic. Graec. Tom. I, ι, 6, 2).

схватку бывшую во 2-й пол. X в., точно присутствуешь при подвигѣ былеваго богатыря; напр. «Ὁ δὲ Βάρδας τὴν παρῃωρημένην κορύνην μεταχειρισάμενος, αἰφνίδιον τε συστραφείς, κατὰ κόρυθος παίει τὸν ἄνθρωπον· ὁ δὲ αὐτῇ κυνῇ κατεαγεὶς τὸ κρανίον, ἄναυδος τῇ γῇ προσαράσσεται» [228]). Или еще случай изъ того же времени: τηνικαῦτα καὶ Θεόδωρος, ὁ τὴν κατεπωνυμίαν Λαλάκων, ἀνὴρ κατά τε ἀλκὴν καὶ σώματος ῥώμην δυσάντητος καὶ ἀκαταγώνιστος, πλείστους τῶν δυσμενῶν σιδηρᾷ κορύνῃ ἀπέκτεινεν. Ἰσχύϊ γὰρ χειρὸς ταύτην καταφέρων, αὐτῇ κυνῇ καὶ τὴν ταύτῃ περιστελλομένην συνέθλαττε κεφαλήν [229]). Или такой случай: ὅπου δὴ καὶ παρὰ τὸ μεταίχμιον ῥάβδῳ κατὰ τοῦ κρανίου πληγεὶς ὁ Φωκᾶς, τοῦ ἵππου τε κατενέχθη καὶ εἰς γῆν κατεβλήθη [230]).

Но Саракины истреблены; Армуръ на мгновеніе отошелъ отъ своего коня; тогда одинъ Саракинъ изъ засады подстерегъ его (ἐγκρύμματα τὸν ἔβαλε, стихъ 93) — увелъ его воронаго, унесъ его палицу и убѣжалъ къ своимъ, въ Сирію. Какъ и слѣдуетъ быть въ простодушной былинѣ, какъ бываетъ иногда и въ обдуманныхъ романахъ, первымъ, кто завидѣлъ Саракина, бѣгущаго съ похищенными предметами — былъ самъ владѣлецъ ихъ, самъ отецъ Армура, сидѣвшій у двери тюрьмы: къ стати тутъ же была и дверь Сиріи. Какъ понимать слова: отецъ «узналъ своего воронаго и палицу своего сына (стихъ 101)»? Здѣсь какъ будто позабыто, что палица, внезапно завидѣнная отцомъ въ чужихъ рукахъ, была его собственною палицей; или, лучше сказать, здѣсь по сжатости рѣчи умолчаны соображенія отца, то есть, что отецъ узнавъ въ чужихъ рукахъ свою собственную палицу,

---

228) Leo Diaconus, ed. Hase VII, 8, p. 77.

229) Idem IX, 2, p. 89.

230) Idem X, 7, p. 105. (Ср. здѣсь стр. 98 о палицѣ). Названія ея: ῥόπαλον, κορύνη — древнія и литературныя; а простыя ῥαβδί, ἀπελατίκι, ματσοῦκα (mazza, massue, ср. подъ словомъ mazza въ Etymologisches Wörterbuch d. Romanisch. Sprachen, v. Friedr. Diez. Bonn, 1853).

догадался, что она отбита у его сына (и пожалуй заподозрилъ, что Саракинъ убилъ его сына). Это поличное, при отсутствіи сына, самое глубоко-трогательное мѣсто во всей былинѣ: даже башня дрогнула отъ тяжкихъ стоновъ отца. Точно также въ другой пѣснѣ «тюрьма дрогнула отъ стоновъ Яни». И такіе же распросы, какіе дѣлаетъ отцу Армуру Сирійскій эмиръ, обращаетъ къ колоднику Яни царевна. «Царевна услыхала это изнутри своей горницы; посылаетъ, зоветъ его, чтобъ его спросить: «Яни, коли ты голоденъ, зачѣмъ не ѣшь? Яни, коли ты жаждешь, что не пьешь?» Но не отъ этихъ нуждъ стонетъ Яни, а отъ того, что, посаженный въ тюрьму на тридцать дней, онъ въ ней застрялъ и просидѣлъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ (ключи гдѣ-то запропали), и отъ того что, какъ разъ передъ спросомъ царевны, ему приснилось, что его невѣсту выдаютъ за другаго [231]). Эмиръ узнаетъ, что все его войско истреблено. Тутъ можно бы ждать, что эмиръ разразится страшнымъ гнѣвомъ надъ отцомъ истребителя своихъ подданныхъ. Но эмиръ ограничивается ироническимъ вопросомъ: «Небось хорошо это, Армуръ ты мой, то что творитъ твой сынъ (стихъ 168)?!» Такую кажущуюся кротость эмира, къ человѣку, котораго онъ продержалъ въ цѣпяхъ двѣнадцать лѣтъ, надо приписать безпомощности положенія эмира въ эту минуту: ему остается одно: задобрить Армура-отца. Не проглядываетъ ли тутъ чисто Азіятская черта? Затѣмъ слѣдуетъ переписка, сватовство; но къ сожалѣнію былина остается безъ конца.

Остановимся на передачѣ вѣстей черезъ ласточку. Эта передача сперва является здѣсь не въ первоначальномъ своемъ видѣ: не птица сама говоритъ языкомъ человѣчьимъ и этимъ способомъ сообщаетъ вѣсти. Дѣло происходитъ въ болѣе ухищренномъ видѣ: ласточка служитъ курьеромъ, переноситъ письма какъ

231) Въ Νεοελληνικὰ Ἀνάλεκτα I, 2, № 19, 6—10. Сходное съ этимъ послѣднимъ тамъ же I, 2, № 20, 5—9; ср. съ Passow, Pop. Carm. № 449, 11—18.

голуби. «Тогда-то мой Армуръ прекрасную грамотку пишетъ и *съ птичкою посылаетъ ее*, съ прекрасною ласточкой (стихи 169—170) [232])». Но напрасно читатель сталъ бы ждать, что за этимъ будетъ разсказано содержаніе письма. Теперь внезапно форма сообщенія измѣняется и мы читаемъ *слова*, *сказанныя ласточкѣ отцомъ: «скажи ты ему* (стихъ 171)»..... чтобъ миловалъ Саракиновъ. Совершенно тоже повторяется при отвѣтѣ сына. Такимъ образомъ двѣ эпическія формы на лицо и притомъ перепутавшіяся. Переговоры, изображенные въ былинѣ, очень напоминаютъ сношенія горныхъ Грековъ съ Али-пашей и вообще клефтскія пѣсни.

Въ такомъ видѣ, какъ былина сохранилась въ Петербургской рукописи — ее нельзя считать оконченною. Не достаетъ быть-можетъ только, чтобъ осуществились предложенія эмира, въ родѣ того, что и на самомъ дѣлѣ Армуръ — сынъ женился на дочери эмира, а Армуръ — отецъ воротился въ семью свою, и съ тѣхъ поръ обѣ враждебныя стороны жили между собою въ мирѣ и согласіи. Но А. Н. Веселовскій высказываетъ другую ипотезу, на которую считаемъ долгомъ обратить вниманіе знатоковъ дѣла, такъ какъ за нею не мало правдоподобія.

«Нельзя ли себѣ представить, спрашиваетъ критикъ, такое дальнѣйшее продолженіе, что отецъ, выпущенный изъ долгаго заключенія, ищетъ своего сына, но имъ не узнанъ, и что пѣсня въ концѣ разсказывала о враждебномъ столкновеніи отца съ сыномъ? Пѣсень и сагъ о битвѣ между отцомъ и сыномъ много: эта тема, по видимому, была излюбленною, извѣстною и въ русскомъ эпосѣ: Edelstand Du Méril, Anthes, R. Köhler, Орестъ

---

232) См. о формулѣ этой собранное А. Н. Веселовскимъ въ Beiträge.... стр. 555. — Примѣръ первоначальной формулы, переноса не письма, а живыхъ словъ см. въ слѣдующемъ: «Ты *охота, охота молодецкая! полетайка охота* къ моей матушкѣ, *спроси-ко* у ней, какъ съ Ильей перевѣдаться? (Кир. I, 1, № 5). Гдѣ словомъ «охота» обозначаются, по толкованію О. Ѳ. Миллера *соколы* (Илья 36).

Ѳ. Миллеръ и другіе сопоставили многое такое, что свидѣтельствуетъ о большомъ распространеніи этого эпическаго мотива, число этихъ сопоставленій въ настоящее время могло бы быть умножено новыми имъ параллельными. Если со мною согласны, продолжаетъ А. Н. Веселовскій, что допущенный мною исходъ греческой пѣсни эпиченъ (eposgemäss) и по этому можетъ быть признанъ за правдоподобный, то я склоняюсь въ двухъ русскихъ пѣсняхъ (Кир. I, 3, 113—124, № 1 и 2) видѣть передачу (die Uebertragung) подобную греческой. Имена указываютъ, хотя и въ искаженіи, на не переработанный византійскій матеріалъ: царь называется Сауломъ или Сауромъ, но онъ сынъ какого-то Льва (Леванидовичъ, Ванидовичъ); имена его жены и его сына, Елена и Константинъ, возвращаются въ другихъ русскихъ пѣсняхъ, гдѣ на нихъ возложены имена царственной византійской четы [233]).

Въ нашемъ изданіи этой былины мы не объяснили имени Ἀρμούρης, потому что не находили надлежащаго объясненія. Въ послѣдствіи мы нашли въ сборникѣ эпирскихъ словъ Константина Варзоки слова ἀλμούρα и ἀλμουράζω: послѣднее въ смыслѣ λεηλατῶ. Объ этимологіи ихъ собиратель пишетъ: «ἴσως ἐκ τῶν ἁλμάτων τῆς χειρός, ἅτινα ἐν καιρῷ διαρπαγῆς συνηθέστερον γίνονται». (См. въ Ὁ ἐν Κωνστ. Ἑλλην. Φιλολογ. Σύλλογος 1876—7. Сборникъ присланъ въ общество изъ Лаисты, въ Эпирѣ). Толкованіе невѣрно: но если ἀλμουράζω значитъ разоряю, то и ἀρμέρης могло бы значить: разоритель (съ перемѣной λ на ρ, какъ ἀλμυρός и ἀρμυρός, ἀδελφός и ἀδερφός). Но за вѣрное мы этого не выдаемъ.

---

233) Веселовскаго Beiträge стр. 588 и пр. 1, гдѣ ссылки на упомянутыхъ ученыхъ.

22. О КСАНѲИНѢ [234]).

Ксанѳинъ, престрашный, всюду прославленный, чей говоръ — громъ, чьи слезы — градъ, сидѣлъ и наставлялъ сына своего Василія: «Ко прочимъ къ за́мкамъ пойдемъ, на прочія-то на торжища; а туда на мѣдный токъ, да къ гладкой грушѣ, ... тамъ

234) Греческій текстъ этой былины изданъ былъ мною въ третьемъ годѣ по тексту, написанному рукою покойнаго доктора Георгія Димитріевича Симвулида. Онъ желалъ какъ можно точнѣе воспроизвесть мѣстный выговоръ Трапезунтскій, и какъ тамошній уроженецъ, исполнилъ это очень хорошо. Въ тѣхъ случаяхъ, когда греческія письмена, по ихъ обычному общегреческому произношенію, не могли передать мнѣ съ полною исправностію произношеніе его родичей, онъ примѣшалъ къ греческимъ буквамъ и русскія. Этого способа буквально держался я, когда издалъ этотъ греческій текстъ какъ Приложеніе къ XXXIX тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ, № 6. подъ заглавіемъ: О Ксанѳинѣ. Греческая Трапезунтская былина византійской эпохи. Г. С. Дестунисъ. Του Ξανθινου Ἆσμα δημοτικὸν Τραπεζοῦντος τῆς βυζαντινῆς ἐποχῆς, ἐκδοθέν, ῥωσσιστὶ μεταφρασθὲν καὶ διερμηνευθὲν παρὰ Γαβριὴλ Δεστούνη. СПБ. 1881. (Всего 27 стр.). Предлагаемый нынѣ переводъ тотъ же, что и въ изданіи. О самомъ изданіи упоминаетъ Спиридонъ Павл. Ламбръ въ Philologische Wochenschrift № 1 (1 Окт. 1881). — Есть и отдѣльные оттиски нашего изданія. Первый стихъ:

Ὁ Ξάνθινον ὁ πάνδεινον κι' ὁ παντολαλεμένον.

Когда я издавалъ Ксанѳина мнѣ не было извѣстно, что въ сборникѣ Тріандафилида (къ драмѣ Οἱ Φυγάδες) помѣщенъ Ксанѳинъ. Теперь все еще не имѣя этой книги, выписываю нѣсколько стиховъ изъ этой пѣсни, заимствованныхъ изъ Тріандафилидова сборника Г. Политомъ: Ὁ Ξάντινον, ὁ Ξάντινον καὶ πάντα λαλεμένον, | 'ς τὸ ἔναν τὸ ῥουθῶνιν ἀτ' ἀλόγα σταμνεσμένα, | καὶ 'ς τ' ἄλλο τὸ ῥουθῶνιν ἄτ' χειρομυλίτζα κλώσκουν | κ' ἀπάνω 'ς τὴν κορφίτσαν ἀτ' ζευγάρι' βεδι'ἀλωνίζνε (ссылка на Τριανταφυλλίδου, οἱ Φυγάδες σ. 170). Разница въ томъ, что по этому разсказу волы пашутъ на головѣ Ксанѳина, а по Симвулидовскому, — это происходитъ на хребтѣ Саракина. (Πολίτου, Μελετη επι του βιου των νεωτερων Ελληνων, Μερ. Β', 521—2.)

крѣпость разрушилъ я, ... туда, Василій, не ходи!» А онъ батюшки своего не послушалъ, онъ туда-то и пойди: тамъ съ буйволомъ полевымъ — обоихъ запрягли въ пару; запрягли въ пару и возитъ каменья. Наладили ярмо мѣдное, ошейникъ желѣзный. Саракина деревенщину приставили погонщикомъ, дали ему въ руку кинжалъ и бодецъ. Какъ попритомится Василій, поугостятъ бодцомъ, какъ попритомится буйволъ, поугостятъ кинжаломъ; въ гору ли, съ горы ли, все Василій впереди; какъ по ровному, по ровнехонькому рядышкомъ и ярмо. Ксанѳинъ, престрашный, всюду прославленный, вышелъ и поискалъ сына своего Василія у разсѣлинъ камня, у сердцевины дерева, на омутѣ рѣки, на холмахъ — на горахъ солнцевыхъ. Саракина повстрѣчалъ онъ на верху, на перекресткѣ; тамъ находился онъ, да и больной, въ сонъ погруженный; имѣлъ на головѣ своей шестьдесятъ пять за́мковъ; шестьдесятъ пять было за́мковъ, сорокъ двѣ деревни; на затылкѣ у него мельницы вертятся; какъ въ одной-то ноздрѣ его конь въ стойлѣ стоитъ, а въ другую ноздрю дѣвица умычена. Ксанѳинъ престрашный, всюду прославленный, палицу спустилъ ему на голову; разрушилъ тѣ шестьдесятъ пять за́мковъ, раззорилъ деревни его и мельницы, коня-то изъ стойла выгналъ, а дѣвицу выпустилъ: «Выходите вы амирскія дѣти, здѣсь я за́мки разрушилъ, и опять буду съ корнемъ вырывать».

Объясненія на Ксанѳина.

Въ предисловіи къ нашему изданію этой былины мы излагаемъ трудности пріуроченія ея сюжета къ опредѣленному времени, и приводимъ доводы, по которымъ, хотя и слѣдуетъ отнести событіе къ эпохѣ Арабскихъ завоеваній, но отнюдь не къ начальному ихъ появленію (см. стр. 5). Проживаніе греческихъ и саракинскихъ властелей въ отдѣльныхъ, но другъ отъ друга не далекихъ за́мкахъ, ихъ частыя враждебныя столкновенія

и мирныя сношенія, знакомство съ мѣстностью, гдѣ живетъ врагъ, ихъ взаимная семейная месть и нѣкоторая общественная терпимость, кинжалы, бодцы, палицы, вотъ тотъ полуисторическій бытъ, который составляетъ обстановку пьесы.

Съ самого начала видимъ запретъ отца сыну «идти на мѣдный токъ». Главное основаніе предостереженія, какъ явствуетъ изъ словъ отца, заключается въ томъ, что онъ, отецъ, въ томъ мѣстѣ когда-то разрушилъ зáмокъ. Онъ стало быть опасается, чтобы тамъ надъ его сыномъ не разразилась за это месть владѣтеля разрушеннаго зáмка. Но тутъ кроется, по видимому, еще нѣчто. Мѣдный токъ (мѣдное гумно, στὸ χάλκινον στ' ἀλόν, стихъ 5) есть очень обобщенное въ греческомъ средневѣковомъ эпосѣ поприще для борьбы между храбрецомъ и Харономъ (№№ 5—10, 12, 13). Въ выраженіи «мѣдный токъ» нѣтъ ли чего-либо роковаго? «Не ходи къ мѣдному току» не значитъ ли: «не ходи въ то мѣсто, гдѣ тебѣ предстоитъ смерть неминучая»?

Сынъ терпитъ наказаніе собственно за свое непослушаніе отцу: сперва запряженъ вмѣстѣ съ буйволомъ — таскать каменья, потомъ, какъ надо полагать, — убитъ. Такова обычная послѣдовательность эпическихъ фактовъ: за неповиновеніе родителямъ является, какъ непремѣнное его послѣдствіе — кара [235]. Этого требуетъ чувство нравственнаго удовлетворенія, въ этомъ такъ называемое очищеніе (κάθαρσις). Такое же воззрѣніе во всей строгости своей проводилось и въ жизнь. Левъ Діаконъ (X стол.) разсказываетъ, что во время Сирійскаго похода Іоанна Цимискія, нѣкто Никита, секретарь (ὑπογραφεύς), пошедшій на войну за царемъ противъ желанія своего отца, очень упрашивавшаго своего сына не идти на войну, а ухаживать за нимъ въ его старости, — утонулъ въ Евфратѣ при переѣздѣ на конѣ черезъ эту рѣку. Авторъ, современникъ событія, прибавляетъ отъ себя: «ἐπί-

---

235) Примѣры о послѣдствіяхъ непослушанія дѣтей собраны О. Ѳ. Миллеромъ въ Ильѣ стр. 115, 307, 419.

χειρα τῆς παρακοῆς τὴν ἐν τῷ Εὐφράτῃ ἀπενεγκάμενος πνιγμονήν» [236]).

А что Василій нашей былины былъ дѣйствительно на чужой сторонѣ убитъ — это видно изъ поисковъ отца: вездѣ ищетъ несчастный отецъ своего сына: въ разсѣлинахъ камней, въ дуплахъ древесныхъ, въ рѣчныхъ омутахъ, по холмамъ, по горамъ. Былина не прибавляетъ: «и нигдѣ не нашелъ его»; не прибавляетъ: «сынъ былъ убитъ врагами»: но все это ясно. Это ясно изъ мести отца, которая разразилась надъ его исконнымъ врагомъ Саракиномъ исполиномъ; который надо думать и былъ не кто иной, какъ владѣтель разрушеннаго имъ зáмка. Не даромъ завидѣлъ его Ксанѳинъ — на «*перекресткѣ*» (ἀπὰν στὸ σταυροδρόμιν) (стихъ 21). Изъ девяти пастуховъ, стерегшихъ одно стадо, такъ сказано въ другой Трапезунтской пѣснѣ, восьмеро ушло на любовное свиданіе, одинъ только Яни остался при стадѣ: «Пять ночей, пять дней не спитъ Яни. На посохъ оперся, соснуть маленько. Просыпается, глядь, нигдѣ ни овечки. Сдѣлалъ себѣ посохъ (палицу) желѣзный [237]), да мѣдныя лапти: весь свѣтъ обошолъ, нигдѣ ни овечки не нашолъ. Только волка повстрѣчалъ *на перекресткѣ*: «Скажи по Богѣ, волче, не видалъ ли гдѣ овцы?» — «Ужь коли ты меня спросилъ, по Богѣ скажу тебѣ правду: тысячу съѣлъ я ихъ утромъ, да тысячь десяточекъ въ полдень, а къ закату солнца — шкурки поразвѣсилъ» [238]). Въ другой пѣснѣ прямѣе видно значеніе *перекрестка*: удальцы уговариваются: «Ну-ка пойдемъ засядемъ посреди *перекрестка* гдѣ будетъ проѣзжать Харонъ на своемъ конѣ: одинъ захвати коня, другой сѣдло, а третій захвати ключи, чтобъ отомкнуть нижній свѣтъ» [239]).

---

236) Leo Diaconus, ed. Hase X, 1, p. 99. «Получивъ въ награду за свое ослушаніе — потопленіе въ Евфратѣ».

237) Ср. примѣч. 230.

238) Passow, Popul. Carm. № 505; заимствована Пассовымъ изъ Ξανθοπούλου, Φιλολογικὸς Συνέκδημος 428.

239) Νεοελληνικὰ ἀνάλεκτα I, № 71.

Месть побудила отца на убіеніе враждебнаго Саракина въ такую минуту, когда тотъ спалъ. Тутъ не было мѣста чувству, подобному тому, которое одушевляетъ Армура, когда онъ не позволяетъ себѣ напасть на невооруженныхъ враговъ [240]). Но уничтоживъ соннаго врага своего Ксанѳинъ щадитъ его служилыхъ людей и его плѣнницу [241]).

О личности героя находимъ такія соображенія у Г. Полита: «Этотъ Ксантинъ, прославленный, судя по пѣснѣ, видно былъ знаменитымъ Трапезундскимъ героемъ; потому что и въ другой пѣснѣ Трапезундской (т. е. Эмиръ-Али), которая есть измѣненіе ниже издаваемой пѣсни «Сынъ Андроника», Ксантинъ или Ксанѳинъ, именуется его καλάδελφος». (Πολίτου, Βίος и т. д. 522). Подождемъ будущихъ его работъ: покамѣстъ темно.

---

23. СЫНЪ ВДОВЫ [242]).

Сынъ вдовы обѣдаетъ за мраморнымъ столомъ, вилки у него золотыя, тарелки чистаго серебра, а дѣвица, что наливаетъ ему (вино) укутана въ серебро. Но вотъ мать его со стороны приходитъ разсвирѣпѣвши: «Ты кушаешь, сынъ мой, кушаешь, а Франки налегли на тебя?!» — «Выдь, матушка, погляди, сколько тысячь будетъ: коли двѣ тысячи — веселиться можно,

---

240) См. стр. 103.

241) Саракина-исполина необходимо сопоставить съ подобнымъ ему, описаннымъ въ № 8, стр. 37—8. Вообще подробныя примѣчанія на эту былину о Ксанѳинѣ и замѣтки о говорѣ см. въ нашемъ изданіи ея.

242) Эта Критская пѣсня издана въ первый разъ Яннаракіемъ въ его сборникѣ: Ασματα Κρητικα... Kretas Volkslieder... v. Anton Jeannaraki, Leipz. 1876, подъ названіемъ: Τσῆ χήρας ὁ γιός (Сынъ вдовы № 263). Первый стихъ: χήρας ὑγιός ἐγεύγεντο 'ςὲ μαρμαρένια τάβλα. (Есть варіанты двухъ мѣстъ.)

коли три — еще пить можно, а коли больше того, сѣдлайте воронаго!» — «Я вышла, сынъ мой, и поглядѣла, да вѣдь имъ счету нѣтъ!» — «Осѣдлайте моего воронаго, да подпружьте хорошенько, да дай мнѣ, матушка саблю святоконстантиновскую [243]), выйду я, погляжу на войну Франковъ. Вороной ты мой, рѣзвыя колѣнки, какъ вихорь ноги, много разъ спасалъ ты меня отъ тяжкихъ бурь, коли спасешь и отъ этой, — раззолочу тебя, четыре золотыя подковы сдѣлаю тебѣ, изъ перстней русой дѣвицы сдѣлаю стремена и уздечько!

При входѣ тысячу вырубилъ, при выходѣ двѣ тысячи, а при другомъ поворотѣ не нашолъ кого и рубить, кромѣ одного Политрихила, подъ скамьей. Протягиваетъ свою рученьку, за голову хватаетъ его. А небо-то дрогнуло, а море-то возревѣло, а ангелъ съ небеси громкимъ голосомъ вопіетъ: «Полно тебѣ, сынъ вдовы, вѣдь міръ провалится, вотъ ужь и небо дрогнуло, и море возревѣло!»

Объясненія на Сына вдовы.

Конецъ пѣсни обличаетъ явное нерасположеніе слагателя къ безцѣльному истребленію. Всѣхъ положить на мѣстѣ, никого не помиловать — по взгляду слагателя перестаетъ быть дѣломъ похвальнымъ. Въ эпическомъ сознаніи народа совершился поворотъ. Отъ того введенъ въ былину ангелъ, а не кто другой.

Героемъ является здѣсь, какъ и въ Лиссарѣ (№ 19), сынъ вдовы. И въ другихъ пьесахъ сынъ вдовы представленъ безшабашнымъ смѣльчакомъ: такимъ мы видали его въ Единоборствѣ съ Харономъ (№ 9): сравни еще этотъ типъ въ Passow (Popul. Carm. № 428), Schmidt (Märchen стр. 162, № 20). Похвальба витязя выражается здѣсь не въ той формулѣ, которую мы встрѣ-

---

243) Καὶ δός μου μάνα τὸ σπαθί, τ' ἁγιοκωσταντινάτο, стихъ 11).

тили въ №№ 14, 16, 18, 19: «не боюсь ни того и ни того», причемъ названы именитыя лица; здѣсь онъ изъ за двухъ или трехъ тысячь непріятелей не намѣренъ даже перервать свой обѣдъ: онъ тогда только тронется, когда придетъ ихъ больше [244]).

Здѣсь витязь живетъ не съ женою, какъ Дигенъ (Акрита), а съ матерью. Мать извѣщаетъ его о приближеніи враговъ; она уличаетъ его въ бездѣйствіи; она подаетъ ему саблю святоконстантиновскую. Дѣвица же только вино наливаетъ: она очевидно плѣнница.

Нѣкоторая перемѣна замѣтна и въ боевомъ конѣ. Мы видѣли одного коня «переваривающаго въ себѣ камни», (πετροκαταλύτης), «пьющаго шипучку» «топчащаго мраморъ и пыли не подымающаго» (№ 20); другаго — «непьющаго двѣнадцать лѣтъ воды» (съ горя) (№ 21) — это все свойства баснословныя, изъ миѳа. Здѣсь коню даются болѣе естественные эпитеты «быстроколѣнный и вихреногій [245]) (γοργογόνατε καὶ ἀνεμοχυχλοπόδη). Конь Акриты за будущую услугу требуетъ отъ своего господина «отборнаго корму» (№ 3 стр. 16); сынъ вдовы уговариваетъ своего воронка обѣщаніемъ не корма, а золотыхъ подковъ, уздечка, стремянъ изъ перстней красавицы.

---

244) Здѣсь (Jeannaraki № 263, 7—8):

Κι' ἂν εἶνιε δυὸ νὰ χαίρωμαι κι' ἂν εἶνιε τρεῖς νὰ πίνω
Κι' ἂν εἶνιε περισσότεροι σελώσετε τὸ μαῦρο.

Ср. Φιλολ. Σύλλογος Η', 407, № 13 (τὸ Βλαχόπυλον):

ἂν ἦνε χίλιοι κ' ἑκατὸ νέμπα τους μοναχός σου,
ἂν ἦνε καὶ περσσότεροι, φώναξε καὶ τοῦ Κώστα.

Ср. еще: Ζαμπ. Ασμ. 680, № 105, Schmidt, Märchen. ст. 206, № 65. Этому народному мотиву подражаетъ любимый народный поэтъ Валаоритъ въ началѣ своего Дьяка.

245) Іоаннаракій въ своемъ словарикѣ критскихъ словъ, приложенномъ къ вышеупомянутому Сборнику удачно переводитъ этотъ эпитетъ ἀνεμοχυχλοπόδης древнимъ Омировскимъ ἀελλόπους.

Бѣдняга, забившійся подъ скамью, чтобъ не быть убитымъ, за котораго вступились и небо, и море, и ангелъ, — носитъ прозвище Многоволосаго, Волосастаго (Πολυτρίχιλος). Быть можетъ самое дѣйствіе витязя, протягиваніе руки къ головѣ единственнаго уцѣлѣвшаго непріятеля — вызвало въ былинщикѣ эту кличку: волосатая голова жертвы могла ускорить побѣду богатыря: но эта недостойная богатыря побѣда, кажется, ему не далась.

Отмѣтимъ нѣсколько общихъ мѣстъ:

(въ Сынѣ вдовы):

Я вышла и поглядѣла, да вѣдь имъ счету нѣтъ (стихъ 10).

(Ср. Армура):

Въѣхалъ вверхъ на гору, увидалъ войско и смекнулъ: счету ему нѣтъ (стихъ 68).

(Сынъ Вдовы):

При входѣ тысячу изрубилъ, при выходѣ двѣ тысячи, при другомъ поворотѣ не нашолъ, кого и рубить. Сравни О Просфирѣ (№ 18 въ концѣ) и О Лиссарѣ (№ 19 въ концѣ), а также Recueil Леграна № 51.

Мы указали на нѣкоторыя черты, свидѣтельствующія о перемѣнѣ, происшедшей въ характерѣ былины: но мы этимъ не хотѣли сказать, что былина эта новая. Названіе же Франковъ прилѣпилось къ ней на мѣсто какого нибудь выпавшаго изъ нея болѣе древняго имени. Такъ въ пѣсняхъ Οἱ Βλαχόπουλοι (τὸ Βλασόπουλον) по однимъ текстамъ нападаютъ Турки, по другимъ въ томъ же сюжетѣ Влахи [246]).

---

246) См. ссылки наши въ прим. 244. Вообще между Сыномъ вдовы и Влахопулами есть много сроднаго, хотя сюжеты и различные.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Перебирая приведенныя объясненія на греческія богатырскія былины, читатель естественно можетъ задать намъ вопросъ: отъ чего для опредѣленія времени ихъ мы не обратили главнаго вниманія на ихъ языкъ. Предвидя возможность такого вопроса, мы заранѣе отвѣчаемъ.

Всѣ изданныя здѣсь былины, кромѣ двухъ, записаны были греческими учеными собирателями со словъ поющаго или разсказывающаго ихъ народа. По этому языкъ этихъ былинъ носитъ по необходимости слѣды разныхъ вѣковъ, со включеніемъ и самаго послѣдняго времени. Выдѣлить сполна самые старинные обороты и слова — критикѣ пока еще нѣтъ возможности. Мѣстные собиратели могли бы отмѣтить всѣ тѣ обороты и слова пѣсень, которыя уже перестали быть въ употребленіи въ тамошнемъ говорѣ: это они иногда и дѣлаютъ, напримѣръ Іоаннидъ для Трапезундскаго говора, Сакелларій для Кипрскаго: но такихъ замѣтокъ пока очень мало, такъ что на нихъ еще рано строиться. Сверхъ того филологическія розысканія могли бы быть начаты только по поводу изданія подлинныхъ греческихъ текстовъ, и притомъ текстовъ многочисленныхъ и разнородныхъ, а не по поводу сборника пѣсень одного только разряда, сборника переводнаго и не имѣющаго притязанія на полноту.

Что касается до произведеній, не записанныхъ прямо съ устъ народа, а заимствованныхъ изъ рукописей, то такихъ въ нашемъ сборникѣ собственно только два: Узнаніе или Сынъ Андроника и Армуръ. Первая изъ этихъ пѣсень списана и издана была сперва покойнымъ Замбеліемъ, а потомъ Г. Леграномъ. И первый и второй, какъ мы видѣли ссылается на списокъ бывшій въ рукахъ Брюне-де-Преля [247]). При этомъ Замбели о времени

247) См. примѣч. наше 117.

списка, которымъ онъ пользовался, умалчиваетъ. Г. Легранъ пишетъ слѣдующее: «Le fils d'Andronic ne fait pas partie du troisième volume des chants populaires grecs que Fauriel se proposait de publier (какъ сообщалъ Замбелій); nous ne savons pas non plus s'il a été extrait comme le prétend Zambélios, d'un manuscrit de la Bibliotheque nationale de Paris; ce qui est vrai c'est que le texte de ce petit poëme fut dicté par Hase aux élèves qui suivaient son cours de grec vulgaire, et M. Brunet de Presle, qui l'écrivit alors, nous assure que le savant helléniste avait negligé de dire d'où il l'avait tiré» [248]). Это показаніе, такъ же какъ и Замбеліево, оставляетъ читателя въ полной неизвѣстности. Время написанія того Сборника, въ которомъ былъ найденъ Армуръ, до сихъ не вполнѣ уяснено. Въ предисловіи нашемъ къ Армуру мы выражаемся слѣдующимъ образомъ: «Хотя въ самомъ Сборникѣ и не обозначено нигдѣ время его написанія, но необходимо допустить, что онъ списанъ не раньше 1365 года. Такая увѣренность основывается на томъ наблюденіи, что всѣ девять произведеній, помѣщенныхъ въ сборникѣ, писаны, по видимому, не только однимъ и тѣмъ же почеркомъ, но и одною и тою же рукою; а въ одномъ изъ произведеній этого сборника, озаглавленномъ «*Шуточный разсказъ о четвероногихъ животныхъ* (Διήγησις παιδιόφραστος τῶν τετραπόδων ζώων) [249]), упомянуто, что споръ между этими животными произошелъ въ 1365 году. Впрочемъ можно догадываться, что сборникъ Императорской Библіотеки (все тотъ же № CCII) писанъ и не раньше середины XV в.). Къ этому ведетъ внимательное изученіе другаго стихотворенія того же сборника, озаглавленное: «О завоеваніи и плѣненіи Аттической Аѳины Персами» (Περὶ τῆς ἀναλώσεως

248) Recueil, 182—183 и наше прим. 117.

249) Это стихотвореніе издано Вагнеромъ въ Carmina Graec. medii aevi, Lips. 1874. Стр. 141—178. Въ строкахъ 11—12 сказано, что собраніе четвероногихъ произошло въ 6873 году, чему соотвѣтствуетъ 1365 г. нашей эры.

καὶ τῆς αἰχμαλωσίας ἣ γέγονεν ὑπὸ τῶν Περσῶν εἰς Ἀττικὴν Ἀθήνα) [250]). По характеру изображеннаго тутъ событія я пришелъ къ убѣжденію, что это событіе не иное что, какъ извѣстное покореніе Аѳинъ Турками въ 1456 году [251]). Нѣсколько дальше тамъ же мы писали: «Итакъ рукопись, содержащая въ себѣ плачъ о разореніи Аѳинъ Турками, не могла быть списана и раньше этого событія, т. е. раньше 1456 года. По общему характеру письма можно бы однако отнести ее къ значительно позднѣйшему времени; но для точнѣйшаго пріуроченія не достаетъ у меня въ настоящее время необходимыхъ данныхъ» [252]). Вотъ наша прежняя попытка: намъ неизвѣстно, чтобъ кто нибудь опредѣлилъ время рукописи съ должною точностью. Итакъ и списокъ Армура не изъ древнихъ, онъ несравненно моложе описаннаго въ немъ событія. По такому списку нельзя быть увѣреннымъ въ эпохѣ, когда былина была впервые записана, тѣмъ менѣе въ эпохѣ, когда она создалась.

Всѣ вышеприведенныя въ этой заключительной замѣткѣ соображенія достаточно объясняютъ, почему критеріемъ при опредѣленіи времени возникновенія основнаго состава разсмотрѣнныхъ былинъ приняты были нами описываемыя событія и характеръ ихъ изложенія, а не языкъ.

---

250) Этотъ плачъ изданъ нами подъ заглавіемъ: О покореніи и плѣненіи произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греческое стихотвореніе эпохи Турецкаго погрома. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Гавріилъ Дестунисъ. СПБ. 1881. Περι της αναλωσεως και της αιχμαλωσιας η γεγονεν υπο των Περσων εις Αττικην Αθηνα. Ποιημα της εποχης της τουρκικης κατακτησεως, εκδοθεν, ρωσσιςι μεταφρασθεν και διερμηνευθεν παρα Γαβριηλ Δεστουνη. Ἐν Πετρουπολει, 1881. Помѣщено въ VI томѣ Записокъ Историко-Филологическаго Факультета.

251) Объ Армурѣ, Предисловія стр. I—II.

252) Тамъ же стр. III.

ДОПОЛНЕНІЯ.

---

1) Къ стр. 32—33 и прим. 60.

Г. И. Ждановъ, въ своемъ изслѣдованіи подъ заглавіемъ: «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи (Кіевъ, 1881)», выражаетъ сомнѣніе относительно вѣрности сдѣланнаго Б. Шмитомъ замѣчанія, что въ основѣ мысли греческой пѣсни «О мѣстномъ духѣ и храбрецѣ» (Τὸ στοιχειὸ καὶ ὁ ἀντρειωμένος, Χασιώτου Συλλογή, 1866, № 31) лежитъ воспоминаніе о убіеніи Агамемнономъ священной лани Артемидиной. «Олень съ распятіемъ между рогами, объясняетъ Г. Ждановъ, есть легендарная черта, восходящая своимъ началомъ къ древнему представленію Христа въ образѣ оленя» (стр. 80, прим. 29). Далѣе авторъ приводитъ примѣры. Очень интересно его сопоставленіе; но этимъ сближеніемъ не отвергается возможность и даже вѣроятіе сочетанія въ народной фантазіи христіанской легенды съ древнимъ эллинскимъ миѳомъ. Просимъ даровитаго изслѣдователя и другихъ ученыхъ, занимающихся народными былинами, обратить вниманіе на то, что греческая пѣсня «Завороженный олень» (Τὸ στοιχειωμένο ἐλάφι Passow № 516, у насъ № 6), дружка предъидущей, заслышана и записана на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, къ которымъ пріуроченъ и упомянутый древній миѳъ. (См. наше пр. 53.) Мѣстность здѣсь имѣетъ свое значеніе.

2) Къ стр. 93 и 97. — Я перевелъ слово ἀφρίτης по догадкѣ — «пѣнящееся вино». Позже обратилъ я вниманіе на то, что между словами новогреческаго языка, оканчивающимися на ιτης, собранными профессоромъ Іоанномъ Протодикомъ, есть и это слово съ такимъ объясненіемъ:

Ἀφρίτης, εἶδος λεπτοῦ ἅλατος, то есть: ἀ. видъ мелкой соли. Въ его статьѣ: Ιδιωτικα της νεωτερας ελληνικης γλωσσης, помѣщенной въ Αθηναιον, τόμος 8, 273—287, см. стр. 280.

Но это свѣдѣніе, кажется, не можетъ содѣйствовать къ уясненію того питья, которое подносилось коню Θеофилакта.